

ISSN: 2312-3184

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вестник

Восточно-Сибирского института МВД России

№ 3 (114)

2025

Иркутск

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 3 (114) 2025

Учредитель: Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 38836

Издается с июня 1997 г.

Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Адрес типографии: 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Тел./факс (3952) 410-215

e-mail: esiirk_vestnik@mvd.ru

www.vestnikesiirk.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2025

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

А. П. Перетолчин, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

Ответственный секретарь:

Р. Р. Мухина, главный редактор научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Восточно-Сибирского института МВД России

Члены редакционной коллегии:

А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф., ректор Байкальского государственного университета; профессор кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

Ю. В. Гаврилин, д-р юрид. наук, проф., зам. начальника управления научных исследований – начальник отдела организации научных исследований ЭКЦ МВД России

Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

В. И. Майоров, д-р юрид. наук, проф. проф. кафедры административной деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России

И. В. Минникес, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета

И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доц., зав. отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета

В. В. Николюк, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., гл. научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., заведующий центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., заведующий отделом криминологических исследований Института правовых исследований Байкальского государственного университета

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, проф., директор Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Юридического института Байкальского государственного университета

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Карагандинской академии МВД РК имени Баримбека Бейсенова

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника института по научной работе Сибирского юридического института МВД России

В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 27 сентября 2025 г. Дата выхода в свет 30 сентября 2025 г.

Цена свободная

Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 33,25.

Тираж 1000 экз.

Первый завод 35 экз. Заказ № 31

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK OF THE EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 3 (114) 2025

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
(Roskomnadzor)

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Since June 1997

The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, 110 Lermontov St.
Tel./fax (3952) 410-215,
e-mail: esiirk_vestnik@mvd.ru
www.vestnikesiirk.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2025

Editors

Chief Editor

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Deputy Chief Editor

A. P. Peretolchin, candidate of legal sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Executive Secretary:

R. R. Mukhina, Editor-in-Chief of the Research and Editorial and Publishing Department of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Members of the Editorial Board

A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, Rector of Baikal State University, Professor of the Department of Criminal Procedure of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Yu. V. Gavrilin, Doctor of Law, Professor Deputy Head of the Scientific Research Department - Head of the Scientific Research Organisation Department of the Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia

B. Y. Gavrilov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

V. I. Mayorov, Doctor of Law, Professor, Professor of Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia

I. V. Minnikes, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University

I. A. Minnikes, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Institute of Legal Research, Baikal State University

V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice

S. L. Nudel, Doctor of Law, Associate Professor, head of the center of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, ead of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

A. L. Repetskaya, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminological Research Department of the Institute of Legal Studies of the Baikal State University

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Pro-Curatorial Supervision of the Law Institute Baikal State University

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminology, Forensic Examinations and Legal Psychology of the Baikal State University

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Institute for Research Work of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 27 th June 2025. Publication date 30 th June 2025.

Price: free

Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets 33,25. Issue 1000 copies Fist issue 35 copies. Order No. 31

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Аникушин С. В. О роли принципов в системе методологических оснований формирования категорий в теоретико-исторических правовых науках.....	9
Беженцев А.А. Нормативность актов судебной власти: общетеоретические проблемы	18
Белозерцева В. В., Белозерцев С. М. Правовые и доктринальные основы деликтоспособности лиц, ограниченных в дееспособности	38
Егоров А. А. Оценка теории естественного права в трудах г. Ф. Шершеневича (1863–1912): современное прочтение.....	50
Сысоев А.А. Превышение полномочий как проявление должностной преступности на территории Восточной Сибири во второй половине XVIII столетия	58

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Иванова Е. Л. Классификации правовых режимов: теоретические подходы и тенденции современного законодательного регулирования	76
Куцкель М. В. Актуальные вопросы применения органами внутренних дел административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ст. 6.24 КОАП РФ.....	87
Ольшевский А. В., Рябов Е. В., Школа О. В. Ненормированный служебный день: правовое регулирование и правоприменительная практика в органах внутренних дел.....	101
Чудецкая К. А., Лушин А. Н. Особенности правового регулирования прохождения службы в полиции Монголии: сравнительно-правовой аспект.....	122

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Андроник Н. А. Криминалистический портрет преступника и потерпевшего при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.....	132
Валькирия Н. И. Использование психотехнологий в преступной деятельности: криминалистический аспект	145
Гажаяева Е. И. Проблема преступного использования технологий искусственного интеллекта на сервисах интернет-знакомств.....	157

Замылин Е. И. «Угрозоноситель» как субъект посткриминального воздействия на стадии предварительного расследования: гендерная и возрастная составляющая.....	167
Казьмин В. В. О вопросах совершенствования подготовки специалистов по направлению судебной автотехнической экспертизы	181
Квасников В. В. О вопросах совершенствования подготовки специалистов по направлению судебной автотехнической экспертизы	195
Михайлова Т. Н. Несовершеннолетний в уголовном судопроизводстве России	208
Репецкая А. Л., Алиев Т. Ф. Современное состояние и структура преступлений, связанных с дискредитацией власти в России	222
Ситников А. Е. Зарубежный опыт назначения и исполнения отсрочки отбывания наказания.....	233
Таршева М. Н. Правозащитная деятельность уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: уголовно-процессуальные аспекты	247
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	261

CONTENTS

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Anikushin S. V. The role of principles in the system of methodological foundations for the formation of categories in theoretical and historical legal sciences	9
Bezhentsev A. A. Normativity of judicial acts: general theoretical problems	18
Belozertseva V. V., Belozercev S. M. Legal and doctrinal basis of the delictious capacity of persons with limited legal capacity	38
Egorov A. A. Evaluation of the theory of natural law in the works of G.F. Shershenevich (1863-1912): a modern reading	50
Sysoev A. A. Abuse of authority as a manifestation of official crime in the territory of Eastern Siberia in the second half of the XVIII century	58

5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences)

Ivanova E. L. Classification of legal regimes: theoretical approaches and tendencies of modern legislative regulation	76
Kutskel M. V. Topical issues of the application by Internal Affairs Bodies of administrative responsibility for an offense provided for in article 6.24 of the administrative code of the Russian Federation	87
Olshevskiy A. V., Ryabov E. V., Shkola O. V. Irregular working hours: legal regulation and law enforcement practice in law enforcement agencies	101
Chudetskaya K. A., Lushin A. N. Features of the legal regulation of service in the mongolian police: comparative legal aspect	122

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Andronik N. A. A forensic portrait of a criminal and a victim in the investigation of crimes against the sexual integrity of minors	132
Valkiriya N. I. Use of psychotechnology in criminal activity: a forensic aspect	145
Gazhaeva E. I. The problem of criminal use of artificial intelligence technologies on online dating services	157
Zamylin E. I. «Threat carrier» as a subject of post-criminal influence at the stage of preliminary investigation: gender and age components	167
Kazmin V. V. On the issues of improving training specialists in the field of forensic car technical expertise	181

Kvasnikov E. S. Issues of qualification and composition of the illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity (article 173 ¹ of the criminal code of the russian federation).....	195
Mikhaylova T. N. Juvenile in criminal proceedings in Russia	208
Repetskaya A. L., Aliev T. F. Current state and structure of crimes related to discrediting the authorities in Russia	222
Sitnikov A. E. Foreign experience in the appointment and execution of deferred sentences	233
Tarsheva M. N. Human rights activities of the commissioner for human rights in the russian federation: criminal procedural aspects	247
INFORMATION FOR AUTHORS	261

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 3 (114). С. 9–17.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 3 (114). Pp. 9–17.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 340.11

О РОЛИ ПРИНЦИПОВ В СИСТЕМЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИЙ В ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ НАУКАХ

Аникушин Сергей Викторович, Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации», Санкт-Петербург, Российская Федерация, Anikushin_sergei@mail.ru

Введение. В научной статье автором предпринята попытка выделения и анализа методологических оснований формирования категорий в теоретико-исторических правовых науках с акцентированием внимания на характеристике методологических принципов как особой разновидности методологических оснований определения категорий.

Материалы и методы. При написании научной статьи автором широко использовались материалы, опубликованные в современных научных источниках и посвященные исследованию формирования и классификации понятийного аппарата в различных сферах научного знания. Исследование методологических оснований формирования категорий в теоретико-исторических правовых науках потребовало использование диалектического, историко-правового, системного сравнительно-правового и других методов научного познания.

Результаты исследования позволили определить основные типы противоречий, которые предстоит преодолеть при формировании новых теоретико-правовых категорий в условиях глобализации и цифровой трансформации.

Выводы и заключения. В целях развития обозначенной проблематики автором были предложены перспективные направления научных исследований в соответствующей области научных знаний.

Ключевые слова: юридическая наука; юридическое понятие; юридическая категория; методология формирования понятий; методологические принципы.

Для цитирования. Аникушин, С. В. О роли принципов в системе методологических оснований формирования категорий в теоретико-исторических правовых науках // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114). С. 9–17.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

THE ROLE OF PRINCIPLES IN THE SYSTEM OF METHODOLOGICAL BASES OF THE FORMATION OF CATEGORIES IN THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Sergey V. Anikushin, Federal State-owned Military Educational Institution of Higher Education "Military Order of Zhukov Academy of the National Guard of the Russian Federation", St. Petersburg, Russian Federation, Anikushin_sergei@mail.ru

Introduction: in the scientific article, the author attempts to identify and analyze the methodological foundations of the formation of categories in the theoretical and historical legal sciences, focusing on the characterization of methodological principles as a special kind of methodological foundations for the definition of categories.

Materials and Methods: when writing a scientific article, the author widely used materials published in modern scientific sources and devoted to the study of the formation and classification of the conceptual apparatus in various fields of scientific knowledge. The study of the methodological foundations of the formation of categories in the theoretical and historical legal sciences required the use of dialectical, historical-legal, systematic comparative-legal and other methods of scientific knowledge.

The Results of the Study allowed us to identify the main types of contradictions to be overcome in the formation of new theoretical and legal categories in the context of globalization and digital transformation.

Findings and Conclusions: In order to develop these issues, the author proposed promising areas of scientific research in the relevant field of scientific knowledge.

Keywords: legal science; legal concept; legal category; methodology of concept formation; methodological principles.

For citation: Anikushin S. V. O roli principov v sisteme metodologicheskikh osnovaniy formirovaniya kategorij v teoretiko-istoricheskikh pravovyh naukah [The role of principles in the system of methodical bases of the formation of categories in theoretical and historical legal sciences]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no 3 (114), pp. 9–17.

Определение категорий в любой из отраслей научного знания представляет собой довольно сложный и многогранный процесс, который требует от соответствующих субъектов выработки четких методологических оснований. Это обусловлено тем, что научные категории представляют собой фундаментальные понятия, которые отражают наиболее общие и существенные свойства, связи и отношения, возникающие между объектами в исследуемой научной области.

Они служат инструментом для систематизации знаний, построения теорий и объяснения явлений в той или иной сфере научной деятельности. При помощи научных категорий и понятий можно наделить конкретным смыслом и значением различные объекты научного познания, определить каждому из них место в категориальном аппарате соответствующей области знания.

Особую роль и значение терминологии в юридических науках обусловлены не только тем, что она выступает ключевым инструментом профессионального общения, но, скорее, объясняется специфическими функциями юридических терминов, основной из которых является «предписывающая» [1, с. 104].

Названная функция выражается в том, что юридические термины содержат в себе информацию о механизмах реализации права, критерии и условия правомерности действий соответствующих субъектов.

Многие ученые при анализе научных категорий предпринимают попытки выделить их сущностные признаки и свойства, в числе которых наиболее часто называются: однозначность понимания, принадлежность к соответствующим терминологическим системам, возможность объяснения при помощи них смысла и значения лишь одного понятия [2, с. 84].

Вместе с тем, как верно отмечает С. С. Антюшин, несмотря на то что категории имеют методологическое и мировоззренческое значение для социального прогресса, их сущность и значение не нашли в научной среде однозначного понимания [3, с. 87].

Построение терминологической системы (понятийного аппарата) в той или иной отрасли научного знания — это процесс создания упорядоченного и логически взаимосвязанного набора терминов, которые отражали бы ключевые понятия, категории и концепции данной научной области. Подобная система не только обеспечивает точность, ясность и эффективность коммуникаций между учеными-исследователями, но и способствует систематизации и интеграции научных знаний.

Кроме того, понятийный аппарат формирует основу для теоретических моделей и концепций, что позволяет не только структурировать знания, но и выделить закономерности, а также установить взаимосвязи между различными явлениями.

Основными этапами формирования понятийного аппарата являются:

1. Уточнение содержания понятий и выработка их наименований.
2. Создание теоретической базы.
3. Классификация и систематизация объектов и явлений.
4. Развитие междисциплинарных связей.
5. Формулирование новых гипотез и вопросов.

Вместе с тем в эпистемологии до сих пор остается неразрешенным вопрос о методологических основаниях определения категорий и о роли принципов в их системе. В частности, для многих исследователей непонятен процесс формирования определения того или иного научного понятия.

По мнению автора, применительно к теоретико-историческим правовым наукам это может быть объяснимо наблюдающимся в последнее время ослаблением интереса к фундаментальным методологическим и теоретическим проблемам в юриспруденции,

из-за чего современная юридическая наука рискует утратить методологическую стройность и теоретическую глубину.

Получение ответов на обозначенные вопросы предполагает проведение научного анализа основных этапов и принципов определения теоретико-правовых категорий и выделение соответствующих методологических оснований.

В науке обычно выделяются следующие методологические основания определения категорий:

- философское;
- логическое;
- научное;

— методологические принципы как особая разновидность методологических оснований определения категорий.

Необходимость философского обоснования как одного из методологических оснований определения научных категорий обусловлено значением самой философии как особого типа мировоззрения и миропонимания, вырабатывающего общие принципы и подходы к пониманию мира. Именно поэтому оно глубоко влияет на формирование и интерпретацию категорий в различных отраслях науки и предполагает выработку и анализ онтологического и гносеологического оснований определения соответствующих категорий.

Иными словами, научные категории формируются путем выделения наиболее существенных признаков объектов и явлений, что требует философского осмысления процессов абстрагирования и обобщения.

В данной связи Ю. Е. Пермяков при анализе методологических оснований права справедливо отмечает, что именно правовая рациональность обуславливает и обосновывает правовые формы и суждения, а правовая рациональность свойственна правовому сознанию [4, с. 87].

Подобные выводы подтверждает позиция В. В. Афанасьева, в соответствии с которой философское знание выступает в качестве первого уровня методологии [5, с. 10].

В связи с тем, что любая научная категория должна соответствовать объективным свойствам и связям реального мира, онтологическое основание предполагает определить, какие аспекты реальности являются наиболее существенными для их отражения в категориях.

Категории, в свою очередь, выражают сущность изучаемых объектов, а не их внешние проявления.

Гносеологическое основание определяет, как мы понимаем, интерпретируем и систематизируем знание, что напрямую влияет на структуру и содержание научных категорий.

Логические основания обеспечивают четкость, непротиворечивость и системность формируемых научных понятий. Иными словами, они задают правила, по которым понятия определяются и классифицируются.

В своей сущности логические основания — это совокупность правил и принципов, которые обеспечивают корректное определение понятий, устраняют их

двусмысленность и противоречивость, а также позволяют структурировать научное знание в логически связанную систему.

Необходимость и значение логических принципов и методов в юридическом познании неоднократно подчеркивались О. А. Егоровой, которая отмечала, что в числе методологических принципов юридического познания выступают единство исторического и логического, а принципы логики выступают рациональными основаниями познания [6, с. 113-114].

В теоретико-исторических правовых науках логические основания выполняют особую роль, обусловленную дуализмом нормативного и социального аспектов правовой определенности, исторической изменчивостью правовых явлений.

В названной области научного знания логические основания обеспечивают:

- концептуальную строгость правовых конструкций;
- историческую преемственность юридических понятий;
- системную согласованность правового знания.

Таким образом, логические основания в теоретико-исторических правовых науках выступают в качестве важнейших инструментов познания правовой реальности в ее историческом развитии и теоретическом осмыслении.

Научные основания определения категорий предполагают их соответствие предметной области научного знания, эмпирическую обоснованность и теоретическую интеграцию.

Соответствие предметной области научного знания означает, что категории должны отражать специфику изучаемой области знаний. Например, в юриспруденции категории «право», «закон», «справедливость» отражают правовую реальность.

Сущность теоретической интеграции выражается в том, что категории должны вписываться в существующие научные теории и концепции, способствуя их развитию.

Выделение в качестве методологических оснований определения категорий методологических принципов обусловлено, как верно отмечают А. С. Горбунов, М. С. Мирошкин, методологической функцией любой научной теории [7, с. 106]. В правовых науках это, как правило, проявляется в разработке доктрин, формирующих основы толкования правовых норм или оценки правоприменительной деятельности.

Теоретико-исторические правовые науки используют для формирования категориального аппарата особую систему методологических принципов. К их числу относятся: принцип историко-правового контекста, принцип системности, принцип диалектического развития.

Раскроем содержание обозначенных методологических принципов.

Принцип историко-правового контекста способствует отражению в теоретико-исторических правовых понятиях соответствующего уровня развития общества, государства и юридической мысли. Его содержание проявляется в раскрытии генезиса понятий, учете при их формировании существующих правовых традиций.

Примером может служить генезис понятия «законность» и его смысловых значений от необходимости подчинения полисным законам в Античности к верховенству права в пространственно-территориальной юрисдикции государства в современном понимании.

Кроме того, рассматриваемый принцип играет ключевую роль в сохранении национальной идентичности и формировании правосознания, обеспечивая доступ к объективному знанию о прошлом. Он призван также сохранять историческую память, а историко-правовая наука, в свою очередь, задает критерии достоверности фактов, тем самым укрепляя связь между историей, правом и гражданским правосознанием [8, с. 5].

Общеизвестно, что правовые понятия не изолированы друг от друга, а, напротив, объединены в единую логическую структуру, где каждое из них занимает строго определенное место. В связи с этим принцип системности или системный подход обеспечивают непротиворечивость и полноту формируемых правовых понятий, их интеграцию в общую теорию права и другие теоретико-исторические правовые науки.

Это наиболее наглядно применяется при построении иерархической структуры понятий (например, общеправовые (правоотношения) → межотраслевые («договор») → отраслевые («испытание при приеме на работу»)).

В. П. Майкова, В. С. Горбунов, И. В. Наместникова, отмечая, что системный подход выступает основой научной методологии, приходят к выводу о том, что его интеграция в теоретико-правовые исследования способствует усилению легитимности права, поскольку в подобном случае его нормы будут восприниматься как результат осознанного диалога и системного интересов, отвечая требованиям динамичного общества [9, с. 148].

Анализируя взаимосвязь между правовыми понятиями, невозможно не отметить триаду: правонарушение — санкция — государственное принуждение, в которой каждая из обозначенных категорий в отдельности и их совокупность применимы к понятию «юридическая ответственность».

Принцип диалектического развития в современной юриспруденции отражает динамический характер права, его способность изменяться под влиянием социальных, экономических, политических и технологических факторов.

В данном контексте необходимо согласиться с мнением К. А. Струсь, Н. А. Попандопуло о том, что для более точного определения содержания юридических категорий и их эффективного практического применения необходимо учитывать междисциплинарный характер современного гуманитарного знания [10, с. 3].

Этот принцип предполагает, что новые правовые понятия являются следствием преодоления существующих теоретических противоречий, синтеза новых идей и их адаптации к изменяющейся правовой реальности.

По мнению автора, в условиях глобализации и цифровой трансформации основными видами противоречий, которые необходимо преодолеть при формировании новых теоретико-правовых категорий, являются:

1. Противоречие между традиционным («старым») и инновационным («новым»), выражающееся в столкновении устоявшихся юридических взглядов, теорий, принципов с возникающими «технологическими реалиями», которые либо трансформируют названные взгляды, теории, принципы, либо вовсе предают их забвению.

Стремительное развитие новых технологий и информационно-телекоммуникационных сетей не просто порождает необходимость исследования в качестве актуальной и перспективной темы, связанной с правовым статусом «искусственного интеллекта» как субъекта права, но и обуславливает возникновение новых понятий в данной сфере (например, «цифровой суверенитет»).

2. Конфликт между национальным и международным правом, который наиболее остро протекает в нашей стране в условиях сохраняющегося внешнеполитического давления и санкций, побуждает соответствующих руководителей к пересмотру подходов к взаимодействию международного и национального права.

Подобный конфликт также требует выработки новых механизмов интеграции принципов и норм международного права в правовую систему государства для обеспечения стабильности и эффективности правового регулирования.

3. Конфликт между индивидуальными (частными) и государственными (общественными, коллективными) интересами. Его разрешение предполагает установление четких границ и пределов реализации государственных (публичных) и частных интересов.

Таким образом, формирование категорий в теоретико-исторических правовых науках — это сложный процесс, требующий учета сущности исследуемых явлений, контекста использования и целей исследования.

Следует предположить, что основными факторами, помогающими сформировать точное и корректное определение, являются:

1. Выявление сущности понятия.
2. Анализ существующих определений.
3. Учет предполагаемого контекста использования.
4. Выделение родового и видового признаков.
5. Определение степени соответствия научным стандартам и учет динамики применения, в том числе в областях распространения «искусственного интеллекта».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Туранин В. Ю. К вопросу об использовании терминов и понятий в рамках юридического дискурса // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 1(13). С. 103–109.
2. Аксютин З. А. Подходы к исследованию категориальной системы // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22. № 1. С. 83–96.
3. Антюшин С. С. Категории – атрибут научной и социально-преобразовательной деятельности // Правосудие. 2020. Т. 2. № 2. С. 87–103.
4. Пермяков Ю. Е. Философские основания юриспруденции. Самара, 2006. 248 с.
5. Афанасьев В. В. Методология и методы научного исследования: учебник для вузов / В. В. Афанасьев, О. В. Грибкова, Л. И. Уколова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. 163 с.
6. Егорова О. А. О значении принципов и методов логики в юридическом познании в сфере гражданского права: философский и правовой аспекты осмысления // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т. 23. № 3 С. 113–122.

7. Горбунов А. С., Мирошкин М. С. Методологические проблемы научных исследований: к вопросу о функциях науки // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции, г. Москва, 26 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 106-116.

8. Кожевина М. А. Реализация статьи 67.1 конституции российской федерации в контексте научного историко-правового опыта // Правоприменение. 2021. Том 5. № 3. С. 5-19.

9. Майкова В. П., Горбунов В. С., Наместникова И. В. Системный подход как основа научной методологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 148-158.

10. Струсь К. А., Попандопуло Н. А. Методология исследования юридических понятий: на примере категории «Правовые основы» // Universum: Экономика и юриспруденция. 2014. № 2(3). С. 3.

REFERENCES

1. Turanin V. Yu. K voprosu ob ispol'zovanii terminov i ponyatij v ramkah yuridicheskogo diskursa [On the use of terms and concepts in legal discourse]. Nauka. Iskustvo. Kul'tura – Science. Art. Culture , 2017, no 1 (13), pp. 103–109.

2. Aksyutina Z. A. Podhody k issledovaniyu kategorial'noj sistemy [Approaches to the study of the categorical system]. Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya – Humanitarian: Current Issues in the Humanities and Education, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 83–96.

3. Antyushin S. S. Kategorii – atribut nauchnoj i social'no-preobrazovatel'noj deyatel'nosti [Categories are an attribute of scientific and socio-transformative activities]. Pravosudie – Justice, 2020, vol. 2, no. 2, pp. 87–103.

4. Permyakov Yu. E. Filosofskie osnovaniya yurisprudencii [Philosophical foundations of jurisprudence]. Samara, 2006, 248 p.

5. Afanas'ev V. V., Gribkova O. V., Ukolova L. I. Metodologiya i metody nauchnogo issledovaniya [Methodology and Methods of Scientific Research]. Moscow: Izdatel'stvo Yurajt – Yurayt Publishing House, 2023, 163 p.

6. Egorova O. A. O znachenii principov i metodov logiki v yuridicheskom poznanii v sfere grazhdanskogo prava: filosofskij i pravovoj aspekty osmysleniya [On the Significance of the Principles and Methods of Logic in Legal Knowledge in the Field of Civil Law: Philosophical and Legal Aspects of Understanding]. Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo» – Bulletin of South Ural State University. Series «Law», 2023, vol. 23, no. 3, p. 113–122.

7. Gorbunov A. S., Miroshkin M. S. [Methodological Problems of Scientific Research: On the Functions of Science]. Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii – Philosophical and Methodological Issues in the Study of Russian Society: Proceedings of the V International Scientific Conference, Moscow, 26 november 2021 g. M.: Rossijskij universitet transporta (MIIT) – Russian University of Transport (MIIT), 2022, pp. 106-116.

8. Kozhevina M. A. Realizaciya stat'i 67.1 konstitucii rossijskoj federacii v kontekste nauchnogo istoriko-pravovogo opyta [Implementation of Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation in the context of scientific historical and legal experience]. Pravoprimenenie – Law enforcement, 2021, vol.5, no. 3, pp. 5-19.

9. Majkova V. P., Gorbunov V. S., Namestnikova I. V. Sistemnyj podhod kak osnova nauchnoj metodologii [A systematic approach as the basis of scientific methodology]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki – Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences, 2019, no 1, pp. 148-158.

10. Strus' K. A., Popandopulo N. A. Metodologiya issledovaniya yuridicheskikh ponyatij: na primere kategorii «Pravovye osnovy» [Methodology for Researching Legal Concepts: The Case of the Category «Legal Foundations»]. Universum: Ekonomika i yurisprudenciya – Universum: Economics and Law, 2014, no. 2(3), p. 3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аникушин Сергей Викторович, преподаватель кафедры тактики служебно-боевого применения подразделений. Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации». 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова д.1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anikushin Sergey Viktorovich, lecturer, Department of Tactics of service and combat use of units. Federal State-owned Military Educational Institution of Higher Education «Military Order of Zhukov Academy of the National Guard of the Russian Federation». 198206, St. Petersburg, 1 Pilyutova Pilot str.

Статья поступила в редакцию 27.05.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 24.07.2025.

The article was submitted 27.05.2025; approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 24.07.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3 (114). С. 18–37.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no.3 (114). Pp. 18–37.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 347.96

НОРМАТИВНОСТЬ АКТОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Беженцев Александр Анатольевич

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
adovd@mail.ru

Введение. Статья знакомит со спецификой формирования и распространения нормативных актов судебной власти, проявления *нормативности в системе юридических актов судебной власти*. Анализ нормативности актов судебной власти осуществляется на фундаменте общетеоретической концепции нормативности, а основные тенденции усиления нормативного воздействия изучаются на базисе современной теории судебного прецедента.

Материалы и методы. Для получения достоверных научных результатов в статье применялась система философско-мировоззренческих, общенаучных и специальных научных методов (диалектический, историко-правовой, юридического позитивизма, природного права, формально-догматический, функциональный, аксиологический, системно-структурный, сравнительно-правовой, телеологический) для выявления особенностей правоприменения и роли судебной власти в процессе формирования права, распространения влияния нормативности актов судебной власти в системе юридических актов. Посредством этих методов в научном исследовании раскрывается явление нормативности как особенность юридической природы актов судебной власти.

Результаты исследования. В материале разбирается ретроспективное происхождение нормативности актов судебной власти, анализируется явление нормативности актов судебной власти с позиции существенных школ права, а также формирование взглядов на это явление в отечественном правоведении. Разбираются проявления нормативности в условиях конституционной демократии и с учетом применения принципов права.

Постигается специфичность интерпретационных актов судебной власти в контексте их нормативности, а также главные концепции ограничения нормативных возможностей актов судебной власти. Прорабатывается опыт зарубежных государств по признанию нормативности актов судебной власти, методологическая основа прецедентного права, его структура и порядок функционирования в англо-саксонской и романо-германской правовых семьях, в доктрине и практике Российской империи и СССР, а также в международном праве.

Усваиваются и обобщаются проявления нормативности в системе актов судебной власти России, в частности, в актах Конституционного Суда Российской Федерации, Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Выводы и заключения. Обосновываются научные выводы, обращенные на осознание нормативного влияния актов судебной власти, что будет содействовать оптимизации процесса формирования права, упрочению независимости и действенности судебной власти, гарантиям единства судебной практики.

Ключевые слова: судебная власть, принцип разделения властей, юридические акты, судебная практика, правоприменение, акт судебной власти, судебный акт, нормативность судебных актов, судебное правотворчество, судебный прецедент, интерпретационный акт, судейское усмотрение, официальное толкование

Для цитирования: Беженцев А. А. Нормативность актов судебной власти: общетеоретические проблемы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114). С. 18–37.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

NORMATIVITY OF JUDICIAL ACTS: GENERAL THEORETICAL PROBLEMS

Alexander A. Bezhentsev

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Presidential Academy), (RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation, adovd@mail.ru

Introduction. The article introduces the specifics of the formation and distribution of normative acts of the judicial power, manifestations of *normativity in the system of legal acts of the judicial power*. The analysis of the normativity of acts of judicial authority is carried out on the basis of the general theoretical concept of normativity, and the main trends of the strengthening of normative influence are studied on the basis of the modern theory of judicial precedent.

Materials and Methods. In order to obtain reliable scientific results, this article uses a system of philosophical, ideological, and general scientific methods, as well as special scientific methods such as dialectical, historical, legal positivist, natural law theory, formal, dogmatic, axiological, systematic, structural, comparative law, teleological methods to identify the characteristics of law enforcement, the role of judges in the formation of law, and the spread of judicial norms in the legal system. Through these methods, this scientific study reveals normativity as an essential feature of judicial acts.

The Results of the Study. In the material, the retrospective origin of the normativity of acts of judicial power is analyzed, the phenomenon of normativity of acts of judicial power is analyzed from the standpoint of essential schools of law, as well as the formation of views on this phenomenon in domestic jurisprudence. Manifestations of normativity in the conditions of constitutional democracy and taking into account the application of the principles of law are discussed.

The specificity of the interpretative acts of the judicial power in the context of their normativity is understood, as well as the main concepts of limiting the normative possibilities of the acts of the judicial power. The experience of foreign states in recognizing the normative acts of judicial power, the methodological basis of case law, its structure and order of functioning in the Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal families, in the doctrine and practice of the Russian Empire and the USSR, as well as in international law is being developed.

Manifestations of normativity in the system of acts of the judicial power of Russia are assimilated and generalized, in particular, in the acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Findings and Conclusions. Scientific conclusions aimed at realizing the normative influence of acts of the judicial power are substantiated, which will contribute to the optimization of the process of law formation, the strengthening of the independence and effectiveness of the judicial power, and the guarantees of the unity of judicial practice.

Keywords: judicial power, principle of separation of powers, legal acts, judicial practice, law enforcement, act of judicial power, judicial act, normativity of judicial acts, judicial law-making, judicial precedent, interpretative act, judicial opinion, official interpretation

For citation: Bezhentsev A. A. Normativnost' aktov sudebnoy vlasti: obshcheteoreticheskiye problemy [Normativity of judicial acts: general theoretical problems]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 3 (114), pp. 18–37.

Исследование проявлений *нормативности актов судебной власти* в системе юридических актов чрезвычайно существенно на современном этапе эволюции правового государства в условиях завершения судебно-правовой реформы в России и необходимо для развития научной основы дальнейшего укрепления независимости судебной власти. Критическое отношение ученых и государственных деятелей к судьям, участвующим в процессе формирования права, а также отрицание нормативного влияния их решений приводит к разрушению единства судебной

практики, разнородности применения норм права судами, а также уменьшает независимость судебной власти.

В соответствии с распространенными взглядами только органы законодательной и исполнительной ветвей власти участвуют в осуществлении правотворческой функции государства, а суды только применяют право, а не формируют его. Традиционно за судами не признается роль в создании права даже в случае, когда при реализации правосудия путем принятия актов судебной власти компенсируются пробелы и разрешаются коллизии в законодательстве, осуществляется толкование правовых норм. В особенности это касается применения правовых норм неоднозначного и оценочного содержания.

Известно, что общий запрет судьям участвовать в выработывании права происходит со времен кодификации Юстиниана, усиливается после Великой Французской революции, а также определен главными идеологическими постулатами советской правовой системы. Суждение о том, что суды должны исключительно применять правовые нормы и не отходить от их буквального содержания, особенно при их толковании, уже не отвечают современному правовому развитию, сформировавшемуся в странах развитой демократии, преимущественно со второй половины XX века.

На сегодняшний день в государствах англо-саксонской, романо-германской правовых семей становится заметнее общая тенденция осознания существенной роли суда в учреждении права при осуществлении правосудия, которая достигается в результате признания нормативности актов судебной власти (судебный прецедент, устоявшаяся судебная практика, правоположение, правовая позиция). Поэтому наиболее актуальным в нынешних условиях прогресса правовых систем обнаруживается изучение нормативности актов судебной власти, исторических причин появления и усиления влияния этой нормативности, а также юридической природы этих актов с учетом важной роли суда в процессе устойчиво растущего формирования нового права.

Необходимость всестороннего научного исследования нормативности актов судебной власти значительно усиливается изучением практики судов по правам человека, других международных юрисдикционных органов, а также основных направлений влияния этой практики на российскую правовую систему и современный процесс правоприменения.

Основой изучения нормативности актов судебной власти является методология и порядок действия прецедентного права в странах англо-саксонской правовой семьи, а также ее эквивалент в странах романо-германского права – концепция «установленной судебной практики», с учетом наработок отечественных правоведов.

Для получения надежных научных результатов в исследовании использовались *научные методы*. С помощью *диалектического метода* проанализированы основные закономерности распространения нормативности актов судебной власти, как в древности, так и влияние нормативности этих актов в правовых системах в контексте их системного развития и распространения этого явления с целью становления более совершенного механизма правового регулирования, выявления специфики этого

явления в современных правовых системах. *Историко-правовой подход* использовался в процессе анализа исторических событий и укрепления судопроизводства в разных странах, обобщения доктринальных взглядов на роль судьи в процессе формирования права на протяжении разных исторических периодов. *Методы юридического позитивизма и природного права* использовались для анализа разных взглядов на роль судьи в процессе правоприменения, при анализе специфики интерпретационных актов судебной власти и судебной дискреции, влияния судьи на определение содержания принципов права. *Формально-догматический метод* использовался при анализе соответствующих полномочий судебной власти, отечественных нормативных правовых актов, нормативно-правовых актов иностранных стран и международных договоров, а также при анализе правовых позиций, содержащихся в судебных решениях судов различных юрисдикций. *Функциональный способ* широко использовался при анализе деятельности интернациональных и государственных юрисдикционных органов, в особенности в контексте анализа закономерностей усиления нормативного действия актов этих органов. *Аксиологический подход* позволил установить усиление нормативного воздействия актов органов конституционной юрисдикции, принятых в процессе непосредственной судебной защиты конституционных прав человека и основных свобод, а также изучить роль судей в защите ценностей правовой системы. *Метод системно-структурного анализа* применялся при предоставлении общей характеристики правовых актов, классификации актов судебной власти и судебных прецедентов и при исследовании порядка функционирования судебной системы. *Сравнительно-правовой метод* использовался при изучении законодательства и судебной практики других стран по вопросу о нормативности актов судебной власти и роли суда в процессе формирования права. *Телеологический способ* позволил раскрыть специфику нормативности интерпретационных актов судебной власти.

В научном исследовании изучались аспекты деятельности судебной власти и авторитета ее решений на основании взглядов выдающихся мыслителей прошлого: Ф. Бэкона, В. Блэкстоуна, М. Вебера, Г. Гегеля, О. Голмса (младшего), Г. Гроция, А. Дайси, Л. Дюги, Б. Кардозо, Г. Кельзена, Г. Лаутерпахта, Д. Локка, Ш. Монтескье, Д. Остина, Р. Паунда, М. Цицерона.

Научно-теоретической основой исследования стали труды ученых, заложивших доктринальные основы в области: а) истории института судебной власти [1, с. 34–39; 2, с. 127–130; 3, с. 33–39]; б) общетеоретических основ деятельности судебной власти [4, с. 33–39; 5, с. 177–185; 6, с. 235–253; 7, с. 433–434; 8, с. 1105–1121]; в) особенностей организации деятельности высших судов Российской Федерации [9, с. 4–9; 10, с. 126–134]; г) исследования нормативного влияния актов судебной власти на общественные отношения [11, с. 71–82; 12, с. 112–120; 13, с. 146–153].

Обращая внимание на акты судебной власти, отметим, что они являются актами применения норм права, но в определенных случаях они приобретают признаки нормативности, то есть правовые позиции, содержащиеся в этих актах, обязательны для судебной власти при решении дел аналогичного характера, они неоднократно

повторяются в последующих решениях. Выбор формы акта имеет важное юридическое значение в контексте юридических последствий, ожидаемых органом, издавшим этот акт.

Правоприменение – это способ реализации правовых предписаний (норм права) в процессе деятельности соответствующих органов в пределах собственной компетенции, что влечет определенные правовые последствия для конкретных субъектов права. В этом процессе происходит индивидуализация общего правила поведения (нормы права) на базе фактов и событий.

Есть общие требования к структуре актов судебного права, которая преимущественно должна состоять из частей:

- а) вводной;
- б) описательной;
- в) мотивировочной;
- г) резолютивной.

Нормативность актов судебной власти связана с фактической повторяемостью правоотношений в аналогичных обстоятельствах и основывается, как правило, на мотивировочной части акта правоприменения.

В правовом государстве суд разрешает между субъектами права практически все споры, имеющие правовое содержание, а юрисдикция судов распространяется на все правоотношения, возникающие в государстве. Судебная власть отличается единым статусом и особым режимом деятельности ее носителей – судей. Особенность режима деятельности судей определяется такими конституционными принципами, как их независимость и неприкосновенность, занятие судейской должности бессрочно. Специфика судебной власти заключается в особой процедуре – процессуальной форме осуществления ее полномочий, устанавливаемой специальными нормативно-правовыми актами (процессуальными кодексами).

Под *актом судебной власти* следует понимать разновидность правоприменительного правового акта, принимаемого в результате правоприменительной деятельности суда в соответствии с нормами процессуального права в документальной форме, направленной на достижение юридического результата. Общеупотребляемыми в юридической литературе являются также термины «судебный акт», «судебный акт применения норм права» (их можно считать синонимами). Изучать вопросы нормативности актов судебной власти необходимо с учетом юридической природы актов применения и интерпретационных актов судебной власти, содержащих в своих мотивировочных и резолютивных частях соответствующие положения, позволяющие говорить об их нормативной природе.

По общепринятому подходу акты судебной власти – это акты применения норм права, поэтому они не могут быть нормативно-правовыми актами. Отрицание нормативности также основывается на основных признаках источника права, к которым относятся:

- а) формальная определенность;
- б) обязательность;
- в) нормативность;
- г) общеизвестность.

То, что *судебный прецедент* – источник права в странах англо-саксонской правовой семьи, не вызывает никаких дискуссий. В то же время судебный прецедент по своему содержанию является составной частью мотивировочной части акта судебной власти. Сходные тенденции начинают складываться и в отечественной правовой системе именно в части признания по актам судебной власти их нормативной характеристики по аналогии с прецедентным правом. Историческое влияние, основанное на особой природе осуществления правосудия и требованиях справедливости, заключающихся в том, что аналогичные дела должны решаться аналогично, приводит к учету судами ранее принятых решений (правовых позиций) по конкретным делам в аналогичных ситуациях, что придает таким актам судебной власти определенный нормативный характер.

Он проявляется в:

а) обязательности правовых позиций, которые сформулированы в актах судебной власти не только для сторон по делу, но и для предварительно неопределенного круга субъектов права;

б) неоднократности применения этих правовых позиций при решении аналогичных дел. Этим правовым позициям принадлежат общие нормативные признаки, напоминающие признаки нормативно-правовых актов: а) неконкретность адресата;

б) возможности неоднократного применения предписания;

в) сохранении предписания независимо от его выполнения. Это касается разъяснений, которые предоставляются в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В целях научной квалификации нормативности актов судебной власти предлагаем ввести понятие «*право положения*», под которым нами понимаются общие положения, сформулированные в процессе правоприменительной деятельности соответствующих органов, носящие общий и подзаконный характер, а также содержащие конкретизирующие правовые нормы по тем или иным однородным фактическим составам.

Правоположения начали создаваться в процессе судебной деятельности в советском государстве, они были более тесно связаны с фактическими обстоятельствами в отличие от правовых норм и находили свое выражение в определенных формах – руководящих разъяснениях Пленумов Верховного Суда (СССР и союзных республик), а также решениях судов по принципиальным важным правовым вопросам. Следовательно, этот термин отражал, в сущности, правотворческий характер судебной практики в советской правовой системе.

Также утверждаем, что термин «*право положения*» является синонимом термина «*правовая позиция*», который используется для характеристики деятельности конституционных судов в странах СНГ и отражает общемировую тенденцию влияния методологии прецедентного права на порядок судейской мотивации. Эта тенденция направлена на широкое признание нормативности актов судебной власти. Термин «*правовая позиция*» характеризует явление нормативности актов судебной власти уже в условиях современной российской правовой системы, когда определенная часть

мотивации суда, где обосновываются причины неконституционности законов, выводы, к которым пришел суд при предоставлении официального толкования, судейское понимание норм права, становится обязательной не только для сторон по делу, но и опосредованно для всех субъектов права.

Всестороннее признание нормативности актов судебной власти в разных странах привело к употреблению в научном обороте термина «судебное правотворчество», отражающего явление нормативности актов судебной власти в тех случаях, когда судьи в процессе применения норм права, толкования правовых норм, решения правовых коллизий формулируют новые «правоположения» (правовые позиции) суда при решении аналогичных дел. Таким образом, этой терминологией охватывается процесс осуществления судебной властью правотворческой функции.

Прорабатывая *судебную практику* как источник права обратим внимание, что в странах континентальной Европы для отражения нормативности актов судебной власти в большинстве случаев употребляется термин «установленная судебная практика», а не «судебный прецедент». Эти понятия отражают один и тот же феномен признания нормативности актов судебной власти, но в разных исторических и социальных условиях. Дискуссия по поводу общей обязательности судебных решений развивается на основе понятия «судебная практика», указывая на необходимость наличия определенного количества однотипных судебных решений или разъяснений суда по правовым вопросам. Судебная практика рассматривается как в широком измерении, то есть имеется в виду вся деятельность органов судебной власти, реализуемая в принятии юридических актов, так и в узком, то есть как создание определенных правоположений нормативного характера.

Следует также отметить роль судебной практики в процессе конкретизации законов, и в этом она дополняет законодателя, точнее она становится источником права в случае «бездействия» законодателя, когда в нормативно-правовых актах содержатся пробелы, их текстуальное изложение неоднозначно для понимания, противоречиво и порождает проблемы.

Анализируя специфику *интерпретационных актов судебной власти*, отметим, что им присущи специальные юридические характеристики, а именно:

- а) принятие и последующая реализация этого акта происходит в соответствии с принципами верховенства права и законности;
- б) этот акт существует параллельно с толкуемыми нормами права и теряет свою силу с отменой этих норм, то есть разделяет их «юридическую судьбу»;
- в) юридическая сила этого акта зависит от юридической силы подлежащих толкованию норм права и от места нормативно-правового акта, подлежащего толкованию в правовой системе.

В актах судебной власти в результате решения конкретного дела также могут содержаться правовые позиции по раскрытию содержания правовых норм интерпретационного характера, но в этом случае уровень их нормативности тесно связан с местом суда в судебной системе и обусловлен интересами правосудия. Нормативность этих актов основывается на интерпретационной функции суда и проявляется только в случае наличия спора и в процессе рассмотрения дела.

Нормативное значение имеют и акты судебной власти, в которых придается *официальное толкование правовых норм*. Следует иметь в виду, что если разъяснение суда действует в рамках конкретного дела (казуальное официальное толкование), оно все равно имеет нормативное значение, то есть его действие не исчерпывается этим случаем, так как невозможно дать толкование правовой норме только для одного случая. В процессе толкования суды создают новые правовые положения (расширяют содержание правовой нормы), поэтому следует запретить оказывать им обратное действие, как противоречащее конституционным принципам верховенства права и принципу запрета обратного действия законов.

Итак, мнение о том, что официальное толкование не содержит правотворческих элементов, так как в теории права правотворчество и толкование обычно различаются как самостоятельные формы юридической практики, не учитывает современное правовое развитие. Оно состоит в том, что при толковании правовых норм с определенной особенностью судья формулирует определенные правовые положения, а соответствующий акт суда имеет нормативные проявления.

Судейское усмотрение (дискреция) также неотъемлемо связано с современным судопроизводством, с признанием нормативности актов судебной власти, в которых судьи делают выбор из нескольких правомерных вариантов решения дела, то есть создают модель решения аналогичных дел в будущем.

Уточняя историческое происхождение нормативности актов судебной власти, подчеркнем, что в основе их нормативности лежит социальный факт повторяемости определенных общественных отношений и специфика человеческой природы: справедливым будет то судебное решение, которое не отличается от ранее принятого решения в условиях совпадения фактических обстоятельств. С этой точки зрения ошибочно увязывать нормативность (судебный прецедент) только со становлением системы общего права в странах англо-саксонской правовой семьи, поскольку в силу человеческой природы стремление судей и государственных деятелей следовать практике своих предшественников или полагаться на собственные ранее принятые решения наблюдаются на протяжении всей истории человечества.

Исходя из анализа исторических источников, можно сделать вывод, что нормативный характер актов судебной власти признается практически во всех правовых системах и происходит от:

а) обычаев (ранее принятые судебные решения были доказательством существования определенного обычая, а судебная практика придавала обычаям правовой характер);

б) необходимости обеспечения централизации государственной власти;

в) идеи иерархичности судебной системы;

г) открытости судопроизводства.

Для усвоения явления нормативности актов судебной власти с позиций основных школ права важно проанализировать взгляды представителей школ:

а) правового позитивизма;

б) естественного права;

в) социологического права.

Правовой позитивизм («командная теория в праве») полностью отрицает правотворческую роль судей в процессе принятия судебных решений и не признает нормативного содержания их решений. Это легко объясняется тем, что деятельность такого рода противоречит воле суверена, которая воплощается в текстах нормативно-правовых актов, и заставляет судей применять их без оценки соответствия моральным требованиям и другим критериям.

Теория естественного права убеждает в том, что судьи «открывают право», которое всегда существовало в обществе и было «сверхположительным», поэтому акты судебной власти, в которых применяется право, имеют нормативное влияние. Поскольку в современных условиях под естественным правом понимается в основном система неписаных правовых принципов (устанавливаются судами в процессе осуществления правосудия, а не законодателем в нормативно-правовых актах) как критериев определения силы положительного права, оно получает применение как на высшем национальном (конституционном) уровне, так и на международном. Рецепция естественного права в современных правовых системах напрямую связана с нормативностью судебных актов и с институциональной способностью органов судебной власти.

Социологическая школа права находится в непосредственной связи со школой естественного права, а взгляды на роль судей и нормативного содержания их решений совпадают. Социологическая школа права («правовой реализм», школа «свободного права») подчеркивает непосредственную связь права с характером общественных отношений. Представители этой школы не отождествляют право с законом и уделяют внимание не столько текстам нормативно-правовых актов, сколько результатам их реализации и правоприменительной практике. Право формируется не столько законодателем, сколько в процессе его применения органами судебной власти. Следовательно, признается нормативность актов судебной власти, так как через акты правоприменения право становится более гибким и приспособленным к требованиям жизни.

Оценивая нормативное значение актов судебной власти и принцип разделения властей выскажемся против утверждения о том, что нормативность актов судебной власти полностью противоречит принципу разделения властей. Акцентируем внимание, что основным предназначением принципа разделения властей в современном демократическом обществе является обеспечение политической свободы и стабильного демократического развития. Принцип разделения властей понимается в параметрах жесткой (классической) и мягкой модели. Традиционное отрицание нормативности актов судебной власти основано именно на требованиях жесткой модели. Мягкая модель разделения властей предполагает частичное выполнение «органических» или «титულных» функций одной ветви власти другими ветвями, как элемент развития системы сдержек и противовесов. Поэтому судебные акты с позиций такого подхода к пониманию принципа разделения властей могут носить нормативный характер, что необходимо для достижения справедливости в судебном процессе и для гарантии свободы личности.

Обозревая нормативность актов судебной власти в условиях конституционной демократии, отметим концептуальную разницу между режимами парламентской и конституционной демократии.

При *парламентской демократии* закон как высшая форма права легитимируется законодательным процессом, так как все граждане могут потенциально участвовать в его принятии через систему выборов, референдум, а также посредством политической связи народных депутатов со своими избирателями. Поэтому возможное признание нормативного содержания актов судебной власти в парламентской демократии затрудняет легитимность законов, поскольку главным субъектом правотворчества является законодательный орган.

Становление политического режима *конституционной демократии* совпадает с введением в правовую систему надежных юридических ограничений, закрепляемых на самом высоком конституционном уровне относительно границ функционирования законодательной власти. В условиях конституционной демократии признается естественно-правовой подход и судебное участие в определении юридической природы и содержания конституционных прав и свобод в целях обеспечения непосредственного действия конституционных норм, ограниченности государственного (парламентского) суверенитета фундаментальными (конституционными) правами и свободами. Они получают свою защиту и дальнейшую правовую конкретизацию через судебный процесс и представляют собой комплекс ценностных (нравственных) требований к положительному праву.

Осмысливая судебные стандарты применения принципов права, заметим, что судьи применяют нормы права через соответствующую «оболочку» как результат раскрытия содержания и передачи их смысла через принципы или судебские стандарты применения этих норм; их наиболее полное раскрытие невозможно вне творческой деятельности судебной ветви власти, в результате которой нормы права согласуются с современными требованиями жизни и конкретными жизненными ситуациями. Принципы права могут быть сформулированы в актах судебной власти в процессе осуществления судопроизводства или в этих актах нормативного характера раскрывается их дополнительный объем и содержание, если они предварительно закреплены в текстах Конституции и законах.

Рассматривая *судебный прецедент*, заметим, что основой нормативности актов судебной власти является судебный прецедент, под которым обычно понимается порядок мотивации в судебном решении по конкретному делу, который берется за основу при решении других аналогичных дел, обстоятельства которых будут сходными по всем основным параметрам.

Судебный прецедент не совпадает с актом судебной власти, а является лишь порядком мотивации этого акта, который вступает в обязательную силу при следовании судом этому порядку мотивации по аналогичным делам. Судебный прецедент как источник права придает нормативную силу тем актам судебной власти, в которых он содержится. Для этого необходимо наличие дополнительных важных условий, при которых судебное решение приобретает прецедентный характер:

а) окончательность;

- б) доступность (его опубликование в официальных источниках);
- в) наличие аналогичных обстоятельств и фактов дела;
- г) наличие ссылки на предыдущую правовую позицию в следующем решении;
- д) эти решения приняты в рамках соответствующей процедуры.

Следовательно, нормативную и общеобязательную силу будут иметь не все акты судебной власти, а лишь те, которые носят прецедентный характер. Можно даже назвать прецедент нормативной составляющей судебного решения. Следует также отметить, что не правильно полное отделение судебного прецедента от судебного решения, так как судебный прецедент «привязан» к фактическим обстоятельствам дела, излагаемым в описательной части судебного решения. Степень обязательности прецедента напрямую будет зависеть от места суда, принявшего соответствующий акт, в системе органов судебной власти.

Акты судебной власти, в которых содержатся судебные прецеденты, в зависимости от юридической методологии их обособления могут включать детальное описание фактов и аргументов сторон, обзор доктрины и судебной практики, соображения суда по общим вопросам теории права, даже иногда эмоциональные замечания и моральные установки. Поэтому прецедентное значение имеет не решение в целом, а та его часть, в которой решается вопрос, стоящий перед судом (*ratio decidendi*).

Распознавая судебный прецедент в *англо-саксонской правовой семье* уточним, что нормативность актов судебной власти в странах англо-саксонского права основана на принципе «*stare decisis et non quieta moevre*» (с лат. «придерживаться того, что было уже решено, не беспокоить то, что не нужно беспокоить») прецедентного права. Эта обязательность является относительно новым явлением и основные критерии обязательности действия этого принципа начинают разрабатываться только в XVIII ст. в Англии. В пользу применения этого принципа приводятся следующие аргументы:

- а) значительно уменьшается правовая неопределенность при решении дел;
- б) повышается уровень легитимности органов судебной власти, поскольку субъекты права относятся с доверием к относительно стабильному и неизменному во времени судебному толкованию правовых норм;
- в) в силу действия этого принципа устраняется необходимость постоянной аргументации определенных правовых вопросов, уже являвшихся предметом судебного разбирательства;
- г) действие этого принципа обеспечивает зависимость результатов рассмотрения дела от определенных рациональных объективных стандартов, существовавших до и после принятого решения, а не от субъективных взглядов судьи;
- д) право адаптируется к новым обстоятельствам жизни при сохранении существенного уровня предсказуемости;
- е) учет прецедентного права необходим при толковании правовых норм, которые неоднозначны для понимания, то есть оно привносит четкость в понимание права.

Воспринимая судебный прецедент в *романо-германской правовой семье* зафиксируем, что в странах романо-германского права официально судебный прецедент не признается источником права, но на практике он действует посредством

концепции «установившейся судебной практики» (*jurisprudence constante*), представляющей собой устойчивое применение определенной правовой нормы судами в длительной череде аналогичных дел. Нормативное значение этой установленной судебной практики больше связано с уважением к правовому обоснованию, высказанному судами, чем с общей обязанностью следовать ранее принятым решениям, и обусловлено конституционными принципами защиты доверия к праву, единства правовой системы и правовой определенности.

При этом ранее принятые судебные решения рассматриваются как дополнительное средство толкования положений законодательства, то есть судебное решение расширяет содержание правовой нормы, а не подменяет ее, а будущее применение нормы судами осуществляется через призму судейского толкования в ранее принятых решениях с учетом обстоятельств дела. По общим подходам, получившим поддержку в странах романо-германского права, судам запрещено обосновывать свои решения только ссылками на свою предыдущую практику как единственное основание для принятия решения.

Разбирая судебный прецедент в доктрине и практике Российской империи и СССР, определим, что восприятие судебного прецедента в Российской Империи и СССР в целом напоминало отношение к нему в странах романо-германского права: с *одной стороны*, нормативность актов судебной власти не признавалась, с *другой* – практика Правительственного Сената, как для него самого, так и для всех подчиненных ему судов была обязательна, то есть решения набирали силу прецедента и неустойчивости, их не мог изменить даже сам Сенат без монархического разрешения на пересмотр дела. В СССР за Верховными Судами признавалось право издавать обязательные руководящие разъяснения по вопросам правоприменения (постановления Пленума), хотя в науке признание нормативности актов судебной власти было запрещено.

Обсуждая судебный прецедент как источник международного права, установим, что сфера международных отношений имеет свои особенности, так как частично регулируется международным правом, когда на первое место выходит не судебная практика как, скажем, практика конституционных судов в национальных правовых системах некоторых стран, а практика международных отношений. Международное правосудие обычно носит субсидиарный характер и базируется на взаимодействии национальных судебных и правовых систем в зависимости от предмета и сферы правового регулирования. Судебный прецедент на международном уровне действует фактически и влияет на деятельность как самих международных юрисдикционных органов, так и субъектов международного права, а также на национальные правовые системы. Причем международные суды не только частично признают доктрину «*stare decisis*», но больше полагаются на ее функциональный эквивалент в странах континентального права – доктрину установившейся судебной практики.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

В научной статье осуществлено теоретическое обобщение и решение научной проблемы определения закономерностей возникновения и увеличения нормативного влияния актов судебной власти, изучения тенденций усиления роли судебной власти в

процессе формирования права, а также нормативности этих актов как актов правоприменения в мировой и российской практике, что дало автору основания сформулировать выводы, предложения, основные из которых следующие:

1. Нормативное влияние актов судебной власти заметно на протяжении всей истории человечества, а не только в условиях англо-саксонской правовой семьи, и поэтому при исследовании этого явления ошибочно сосредоточиваться только на анализе правовых систем стран, входящих в эту семью, а нормативность этих актов связывать только с общим правом. Из исторических причин признания нормативности актов судебной власти следует отделить необходимость соблюдения обычаев, которые признавались в судебных решениях, централизацию государственной власти, иерархичность судебной системы и открытость судопроизводства. Кроме того, соблюдение судами принципа «аналогичные дела решаются аналогично» способствует повышению общественного доверия к судьям и укреплению уважения к их решениям. Признание нормативности актов судебной власти в исторической перспективе также обусловлено интересами правосудия, наличием независимой судебной власти, действующей в соответствии с принципом верховенства права, необходимостью развития правовой системы с учетом всех сложностей и потребностей общественной жизни, признанием факта повторяемости определенных социальных отношений.

К причинам распространения нормативного влияния актов судебной власти в современных правовых системах, в частности, в России, отнесем:

- а) необходимость обеспечения единства судебной практики и надлежащего применения правовых норм, осуществления судьейского толкования;
- б) целесообразность обеспечения реализации конституционных норм как норм прямого деяния;
- в) непосредственную судебную защиту конституционных прав и свобод;
- г) восполнение пробелов и устранение коллизий законодательства.

2. Роль суда в процессе формирования права не направлена на формулирование норм права и имеет свои особенности, одной из которых является субсидиарный характер участия судей в этом процессе, он обусловлен требованиями правосудия. Следовательно, суд принимает участие в процессе формирования права в случае, если правовая позиция, изложенная в акте судебной власти, имеет обязательное значение не только для сторон по делу, но и для судей при решении следующих дел аналогичного характера.

3. Актам судебной власти нормативного характера принадлежат следующие общие признаки, а именно:

- а) принимаются в процессе осуществления правосудия, то есть являются актами судебной власти;
- б) нормативное значение имеет не акт судебной власти в целом, а именно его часть (как правило, мотивировочная), где содержится судебный прецедент;
- в) они носят общеобязательный характер, то есть их действие распространяется не только на стороны по делу, но касается и других субъектов права;
- г) их нормативная сила исходит из необходимости обеспечения интересов правосудия при решении аналогичных дел и основана на правовых позициях, которые в основном формулируются в процессе применения и толкования норм права при

рассмотрении конкретного дела и содержатся в мотивировочной части судебного решения;

д) обеспечиваются государством через деятельность государственной исполнительной службы;

е) их нормативное содержание устанавливается на основании анализа в судебном заседании юридических фактов и жизненных обстоятельств;

ж) зависят от профессионального правосознания судей и уровня развития правовой доктрины;

з) в условиях романо-германской правовой семьи носят дополнительный характер по отношению к основным источникам права.

4. Для обозначения явления нормативности актов судебной власти в юридической литературе также употребляется термин «судебное правотворчество». Нормативность актов судебной власти основывается на результатах рассмотрения судами конкретного дела в виде правовых позиций (правоположений), содержащихся в мотивировочной части акта судебной власти и имеющих обязательную силу не только для сторон по делу, но и для других субъектов права в соответствии с законом вследствие соблюдения принципа иерархичности судебной системы, в силу их убедительности при рассмотрении аналогичных дел. Эти правовые позиции могут неоднократно применяться судами при решении аналогичных дел, то есть приобретать признаки неконкретности адресата.

Нормативный характер также носят разъяснения, представленные в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Кроме того, нормативность особого рода принадлежит актам Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку нормативное влияние оказывают не только правовые позиции, содержащиеся в мотивировочных частях решений, но и их резолютивные части, в которых дается официальное толкование Конституции и законов (их отдельных диспозиций по признанию их конституционными/ неконституционными).

5. Основные отличия нормативности актов судебной власти как актов применения норм права от нормативных актов следующие:

а) ограниченность нормативного действия акта судебной власти, а именно той его части, которая содержит правовую позицию: она обязательна только для судей при решении аналогичного дела, а не для всех субъектов права, как в условиях действия нормативно-правового акта;

б) эта обязательность устанавливается, как правило, не законом, а самой судебной властью, то есть происходит от требований осуществления правосудия и судебной охраны принципов права конституционного уровня (равенства, правовой определенности, доверия к праву);

в) обязательную силу имеет не акт судебной власти в целом, а и его часть, содержащая правовую позицию (правоположение), которая приобретает признаки нормативности при повторяемости фактических обстоятельств и правоотношений при рассмотрении аналогичного дела. Она имеет меньшую степень формальной определенности, чем норма права, и ее обособление зависит от применения специальной методологии и базируется на подходах самого суда или высших судов,

которые должны повторно сослаться на эту правовую позицию при решении аналогичных дел. Кроме того, нормативное значение имеют не все акты судов, а те, в которых, как правило, разрешается дело по существу. Нормативно-правовой акт после вступления в силу действует во всей своей полноте независимо от обстоятельств правоприменения и распространяет свое действие на всех субъектов права;

2) нормативность акта судебной власти тесно связана с фактическими обстоятельствами дела, а доказательство разницы между фактическими обстоятельствами при решении аналогичного дела (применение «техники различий») оказывает существенное влияние на снижение нормативной силы этих актов.

Кроме того, процедура принятия, изменения и отмены, а также обнародования и применения нормативно-правовых актов, порядок их действия, исходные данные и реквизиты этих актов существенно отличаются от порядка принятия актов судебной власти, в том числе имеющих нормативное содержание.

6. Нормативность актов органов конституционной юрисдикции признается в условиях конституционной демократии, которая основана на легитимации права с позиций основных (фундаментальных) прав и свобод в соответствии с политико-правовыми идеями либерализма и основывается на природно-правовых подходах к юридической природе Конституции. Законы и другие нормативно-правовые акты должны быть приняты не только в соответствии с определенной процедурой и официально обнародованы, но и соответствовать принципу верховенства права и верховенства Конституции, не нарушать конституционные права и свободы и иметь легитимную цель, соответствующую ценностям конституционной демократии. Это соответствие устанавливается в актах Конституционного Суда Российской Федерации, имеющих нормативный характер. Нормативность этих актов также признается в целях обеспечения прямого действия конституционных норм. Кроме того, в условиях современной демократии признание нормативности актов судебной власти не противоречит принципу разделения властей.

7. Согласно требованиям конституционной демократии и концепции правового государства, судьи осуществляют правосудие не только в соответствии с формальными, предварительно установленными положениями нормативно-правовых актов, но и применяют эти акты в контексте правовой системы, включая ее фундаментальные принципы, которые являются своеобразными посредниками между ценностями правовой системы и правовыми нормами. Принципы служат основой для правильного применения правовых норм. Установление их содержания в процессе осуществления правосудия достигается судебной властью правовых актах, приобретающих нормативное значение. Принципы права содержатся в тексте Конституции Российской Федерации, других правовых актах, формулируются судами в процессе осуществления судопроизводства в актах; путем судебной деятельности раскрывается их дополнительный объем и содержание.

8. Нормативность актов судебной власти основана на судебном прецеденте, который создается органами судебной власти в процессуальных пределах применения норм материального права и является источником права в условиях англо-саксонской правовой семьи. Уровень обязательности судебного прецедента зависит от того, какое

решение вынесено судом: прецедент, основанный на решении «*plurality*» (разные судьи приводят разный порядок мотивации судебного решения), имеет меньшую юридическую силу, чем прецедент, основанный на решении «*majority*» (порядок мотивации поддержан большинством судей). На уровень влияния прецедента и возможности его применения при регулировании общественных отношений влияют методологические подходы по выявлению «*ratio decidendi*» в тексте судебного решения и его отделения от «*obiter dicta*». В этой связи определенный вес имеют и отдельные мнения судей по поводу перспективного формирования прецедентного права в будущем. Обязательность судебного прецедента и нормативность актов судебной власти в странах англо-саксонского права основывается на доктрине «*stare decisis*». В странах, где эта доктрина отсутствует, вопрос определения «*ratio decidendi*» не имеет такой актуальности, как в странах англо-саксонского права.

9. К основным признакам прецедентного права относятся:

а) прецедентное право принимается судьями в рамках судебного процесса как часть обоснования решенного дела, и в этом аспекте между прецедентным и судебным правом можно поставить знак равенства;

б) прецедентное право состоит из норм (правоположений) или принципов, как результат судебной мотивации, носит системный характер. Ему также будет принадлежать регулятивная функция публичных отношений;

в) прецедентному праву принадлежит нормативность и общеобязательность, то есть оно применяется неоднократно и для разрешения неограниченного количества аналогичных ситуаций;

г) оно является гибким и казуистическим, при этом придает правовой системе открытый характер. С его помощью можно решить любое дело, несмотря на противоречивость и неоднозначность законодательства, наличие в нем пробелов;

д) оно носит неписаный характер, то есть формулируется судами в процессе рассмотрения дела, а не законодателем;

е) имеет определенный характер, но для своего обнаружения требует специальной судейской техники «различий» и выделения «*ratio decidendi*»;

ж) базируется на важных решениях прецедентного характера, официально публикуемых в сборниках судебной практики;

з) прецедентное право является частью судебной практики, но не вся судебная практика носит прецедентный характер. Более этому соответствует понимание судебной практики в узком смысле, сложившееся в отечественных доктринальных источниках.

10. В странах романо-германского права формально прецедент не признается. Вместо него на нормативность актов судебной власти указывает концепция «установившейся судебной практики» (*jurisprudence constante*). Несмотря на отсутствие в этих странах официальной доктрины обязательности ранее принятых судебных решений, большинство решений судов высшей юрисдикции в этих странах содержит ссылку на ранее принятые решения. То есть прецедент в этих странах действует фактически за исключением судов конституционной юрисдикции, где

обязательность решений конституционного суда для всех органов государственной власти закреплена в законе.

С признанием нормативности актов судебной власти следует уделять большее внимание решениям высших судов по конкретным делам, а также принимать комплекс государственных мероприятий, направленных на обнародование этих решений в официальных источниках, улучшение функционирования государственного реестра судебных решений, обязательное изучение этих решений в рамках учебных курсов по отраслям права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жильцов, Н. А., Чердаков О. И. Формирование института судебной власти в постсоветской России // История государства и права. 2024. № 4. С. 34–39.
2. Корякин, И. И. Генезис обеспечения деятельности судебной власти: история и современность // Право и государство: теория и практика. 2023. № 2(218). С. 127–130.
3. Таибова, О. Ю. К вопросу об истории и понятии судебной власти в России // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2023. № 2. С. 33–39.
4. Петров, А. В. Судебностроительные и судопроизводственные гарантии независимости судебной власти и судей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2025. Т. 25, № 1. С. 33–39.
5. Усенко, С. В. Проблемы организации системы судебной власти в Российской Федерации // Вестник экономики и права. 2024. № 94. С. 177–185.
6. Ульянов, А. Ю. Правовые подходы к оценке эффективности судебной власти // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 4. С. 235–253.
7. Мирзаев, М. А., Исамагомедов А. М. Понятие, значение, особенности судебной власти в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2024. № 10(197). С. 433–434.
8. Рябина, Т. К. Роль судебной власти в трансформации соотношения публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14, № 4. С. 1105–1121.
9. Биюшкина, Н. И., Бровкина Е. А. Особенности взаимодействия Конституционного Суда РФ с иными органами законодательной и судебной власти // Законность и правопорядок. 2023. № 3(39). С. 4–9.
10. Петухов, Н. А., Рябцева, Е. В. Роль Верховного Суда Российской Федерации в обеспечении институционального развития судебной системы и независимости судебной власти // Российское правосудие. 2023. № S1. С. 126–134.
11. Росенко, М. И., Скребец, Е. В. О нормативности актов судебной власти в англосаксонской системе права и становлении прецедентного права в современной национальной системе // Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78, № 1(218). С. 71–82.
12. Иванов, И. В. Развитие публичной власти в судебных актах и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации: к 30-летию Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 10(155). С. 112–120.

13. Федорова, Е. В. Ответственность за вред, причиненный актами судебной власти при осуществлении правосудия, в российском законодательстве: история развития правового регулирования в дореволюционный период (XI – начало XX в.) // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 4(65). С. 146–153.

REFERENCES

1. Zhiltsov N. A., Cherdakov O. I. Formirovaniye instituta sudebnoy vlasti v postsovetsoy Rossii [Formation of the Institute of Judicial Authority in Post-Soviet Russia]. *Istoriya gosudarstva i prava - History of the State and Law*. 2024, no. 4, pp. 34–39.
2. Koryakin I. I. Genezis obespecheniya deyatelnosti sudebnoy vlasti: istoriya i sovremennost' [Genesis of Ensuring the Activities of the Judicial Authority: History and Modernity]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika - Law and State: Theory and Practice*. 2023, no. 2(218), pp. 127–130.
3. Taibova O. Yu. K voprosu ob istorii i ponyatii sudebnoy vlasti v Rossii [On the History and Concept of the Judicial Authority in Russia]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye, obshchestvennye nauki - Vestnik of Ivanovo State University. Series: Natural and Social Sciences*. 2023, no. 2. pp. 33–39.
4. Petrov A. V. Sudoustroystvennyye i sudoproizvodstvennyye garantii nezavisimosti sudebnoy vlasti i sudey [Judicial and Procedural Guarantees of the Independence of the Judiciary and Judges]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. - Vestnik of the South Ural State University. Series: Law*. 2025, vol. 25, no. 1, pp. 33–39.
5. Usenko S. V. Problemy organizatsii sistemy sudebnoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii [Problems of Organization of the Judicial Authority System in the Russian Federation]. *Vestnik jekonomiki i prava - Vestnik of Economics and Law*. 2024, no. 94, pp. 177–185.
6. Ulyanov A. Yu. Pravovyye podkhody k otsenke effektivnosti sudebnoy vlasti [Legal Approaches to Assessing the Effectiveness of the Judicial Authority]. *Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly jekonomiki. - Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2024, no. 4. pp. 235–253.
7. Mirzaev M. A., Ismagomedov A. M. Ponyatiye, znachenije, osobennosti sudebnoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii [Concept, Meaning, and Features of the Judicial Authority in the Russian Federation]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal - Eurasian Law Journal*. 2024, no. 10(197), pp. 433–434.
8. Ryabinina T. K. Rol' sudebnoy vlasti v transformatsii sootnosheniya publicnykh i chastnykh interesov v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii [The Role of the Judiciary in Transforming the Ratio of Public and Private Interests in Criminal Proceedings in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. - Vestnik of St. Petersburg University. Law*. 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1105–1121.
9. Biyushkina N. I., Brovkina E. A. Osobennosti vzaimodeystviya Konstitutsionnogo Suda RF s inymi organami zakonodatel'noy i sudebnoy vlasti [Features of the Interaction of the Constitutional Court of the Russian Federation with Other Legislative and Judicial Bodies]. *Zakonnost' i pravoporyadok - Legality and Law*. 2023, no. 3(39), pp. 4–9.
10. Petukhov N. A., Ryabtseva E. V. Rol' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v obespechenii institutsional'nogo razvitiya sudebnoy sistemy i nezavisimosti sudebnoy vlasti [The Role of the Supreme Court of the Russian Federation in Ensuring the Institutional

Development of the Judicial System and the Independence of the Judiciary]. Rossijskoe pravosudie - Russian Justice. 2023, no. S1, pp. 126–134.

11. Rosenko M. I., Skrebets E. V. O normativnosti aktov sudebnoy vlasti v anglosaksonskoy sisteme prava i stanovlenii pretsedentnogo prava v sovremennoy natsional'noy sisteme [On the Normative Nature of Acts of the Judicial Authority in the Anglo-Saxon Legal System and the Formation of Case Law in the Modern National System]. Lex Russica (Russian Law). 2025, vol. 78, no. 1 (218), pp. 71–82.

12. Ivanov I. V. Razvitiye publichnoy vlasti v sudebnykh aktakh i pravovykh pozitsiyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: k 30-letiyu Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [Development of Public Authority in Judicial Acts and Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: on the 30th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. - Actual Problems of Russian Law. 2023, vol. 18, no. 10 (155), pp. 112–120.

13. Fedorova E. V. Otvetstvennost' za vred, prichinennyy aktami sudebnoy vlasti pri osushchestvlenii pravosudiya, v rossiyskom zakonodatel'stve: istoriya razvitiya pravovogo regulirovaniya v dorevolutsionnyy period (XI – nachalo XX v.) [Liability for harm caused by acts of the judiciary in the administration of justice in Russian legislation: the history of the development of legal regulation in the pre-revolutionary period (11th – early 20th century)]. Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo institute - Vestnik of the Vladimir Law Institute. 2022, no. 4 (65), pp. 146–153.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беженцев Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права юридического факультета. Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Президентская академия), (РАНХиГС). 199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. Васильевского Острова, д. 57/43. AuthorID: 271235. SPIN-код: 5243-1039. ORCID: 0000-0002-9909-9869

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bezhentsev Alexander Anatolevich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Law Faculty. North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Presidential Academy), (RANEPA). 199178, Russia, St. Petersburg, Sredny pr. Vasilievsky Island, 57/43. AuthorID: 271235. SPIN-код: 5243-1039. ORCID: 0000-0002-9909-9869

Статья поступила в редакцию 27.05.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 24.07.2025.

The article was submitted 27.05.2025; approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 24.07.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 3 (114). С. 38–49.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 3 (114). Pp. 38–49.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 342.723

ПРАВОВЫЕ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ДЕЛИКТСПОСОБНОСТИ ЛИЦ, ОГРАНИЧЕННЫХ В ДЕЕСПОСОБНОСТИ

Белозерцева Виктория Владимировна¹, Белозерцев Сергей Михайлович²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация

²Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

¹ sarrav@mail.ru, ²zuyn03@mail.ru

Введение: исследование волеиспособности субъекта, его правовых способностей всегда будет актуальным, это связано с трансформацией общественных отношений, появлением в праве новых способов выражения воли лица. Современные тенденции развития искусственного интеллекта, предпринятые попытки присвоения ему некоторых элементов воли, присущих человеку, вовсе возводит категорию правосубъектности и ее элементов в ранг одной из самых востребованных для изучения. Право на протяжении всей истории проецирует антропоцентрический подход к формированию правовых норм, появление новых форм существования и проявления воли не изменяет этого подхода, наоборот, усиливает значение основ правового поведения, и мы воспринимаем новые формы существования и проявления воли не только чуждыми, но и враждебными. В то же время исследование традиционных, привычных волеиспособностей лица может создать платформу для появления правовых норм и правил для регулирования тех самых новых форм существования и проявления воли.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс РФ, гражданское и гражданское процессуальное законодательство в части, регулирующей основания ограничения дееспособности субъекта и определяющей его деликтоспособность, материалы судебной практики, отражающие критерии определения волеиспособности субъекта. Методологическую основу исследования составил общенаучный диалектический метод; логический, систематический методы, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, обобщения и описания; частнонаучный метод: формально-юридический.

Результаты исследования: позволили осветить место деликтоспособности в структуре правосубъектности, определить ее признаки как самостоятельной правовой категории, в которой сочетаются право- и дееспособность. Дееспособность проявляется в деликтоспособности как способность оценивать антисоциальный характер своих действий, что является отражением волееспособности лица; именно поэтому, для того чтобы обладать деликтоспособностью, необходимо иметь хотя бы часть дееспособности, как это и происходит с субъектами, ограниченными в дееспособности. Правоспособность в деликтоспособности проектирует функцию способности нести обязанности определенного типа (ответственность). Неделиктоспособный субъект не только не способен создать и исполнить обязанность, но даже не способен ее нести. Таким образом, отсутствие дееспособности влечет отсутствие деликтоспособности, а ограничение дееспособности не влечет ограничение деликтоспособности, что и позволяет сделать вывод о полной деликтоспособности лиц, ограниченных в дееспособности.

Выводы и заключения: ограниченно дееспособные лица деликтоспособны в полном объеме. Основания ограничения дееспособности разделены на три группы в зависимости от целей, на которые они направлены. Во всех трех случаях ограничение дееспособности влечет за собой ограничение позитивной волееспособности, которая направлена на совершение различного рода сделок, способность к несению ответственности не ограничивается. В отношении лиц, ограничиваемых в дееспособности по основаниям ст. 30 ГК РФ, законодатель в одном случае определенно указал, что такие субъекты деликтоспособны в полном объеме (ст. 1077 ГК РФ), во всех остальных случаях установлено правило деликтной ответственности как «ответственность за причиненный вред несет в соответствии с настоящим Кодексом». Подобная формулировка позволяет сделать вывод, что субъекты, ограниченные в дееспособности по правилам ст. 30 ГК РФ, полностью деликтоспособны.

Ключевые слова: правосубъектность, правоспособность, дееспособность, деликтоспособность, ограничение дееспособности, ответственность.

Для цитирования: Белозерцева В. В., Белозерцев С. М. Правовые и доктринальные основы деликтоспособности лиц, ограниченных в дееспособности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114). С. 38–49.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

LEGAL AND DOCTRINAL BASIS OF THE DELICTOUS CAPACITY OF PERSONS WITH LIMITED LEGAL CAPACITY

Victoria V. Belozertseva¹, Sergey M. Belozercev²

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

²Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

¹ sarrav@mail.ru, ² zuyn03@mail.ru

Introduction: The study of the capacity for will of the subject, its legal ability will always be relevant. This is associated with the transformation of social relations and the emergence of new ways to express the will of an individual in law. The modern trends in the development of AI, attempts to assign some elements of human will to it, completely elevate legal personality and its components to one of the highest priorities for study. Law projects an anthropocentric approach throughout history to the creation of norms and regulations. The emergence of new forms and manifestations of will does not alter this approach; on the contrary, it emphasizes the importance of legal behavior foundations and perceives new forms as not only foreign but also hostile to us. At the same time, studying traditional, habitual human volitional abilities can create a basis for the establishment of legal regulations to govern these new forms.

Materials and Methods: The normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, civil and civil procedural legislation, in the part regulating the grounds for limiting the legal capacity of a subject and determining its tort capacity, materials of judicial practice reflecting the criteria for determining the subject's legal capacity. The methodological basis of the study was the general scientific dialectical method; logical, systematic methods, cognitive methods and techniques of observation, comparison, generalization and description; specific scientific method: formal-legal.

The Results of the Study: allowed to highlight the place of tort capacity in the structure of legal personality, to determine its features as an independent legal category, which combines legal and legal capacity. Legal capacity is manifested in tort capacity as the ability to assess the antisocial nature of one's actions, which is a reflection of the person's volitional capacity, which is why, in order to have tort capacity, it is necessary to have at least part of the legal capacity, as is the case with subjects with limited legal capacity. Legal capacity in tort capacity projects the function of the ability to bear obligations of a certain type (responsibility). A subject who is not tort-capable is not only unable to create and fulfill an obligation, but is not even able to bear it. Thus, the absence of legal capacity entails the absence of tort capacity, and limitation of legal capacity does not entail limitation of tort capacity, which allows us to conclude that persons with limited legal capacity have full tort capacity.

Findings and Conclusions: persons with limited legal capacity have full tort capacity. The grounds for limiting legal capacity are divided into three groups depending on the purposes they are aimed at. In all three cases, limiting legal capacity entails limiting positive volitional capacity, which is aimed at making various types of transactions; the capacity to bear responsibility is not limited. With regard to persons limited in legal capacity on the grounds of Art. 30 of the Civil Code of the Russian Federation, the legislator has specifically indicated in one case that such subjects have full tort capacity (Art. 1077 of the Civil Code of the Russian Federation); in all other cases, the rule of tort liability is established as "responsibility for damage caused is borne in accordance with this Code." Such wording allows us to conclude that subjects limited in legal capacity under the rules of Art. 30 of the Civil Code of the Russian Federation have full tort capacity.

Keywords: legal personality, legal capacity, tort capacity, limitation of legal capacity, responsibility.

For citation: Belozertseva V.V., Belozertsev S.M. Pravovyye i doktrinal'nyye osnovy deliktosposobnosti lits, ogranichennykh v deyesposobnosti [Legal and doctrinal foundations of the tort capacity of persons with limited legal capacity]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 3 (114). Pp. 38–49.

Деликтоспособность как способность нести ответственность неразрывно связана с правосубъектностью, правовую ответственность может нести лишь тот, кто обладает правосубъектностью, чья воля имеет правовое значение. В том случае, если правонарушение совершает субъект не являющийся правосубъектным в полном объеме, встает вопрос о его деликтоспособности. С этой точки зрения интерес вызывает правовое регулирование деликтоспособности субъектов, чья дееспособность не является полной. В частности, по общему правилу, лица, ограниченные судом в дееспособности, несут ответственность за причинение вреда самостоятельно, в данном случае созидательная волееспособность лица ограничена, потому как он не в полной мере осознает значение своих действий и ими руководит, однако в отношении негативного проявления воли у законодателя подход иной.

В правовой науке существует устоявшийся подход к пониманию правосубъектности и ее элементов. Привычно мы полагаем, что правосубъектность состоит из двух элементов: правоспособности и дееспособности, деликтоспособность традиционно включают в состав дееспособности наряду со сделкоспособностью, хотя существуют и иные точки зрения [1, с. 25]. В том случае, если деликтоспособность является элементом дееспособности, то логично предположить, что ограничение дееспособности повлечет за собой не только ограничение сделкоспособности, но и деликтоспособности, однако нормы гражданского законодательства об ограничении дееспособности гражданина нарушают данную логику. Деликтоспособность мы понимаем как способность нести ответственность за неправомерные действия (за причиненный вред).

Дееспособность является правовым отражением волееспособности лица, его способности осуществлять юридически значимые действия (бездействия). Правовые основы дееспособности заложены в Конституции Российской Федерации и Гражданском кодексе Российской Федерации. Гражданское законодательство в качестве критерия волееспособности физического лица определило, в первую очередь, возраст; в то же время, помимо возраста, на развитие волееспособности влияет и уровень сознания и воли, психическое состояние, подверженность различного рода зависимостям. Именно к таким случаям относятся правила ограничения дееспособности гражданина, заложенные в ст. 30 ГК РФ. Нормы института ограничения дееспособности гражданина демонстрируют особенности такой правовой категории, как деликтоспособность. С момента создания ГК РФ перечень оснований ограничения дееспособности гражданина не один раз дополнялся. В настоящее время в действующей ст. 30 ГК РФ содержатся условия, в соответствии с которыми

дееспособность гражданина может быть ограничена вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами, пристрастия к азартным играм, а также вследствие психического расстройства. Некоторые из заложенных в ГК РФ критериев ограничения дееспособности вызывают научную дискуссию и трудности в практическом применении. В первую очередь, это касается возможности ограничения дееспособности в случаях психического расстройства, когда судам сложно правильно определить волевой критерий для принятия правомерного решения.

Отметим, что ст. 30 ГК РФ закрепляет разные по своей направленности критерии ограничения дееспособности гражданина, кроме того, помимо ст. 30 ГК РФ существуют и иные, применяемые по решению суда, основания ограничения дееспособности гражданина. Например, ограничением дееспособности, на наш взгляд, является ограничение несовершеннолетнего в распоряжении своим заработком или иными доходами по ходатайству родителей (ст. 26 ГК РФ) или применение к гражданину процедур банкротства (ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Институт ограничения дееспособности гражданина имеет своей целью защитить интересы лица, ограничиваемого в дееспособности, а также иных лиц, чьи права тем или иным образом затрагиваются.

Ограничение дееспособности гражданина, злоупотребляющего спиртными напитками, наркотическими средствами или вследствие пристрастия к азартным играм, возможно только в том случае, если он ставит свою семью в тяжелое материальное положение. Если у такого гражданина нет семьи или он не ставит ее своими действиями в тяжелое материальное положение, то ограничить его дееспособность не представляется возможным.

Ограничение дееспособности гражданина, страдающего психическим заболеванием, возможно в том случае, если в результате заболевания он может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц. Законодатель посчитал необходимым применить дифференцированный подход к объему дееспособности граждан, страдающих различными психическими заболеваниями, в обоих случаях применяются медицинский и юридический критерии. В правоприменительной практике сложился подход к определению уровня способности субъектов к оценке своих действий и способности ими руководить при принятии решений об ограничении дееспособности гражданина¹.

В результате процедуры банкротства, применяемой гражданину, в том числе и обладающему статусом индивидуального предпринимателя, ограничение его

¹ Например: «...Имеющиеся у ФИО4 нарушения психики в настоящее время не препятствуют достаточной ориентировке в стандартных социально-бытовых ситуациях и среднему уровню социальной адаптации, однако его способность к принятию самостоятельных, осознанных, адекватных решений и возможность реализации имущественных прав ограничена, поэтому он может понимать значение своих действий и руководить ими лишь при помощи других лиц..» // Решение Центрального районного суда города Сочи Краснодарского края по Делу № 2-4199/2024 УИД:23RS0059-01-2024-006320-69 // sudact.ru

дееспособности заключается в ограничении распоряжением имуществом, ограничении занимать определенные должности и т. п.

Дееспособность несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет традиционно называют относительной, потому как ее реализация зависит от согласия родителей (усыновителей, попечителей), однако и так не полную дееспособность несовершеннолетнего лица можно дополнительно ограничить, причем исключительно в интересах несовершеннолетнего, и направить использование его доходов в рациональное русло.

Перечисленные нами основания ограничения дееспособности гражданина преследуют разные цели и вследствие этого могут быть разделены на несколько групп [2, с. 125]:

- ограничение дееспособности с целью охраны имущественных прав и интересов других лиц;
- ограничение дееспособности с целью охраны имущественных прав и интересов субъекта, ограничиваемого в дееспособности;
- ограничение дееспособности с целью охраны имущественных прав и интересов субъекта, ограничиваемого в дееспособности, а также прав и интересов других лиц.

Отличаются и последствия ограничения дееспособности гражданина по тем или иным основаниям.

Ограничение дееспособности несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет заключается в том, что он теряет способность самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией и иными доходами. При этом сохраняет полную деликтоспособность и отвечает самостоятельно за причиненный вред; по совершенным в соответствии с законом сделкам он также несет самостоятельную имущественную ответственность.

Банкротство гражданина не имеет основной цели ограничения дееспособности гражданина, в результате применения норм о несостоятельности гражданин рационально выплачивает накопившиеся долги и удовлетворяет интересы своих кредиторов. В то же время применение процедуры банкротства отражается и на дееспособности гражданина, когда он лишается возможности в течение установленного периода времени занимать определенные должности, брать на себя кредитные обязательства и т. п. Имущественная ответственность по совершенным им сделкам и деликтная ответственность за причиненный вред сохраняется в полном объеме.

Гражданин, ограниченный в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками, наркотическими веществами и пристрастия к азартным играм, способен самостоятельно совершать только мелкие бытовые сделки, остальные сделки он совершает с согласия попечителя. Такой гражданин лишен возможности самостоятельно распоряжаться своими доходами, однако он самостоятельно несет имущественную ответственность по совершенным им сделкам и за причиненный им вред.

Гражданин, ограниченный в дееспособности вследствие психического расстройства, когда он может понимать значение своих действий и (или) ими руководить только при помощи других лиц, способен самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки и распоряжаться своим заработком, стипендией и иными доходами, остальные сделки он совершает с письменного согласия попечителя. В то же время при наличии достаточных оснований суд может ограничить самостоятельное распоряжение заработком, стипендией и иными доходами. Тем не менее законодатель предусматривает самостоятельную имущественную ответственность по сделкам, совершенным гражданином, ограниченным в дееспособности в результате психического расстройства и устанавливает общие основания для деликтной ответственности (за причиненный вред).

Законодатель в ст. 30 ГК РФ, установив общее правило деликтной ответственности ограниченно дееспособных лиц, сделал отсылку к общим правилам ответственности за причинение вреда, т. е. к ст. 1077 ГК РФ. Однако норма ст. 1077 ГК РФ не в полной мере определяет деликтоспособность лиц, ограниченных в дееспособности, потому как в ней речь идет только о лицах, ограниченных в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками и наркотическими веществами. Лица, ограниченные в дееспособности вследствие пристрастия к азартным играм и психического расстройства, не упомянуты в ст. 1077 ГК РФ. Не один раз в научной литературе указывали на то, что, внося изменения в ст. 30 ГК РФ, дополнив ее новыми основаниями ограничения дееспособности, законодатель «забыл» изменить ст. 1077 ГК РФ, которая предусматривает ответственность за причиненный вред гражданином, признанным ограниченно дееспособным [3, с. 10].

В доктрине мнения разделились. Одна группа ученых полагает, раз законодатель применил дифференцированный подход, четко закрепив в ст. 30 ГК РФ, что лица, ограниченные в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками, наркотическими веществами и пристрастия к азартным играм, самостоятельно несут деликтную ответственность, а в отношении лиц, ограниченных в дееспособности вследствие психического расстройства, применил обтекаемую формулировку «ответственность за причиненный вред несет в соответствии с настоящим Кодексом», то, следовательно, в ГК РФ должно быть закреплено особое правило ответственности таких лиц [4, с. 30]. Другая группа ученых придерживается иного суждения, аргументируя свою позицию тем, что ограничение дееспособности независимо от основания не влечет ограничение деликтоспособности, что и означает формулировка абз. 5 п. 2 ст. 30 ГК РФ [5, с. 36].

Правила ст. 30 и ст. 1077 ГК РФ, безусловно, не коррелируются между собой. Конечно, уточнение содержания ст. 1077 ГК РФ снимет массу проблем, в первую очередь практической направленности, однако в данный момент мы вынуждены применять эти нормы в существующем виде, используя различные правила толкования.

На наш взгляд, законодатель достаточно четко определил самостоятельную полную деликтоспособность лица, ограниченного в дееспособности, указав на это в абз. 5 п. 2 ст. 30 ГК РФ и ст. 1077 ГК РФ, несмотря на то что в обеих статьях

используются разные формулировки. Следует также отметить, что ни ст. 30 ГК РФ, ни ст. 1077 ГК РФ не упоминают о деликтоспособности лиц, ограниченных в дееспособности вследствие пристрастия к азартным играм. Статья 1077 ГК РФ вполне определенно устанавливает полную деликтоспособность лиц, ограниченных в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками и наркотическими веществами, закрепляя, что причиненный вред возмещается самим причинителем вреда. Статья 30 ГК РФ закрепляет, что субъект, ограниченный в дееспособности вследствие психического расстройства, несет ответственность за причиненный вред «в соответствии с настоящим Кодексом». Абз. 5 п. 2 ст. 30 ГК РФ отсылает к главе 59 ГК РФ «Обязательства вследствие причинения вреда», которая не устанавливает никаких особенностей ответственности данных лиц, что и означает их полную деликтоспособность. По нашему мнению, именно такой вывод напрашивается исходя из толкования данных норм, кроме того такой вывод логичен исходя из понятия и признаков самой деликтоспособности как правовой волееспособности нести ответственность за причиненный вред. По нашему мнению, деликтоспособность лица, ограниченного в дееспособности, достаточно наглядно демонстрирует самостоятельность деликтоспособности как правовой категории в структуре правосубъектности.

Как мы уже отмечали ранее, деликтоспособность как способность нести ответственность, с точки зрения устоявшегося научного подхода [6, с. 120], является частью дееспособности наряду со сделкоспособностью. Ограничение дееспособности гражданина по сути своей влечет ограничение сделкоспособности, но не деликтоспособности. Дееспособность как один из элементов правосубъектности, которая необходима лицу для вступления в правоотношения, имеет особенности формирования и существования. Отсутствие дееспособности одного лица может быть восполнено дееспособностью другого, институт опеки и попечительства в полной мере этому способствует. Опекуны и попечители (родители, усыновители) не реализуют волю своих подопечных, они осуществляют свою, но в интересах представляемых. Созидательное проявление воли может быть восполнено волей другого лица, ответственность не допускает подобного, ответственность всегда наступает за свою вину (в том числе, когда она презюмируется). Вина – это одно из проявлений воли, если субъект неосознанно проявляет ее, то и ответственности нести не должен. Несмотря на то, что основной целью гражданско-правовой ответственности является компенсация причиненного вреда, восстановление того положения, которое было до нарушения, не допускается ее возложение на невиновное лицо, хотя допускается ответственность за чужие действия, но всегда за свою вину. Совершение действия субъектом, признанным недееспособным или являющимся таковым в силу возраста, – это юридический факт, на основе которого возникает деликтное правоотношение, субъектом ответственности в этом правоотношении становится опекун, который отвечает за свою вину [7, с. 15]. Законодатель не может и не должен предусматривать ответственность за чужую вину, деликтоспособность в отличие от дееспособности не может быть восполнена. Обратим внимание на то, что сделкоспособность может быть ограничена только в части совершения позитивных действий, бремя последствий по заключенным сделкам

ограниченно дееспособные несут самостоятельно, как это указано в ст. 30 ГК РФ. Например, суд признал недействительным кредитный договор, заключенный лицом, ограниченным в дееспособности, и применил реституцию, обязав должника вернуть все полученное по сделке банку, проценты в объем возвращенного по правилам закона и акту правосудия не вошли². Сделкоспособность формируется волепоспособностью лица и направлена на создание своей волей для себя прав и обязанностей. Целью осуществления деликтоспособности вряд ли можно назвать создание для себя ответственности. В формировании юридически значимой воли всегда присутствует интеллектуальный критерий, субъект должен быть способен осознавать значение своих действий и понимать их последствия [8, с. 100]. Следует констатировать тот факт, что деликтоспособность в отличие от сделкоспособности и дееспособности не может быть неполной, ограниченной, частичной, она может быть только полной, либо вообще отсутствовать. Опекуны или попечители (родители, усыновители) становятся самостоятельными субъектами ответственности (в том числе и при субсидиарной ответственности), отвечая за свою вину. Ограничение дееспособности гражданина влечет за собой ограничение позитивных проявлений его воли, деликтоспособность не ограничивается.

На наш взгляд, нормы ГК РФ о полной деликтоспособности гражданина, ограниченного в дееспособности, в очередной раз доказывают, что деликтоспособность не является элементом дееспособности, но она самостоятельный элемент правосубъектности, по крайней мере, необходимость ее существования в структуре правосубъектности весьма определена [9, с. 83]. Деликтоспособность как правовое отражение волепоспособного лица нести ответственность предоставляет законодателю возможность воздействовать на правонарушителя либо напрямую, либо через других лиц [10, с. 38]. В деликтоспособности сочетаются правоспособность и дееспособность [11, с. 321], дееспособность «подтверждает» достаточный уровень волепоспособности, чтобы понимать последствия своих действий, правоспособность указывает на то, что субъект способен нести обязанности определенного типа (в данном случае – ответственность). При этом отсутствие деликтоспособности исключает способность лица приобрести и нести обязанность возмещать причиненный вред. В то же время, как мы уже отмечали, отсутствие части дееспособности не повлечет отсутствия волепоспособности нести ответственность за неправомерные действия.

Деликтоспособности присущи черты дееспособности, такие как способность оценивать антисоциальный характер своих действий, что является проявлением волепоспособности лица, именно поэтому для того чтобы обладать деликтоспособностью необходимо иметь хотя бы часть дееспособности, как это и происходит с субъектами, ограниченными в дееспособности. Таким образом, отсутствие дееспособности влечет отсутствие деликтоспособности, а ограничение дееспособности не влечет ограничение деликтоспособности. Неделиктоспособный субъект не только не способен создать и исполнить обязанность, но даже не способен ее нести, т.е. у неделиктоспособного

² Решение суда г. Петропавловск-Камчатский от 10 декабря 2024 г. по делу № 2-7249/2024 //sudact.ru

будет отсутствовать правоспособность в части способности нести обязанности определенного типа.

Специфика деликтоспособности заключается в том, что в ней сочетаются правоспособность и дееспособность, причем только в части ответственности за неправомерные действия [12, с. 11]. Деликтоспособность не может быть восполнена волей другого лица, ответственность субъект несет всегда за свою вину, отсутствие деликтоспособности не повлечет невозможность участия субъекта в правоотношениях. Таким образом, лица, ограниченные в дееспособности, обладают деликтоспособностью в полном объеме.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шевченко, А. С., Шевченко, Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве : Учебное пособие / Москва: Статут, 2013. 98 с.
2. Скоробогатова, В. В. Правосубъектность граждан в российском гражданском праве / Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. 153 с.
3. Данилова, Л. Я. Новеллы российского законодательства об ограничении дееспособности граждан, страдающих психическими расстройствами / Л. Я. Данилова // Семейное и жилищное право. 2015. № 3. С. 4–16.
4. Останина, Е. А. Ограниченная дееспособность либо недееспособность: попытка дифференцированного гражданско-правового и гражданско-процессуального анализа / Е. А. Останина // Закон. 2022. № 9. С. 27–40.
5. Рябинин, Н. А., Казанцева К. Ю. Совершенствование законодательства, регулирующего правовой статус лица, ограниченного в дееспособности / Н. А. Рябинин, К. Ю. Казанцева // Современное право. 2017. № 7. С. 34–48.
6. Современное гражданское и семейное право: перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики : монография / отв. ред. Е. В. Вавилин, О. М. Родионова. Москва : Статут, 2024. 226 с.
7. Дерюгина, Т. В. О возникновении деликтного обязательства и об условиях возмещения вреда / Т. В. Дерюгина // Цивилист. 2024. № 5. С. 13–21.
8. Веберс, Я. Р. Правосубъектность граждан в гражданском и семейном праве / Я. Р. Веберс. Рига : Зинатне, 1976. 232 с.
9. Яковлев, В. Ф. Гражданский кодекс Российской Федерации: развитие общих положений гражданского права // Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. М. : Статут, 2008. 165 с.
10. Илларионова, Т. И. Структура гражданской правосубъектности // Правовые проблемы гражданской правосубъектности : сб. ст. / под ред. О. А. Красавчикова. Свердловск, 1978. 156 с.
11. Черепяхин, Б. Б. Труды по гражданскому праву. Сер. «Классика российской цивилистики» / МГУ, кафедра гражданского права, юридический факультет. М. : Статут, 2001. 478 с.
12. Скоробогатова, В. В. Правосубъектность граждан в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 22 с.

REFERENCES

1. Shevchenko, A. S., Shevchenko, G. N. Deliktnyye obyazatel'stva v rossiyskom grazhdanskom prave [Tort obligations in Russian civil law]. Moscow, 2013. 98 p.
2. Skorobogatova V.V. Pravosub'yektnost' grazhdan v rossiyskom grazhdanskom prave [Legal capacity of citizens in Russian civil law]. Irkutsk, 2011, 153 p.
3. Danilova L.Ya. Novelly rossiyskogo zakonodatel'stva ob ogranichenii deyesposobnosti grazhdan, stradayushchikh psikhicheskimi rasstroystvami [Novels of Russian legislation on limiting the legal capacity of citizens suffering from mental disorders]. Semejnoe i zhilishchnoe pravo – Family and housing law. 2015, no. 3, pp. 4 - 16.
4. Ostanina E.A. Ogranichennaya deyesposobnost' libo nedeyesposobnost': popytka differentsirovannogo grazhdansko-pravovogo i grazhdansko-protsessual'nogo analiza [Limited legal capacity or incapacity: an attempt at differentiated civil law and civil procedural analysis]. Zakon – Law. 2022. No. 9. Pp. 27-40.
5. Ryabinin N.A., Kazantseva K.Yu. Sovershenstvovaniye zakonodatel'stva, reguliruyushchego pravovoy status litsa, ogranichennogo v deyesposobnosti [Improving the Legislation Governing the Legal Status of a Person with Partial Legal Capacity]. Sovremennoe pravo – Modern Law. 2017, no. 7, pp. 34-48.
6. Vavilin E. V., Rodionova O. M. Sovremennoye grazhdanskoye i semeynoye pravo: perspektivy razvitiya doktriny, zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noy praktiki [Modern Civil and Family Law: Prospects for the Development of Doctrine, Legislation and Law Enforcement Practice]. Moscow, 2024. 226 p.
7. Deryugina T.V. O vozniknovenii deliktного obyazatel'stva i ob usloviyakh vozmeshcheniya vreda [On the Emergence of a Tortious Obligation and the Conditions for Compensation for Damage]. Civilist – Civilist. 2024, no. 5, pp. 13-21.
8. Webers J.R. Pravosub'yektnost' grazhdan v grazhdanskom i semeynom prave [Legal capacity of citizens in civil and family law]. Riga, 1976. 232 p.
9. Yakovlev V.F. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii: razvitiye obshchikh polozheniy grazhdanskogo prava [Civil Code of the Russian Federation: development of general provisions of civil law]. Moscow, 2008. 165 p.
10. Illarionova T.I. Struktura grazhdanskoy pravosub'yektnosti [Structure of civil legal capacity]. Pravovye problemy grazhdanskoy pravosub'yektnosti – Legal problems of civil legal capacity. Sverdlovsk, 1978, 156 p.
11. Cherepakhin B.B. Trudy po grazhdanskomu pravu Ser. «Klassika rossiyskoy tsivilistiki» [Works on civil law Series "Classics of Russian civilistics"]. Moscow, 2001, 478 p.
12. Skorobogatova V.V. Pravosub'yektnost' grazhdan v rossiyskom grazhdanskom prave: avtoreferat. diss ... kand. yurid. nauk: 12.00.03 [Legal personality of citizens in Russian civil law: author's abstract. diss ... candidate of legal sciences: 12.00.03]. Yekaterinburg, 2010. 22 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Белозерцева Виктория Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074 г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Белозерцев Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории. Байкальский государственный университет. 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Belozertseva Victoria Vladimirovna, candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Head of the department civil law disciplines. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664074, Irkutsk, Lermontov st. 110.

Belozercev Sergey Mikhailovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History. Baikal State University. 664003 Irkutsk, Lenin st. 11.

Статья поступила в редакцию 27.05.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 24.07.2025.

The article was submitted 27.05.2025; approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 24.07.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3 (114). С. 50–57.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no.3 (114). Pp. 50–57.

Научная статья
УДК 342.5

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

ОЦЕНКА ТЕОРИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА В ТРУДАХ Г. Ф. ШЕРШЕНЕВИЧА (1863–1912): СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Егоров Александр Александрович

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Российская Федерация,
egorov.a90@mail.ru

Введение. В статье раскрываются вопросы, связанные как с анализом концептуальных моделей естественного права, так и с авторским подходом, изложенным в рамках политико-правовых воззрений классика дореволюционной школы юридического позитивизма Габриэля Феликсовича Шершеневича. На основе анализа подхода Г. Ф. Шершеневича по вопросу исторической эволюции и научной состоятельности теории естественного права показаны различные вариации соотношения нравственности и права в зависимости от соотношения естественного права и позитивного права. При этом формулируются выводы, позволяющие переосмыслить положения оценки теории естественного права на основе альтернативного прочтения положений доктрины юридического позитивизма.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили первоисточники в виде трудов самого Г. Ф. Шершеневича, а также научные труды, позволяющие проанализировать концептуальные особенности доктрины юридического позитивизма. В ходе исследования применен диалектический метод, использованы приёмы обобщения и группировки данных, а так же сравнительно-правовой, историко-правовой метод.

Результаты исследования позволили раскрыть процесс изменения и развития доктринальных подходов теории естественного права, выявить авторское понимание этого вопроса Г. Ф. Шершеневичем в контексте соотношения естественного и позитивного права и сформулировать современное прочтение тезисов юридического позитивизма с целью преодоления их теоретических и практических дискуссионных моментов.

Выводы и заключения. Проведенный анализ позволил уточнить исторически изменчивую природу естественного права, актуализировать понимание феномена соотношения естественного и позитивного права в контексте доктрины юридического позитивизма, а также оценить теоретическую и практическую значимость авторского подхода Г. Ф. Шершеневича.

Ключевые слова: право, государственная власть, юридический позитивизм, естественное право, нравственность.

Для цитирования: Егоров А. А. Оценка теории естественного права в трудах Г. Ф. Шершеневича (1863 – 1912): современное прочтение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114). С. 50–57.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

EVALUATION OF THE THEORY OF NATURAL LAW IN THE WORKS OF G.F. SHERSHENEVICH (1863–1912): A MODERN READING

Aleksandr A. Egorov

O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA), Moscow, Russian Federation,
egorov.a90@mail.ru

Introduction. The article reveals issues related both to the analysis of conceptual models of natural law and to the author's approach set out within the framework of the political and legal views of the classic of the pre-revolutionary school of legal positivism Gabriel Felixovich Shershenevich. Based on the analysis of G.F. Shershenevich's approach to the historical evolution and scientific validity of the theory of natural law, various variations of the ratio of morality and law depending on the ratio of natural law and positive law are shown. At the same time, conclusions are formulated that allow us to rethink the provisions of the assessment of the theory of natural law on the basis of an alternative reading of the provisions of the doctrine of legal positivism.

Materials and Methods. The research materials were primary sources in the form of the works of G.F. Shershenevich himself, as well as scientific works that allow analyzing the conceptual features of the doctrine of legal positivism. In the course of the study, the dialectical method was applied, methods of generalization and grouping of data were used, as well as a comparative legal, historical and legal method.

The Results of the Study made it possible to reveal the process of changing and developing doctrinal approaches to the theory of natural law, to identify the author's understanding of this issue by G.F. Shershenevich in the context of the relationship between natural and positive law and to formulate a modern reading of the theses of legal positivism in order to overcome their theoretical and practical controversial points.

Findings and Conclusions. The analysis made it possible to clarify the historically variable nature of natural law, to update the understanding of the phenomenon of the correlation of natural and positive law in the context of the doctrine of legal positivism, as well as to assess the theoretical and practical significance of the author's approach of G.F. Shershenevich.

Keywords: law, state power, legal positivism, natural law, morality.

For citation: Egorov A.A. Ocenka teorii estestvennogo prava v trudah G.F. Shershenevicha (1863 – 1912): sovremennoe prochtenie [Evaluation of the Theory of Natural Law in the Works of G.F. Shershenevich (1863-1912): modern reading]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 3 (114), pp. 50–57.

Современная Россия сегодня сталкивается с беспрецедентными политическими, государственными и правовыми вызовами, требующими правового реагирования. В таких конкретно-исторических условиях все большую актуальность обретает проблема формирования новой российской государственности на основе обращения к фундаментальным постулатам правоведения, существующим в форме отечественной правовой мысли. В. Д. Зорькин справедливо рассматривает историю правовой мысли в России в качестве важного социально-культурного явления, которое отличается самобытностью возникновения и развития, собственными идеологическими акцентами и степенью зарубежного влияния [1, с. 3]. Не следует думать, что доктринальные подходы к государственно-правовым явлениям имеют значение сугубо в контексте подготовки и защиты диссертационных исследований или издания юридической литературы. Важную роль играет такая фундаментальная область научного знания как «История политических и правовых учений», что обусловлено невозможностью изучения права вне рамок доктринальных подходов.

Более того, В. Д. Зорькин применительно к «Истории политических и правовых учений» не ограничивает ее значение изучением наследия классиков политико-правовой мысли. По его мнению, она позволяет осмыслить современную политико-правовую реальность, выступая в качестве способа существования современного политико-правового знания [2, с. 4 – 5]. Одним из наиболее устоявшихся вариантов понимания права на сегодняшний день выступает юридический позитивизм, который активно разрабатывался еще дореволюционными юристами и безраздельно господствовал в советской теории и практике применения права.

В самом общем виде право в контексте юридического позитивизма представляет собой общеобязательные, формально-определенные правила поведения, которые создаются или санкционируются государственной властью. Характеризуя специфику юридического позитивизма, И. Н. Грязин выделяет следующие черты: государство – это единственный субъект, создающий или санкционирующий право, что исключает существование любого «надпозитивного права»; правом считается исключительно те правила поведения, которые создаются или санкционируются государством; легальность права одновременно означает и его легитимность; государственная власть – это объективный факт, предшествующий праву [3, с. 42]. Перечисленные черты задают культурно-историческую, мировоззренческую и доктринальную парадигмы, в рамках которых праву придается сугубо инструментальная ценность. Классическим

дореволюционным представителем этого типа понимания права в нашей стране был Габриэль Феликсович Шершеневич (1863–1912). В рамках его политико-правовой доктрины представлен оригинальный подход к оценке теории естественного права. Следует начать с его авторского понимания понятия права.

Г. Ф. Шершеневич отмечает: «Право есть такая норма (правило) поведения, соблюдение которого поддерживается угрозой страдания, причиняемого государственной властью нарушителю» [4, с. 130]. Осмысление этой доктринальной дефиниции позволяет вывести такие черты права, как общеобязательность, формальная определенность и принудительность. Более того, напрашивается вывод, что автор отождествляет право с нормой права. С. А. Пяткина квалифицирует этот постулат как характерную особенность юридического позитивизма [5, с. 119]. Одним из краеугольных камней всей доктрины юридического позитивизма выступает скептическое восприятие теории естественного права.

Сразу следует отметить, что шаблонное и сугубо схематичное восприятие феномена естественного права как какого-то вечного, наиболее разумного и неизменного права, существующего независимо от государства, не соответствует истории развития правовой мысли. Аналогичным образом понимание естественного права не сводится сугубо к естественным и неотчуждаемым правам человека. Естественное право – это очень древняя категория, имеющая множество онтологических, гносеологических и аксиологических подтекстов.

Так уже в рамках догосударственного периода естественное право отождествлялось с нормами обычного права, которые, несмотря на неписаный характер, достаточно четко регламентировали различные стороны жизни первобытной общины: разделение труда, брачно-семейные отношения, ведение охоты и т. п. Подобное понимание естественного права носило сугубо утилитарный характер. В контексте рабовладельческого общества естественное право служило инструментом легализации деления общества на свободных и рабов. Классик античной политико-правовой мысли Аристотель считал рабство естественным и неизбежным социальным явлением. В контексте правовой парадигмы средневекового общества естественным правом признавались лишь те неписанные правила поведения, которые не противоречили религиозным догматам. В XVII веке в трудах Т. Гоббса и Д. Локка зарождается понимание естественного права как естественных и неотчуждаемых прав человека. Как мы видим, трактовка теории естественного права определяется конкретно-историческими реалиями той или иной эпохи. Здесь интересна основанная на идее изменчивости права критическая оценка Г. Ф. Шершеневичем естественно-правовой теории.

Признавая нравственность и право социальными нормами, имеющими исторически изменчивое содержание, Г. Ф. Шершеневич отмечает, что правовое регулирование одного и того же вопроса может принципиально отличаться в различных обществах. Например, попытка установить республику в монархическом обществе законодательно квалифицируется как государственное преступление. В свою очередь уже попытка возродить монархию в республиканском обществе наказывается как государственное преступление. В одном обществе женщина не может совершить ни одну юридически значимую сделку без согласия мужа, а в другом обществе – она полностью самостоятельна [6, с. 69]. На основе этих рассуждений он приходит к

выводу о невозможности существования неизменного и не зависящего от условий времени и места естественного права [6, с. 69]. Очевидно, что Г. Ф. Шершеневич, находясь под воздействием доктрины нормативизма, строит свои, на первый взгляд, безупречные рассуждения в контексте отождествления права и закона. Как справедливо отмечает С. А. Пяткина, главной особенностью такого склада мышления является исследование «позитивного права как конкретно действующего права в конкретных государствах» [7, с. 6]. По сути дела, в представленной выше позиции анализируется не вопрос изменчивости естественного права, а отличия законодательного регулирования правового поведения в различных обществах. Констатация того, что границы законодательного признания противоправности очень подвижны и различаются в отдельных странах, не тождественно изменчивости естественного права. Представляется, что ошибочно строить аргументы отрицания естественного права на основе обращения к отличиям законодательного регулирования того или иного вида юридически значимого поведения в различных странах. Законодательство – это прежде всего инструмент проведения государственной политики, а само по себе позитивное право не всегда совпадает с постулатами естественного права.

Г. Ф. Шершеневич отмечает, что в XVIII веке основанный на исторических началах государственный и правовой строй уже не соответствовал уровню общественного развития, что требовало преобразование права на «началах разума». По его мнению, постулаты теории естественного права стали формой выражения протеста против исторического порядка, сторонники которого оправдывали злоупотребления официальной власти соображениями «неприкосновенности старины». Для слома этой традиции школа естественного права должна была сформулировать универсальные идеи, которые одобрялись бы любым обществом, – и она сослалась на «разумную природу» [8, с. 478]. Рассматривая постулаты школы естественного права как исторически прогрессивные, Г. Ф. Шершеневич главным их заблуждением считал полное игнорирование «сил, воздействующих на волю человека в его правовом творчестве» [8, с. 477]. Г. Ф. Шершеневич пишет: «Очевидно, что право находится в связи с условиями, его порождающими. А так как условия эти не одинаковы, а в крайнем случае только похожи, то ясно, что естественного права с неизменным содержанием быть не может» [6, с. 87]. Речь идет о том, что представители школы естественного права отрицали тот универсальный исторический факт, что на волю законодателя способны воздействовать различные обстоятельства, так как законодатель создает право не на универсальных началах разума, а в контексте конкретно-исторических условий своей деятельности.

В приведенной аргументации вновь четко прослеживается характерное для юридического позитивизма ограничительное понимание права, которое квалифицировалось исключительно как директива государственной власти, выраженная в виде закона или подзаконного акта. В контексте этой позиции речь идет о конкретно-исторической обусловленности содержания законодательства. Недопустимо приравнивать право к закону, так как закон является формой (источником) права. Выделяя заблуждения школы естественного права, Г. Ф. Шершеневич не отрицал естественное право как таковое. Это наблюдается в вопросе соотношения нравственности и права.

По мнению Г.Ф. Шершеневича, нормы нравственности создаются не отдельным индивидом, а всем социумом в общих интересах, а не в интересах отдельного индивида [6, с. 63]. В этом контексте опосредованно можно предположить, что неписанные нормы естественного права в форме нравственности предшествовали законодательству государства и имели универсальную природу в силу их общественного одобрения. Одновременно, рассуждая об исторической изменчивости восприятия нравственного и безнравственного поведения, он акцентирует внимание на том, что только общество может установить правила нравственного поведения, а общественная оценка зависит от всей совокупности конкретно-исторических условий жизни социума. При изменении условий происходит и изменение оценки [6, с. 62–63]. Как известно, в среде североамериканских дикарей статус человека определялся количеством убитых им врагов, а нравственный долг детей новокаледонцев обязывал их избавиться от престарелых родителей. Представляется, что Г. Ф. Шершеневич рассуждает об исторической изменчивости естественного права. Очевидно, что он признавал исторически изменчивым не только законодательство государства, но и представления людей о наиболее справедливом, неписаном праве. Эта позиция полностью согласуется с известной сегодня исторически изменчивой природе доктрины естественного права.

Г. Ф. Шершеневич отмечал, что поведение может считаться нравственным лишь в том случае, если оно является полезным для общества [6, с. 65]. Таким образом, не только законодательство государства определяется конкретно-историческими условиями, но и представления людей о справедливом естественном праве аналогичным образом исторически изменчивы.

Признавая санкцию неотъемлемым элементом любой социальной нормы, Г. Ф. Шершеневич рассуждает о трансформации социальных регуляторов. Он пишет: «Если нравственной норме, охраняемой общественным мнением, придается юридическая санкция, то норма, не переставая быть этической, становится в то же время и юридической <...> Наоборот, когда у правовой нормы, охраняемой организованным принуждением, отнимается последнее условие, то она превращается в нравственную...» [9, с. 70]. В контексте нормативизма речь идет о том, что нормы естественного права, признаваемые и легализуемые государственной властью, сохраняя свою изначально нравственную природу, становятся одновременно и юридическими. В свою очередь уже неоднократно упомянутая историческая изменчивость норм законодательства определяется тем, что, например, декриминализация отдельных деяний трансформирует эти законодательные нормы в нормы нравственности, т.е. неписанные нормы естественного права.

Признавая право продуктом государственной власти, т.е. абсолютизируя его инструментальную роль, Г. Ф. Шершеневич, тем не менее, не абсолютизирует возможности государственной власти. Он пишет: «Не следует думать, что государство могло заставить гражданина силою выполнить то именно, что составляет содержание установленных законом норм. Если я не хочу исполнить договора, то нет силы в мире, которая могла бы меня принудить действовать вопреки моей воле» [10, с. 15]. Следовательно, нормы права как создаваемые или санкционируемые государством формально-определенные, общеобязательные и принудительные правила поведения имеют границы правового воздействия на отдельного гражданина. В этом контексте становится очевидно, что Г. Ф. Шершеневич не отрицал теорию естественного права.

Он признавал ее в том виде, в каком она находила свое выражение в законах и подзаконных актах государства согласно конкретно-историческим особенностям определенного общества.

Выводы:

- изучение правовых доктрин прошлого имеет не только теоретическое, но и вполне прикладное значение;
- общие черты доктрины юридического позитивизма позволяют заключить, что правом признается лишь законодательно оформленная воля государства, носящая общеобязательный и принудительный характер;
- сущностной особенностью юридического позитивизма следует признать отождествление права и нормы права, что при современном прочтении можно охарактеризовать трояко: право тождественно не только норме права, но и норме законодательства;
- в определении понятия права Г. Ф. Шершеневича опосредованно усматриваются такие признаки права как общеобязательность, формальная определенность и принудительность;
- отождествляя право и закон, Г. Ф. Шершеневич выстраивает аргументы отрицания теории естественного права на основе апеллирования к различным способам законодательного регулирования юридически значимого поведения в различных странах;
- признавая исторически прогрессивное значение основанного на «началах разума» естественного права, Г.Ф. Шершеневич упрекал сторонников этой школы в недостаточном внимании к общественно-политическим реалиям, под воздействием которых находится любой законодатель;
- недопустимость отрицания естественного права как такового четко прослеживается в вопросе соотношения нравственности и права;
- Г. Ф. Шершеневич признавал возможность перехода норм позитивного и естественного права друг в друга на основе легализации этических норм или декриминализации того или иного правового поведения;
- признавая государство монопольным субъектом, создающим или санкционирующим право, Г. Ф. Шершеневич был убежден в том, что правовое регулирование и государственное принуждение имеют свои пределы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зорькин, В. Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. 269 с.
2. Зорькин, В. Д. Позитивистская теория права в России: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1976. 38 с.
3. Грязин, И. Н. Текст права (опыт методологического анализа конкурирующих теорий). Таллин, 1983. 187 с.
4. Шершеневич, Г.Ф. Социология: лекции. М., 1910. 200 с.
5. Пяткина, С.А. О правовой теории русского юридического позитивизма // Правоведение. 1964. № 4. С. 116 – 120.
6. Общее учение о праве и государстве: лекции Г.Ф. Шершеневича. М., 1908. 163 с.
7. Пяткина, С.А. Русская буржуазная правовая идеология: учебное пособие. М., 1980. 86 с.

8. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права. М., 1910 – 1912. 814 с.
9. Шершеневич, Г.Ф. Определение понятия о праве. Казань, 1896. 83 с.
10. Шершеневич, Г.Ф. О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. Воронеж, 2018. 36 с.

REFERENCES

1. Zor`kin V.D. Pozitivistskaya teoriya prava v Rossii [The Positivist theory of law in Russia]. Moscow, 1978, 269 p.
2. Zor`kin V.D. Pozitivistskaya teoriya prava v Rossii [The Positivist theory of law in Russia]: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk. Moscow, 1976, 38 p.
3. Gryazin I.N. Tekst prava [The text of the law]: opy`t metodologicheskogo analiza konkuriruyushhix teorii. Tallinn. 1983, 187 p.
4. Shershenevich G.F. Sociologiya [Sociology]: lekcii. Moscow, 1910, 200 p.
5. Pyatkina S.A. O pravovoj teorii russkogo yuridicheskogo pozitivizma [On the legal theory of Russian legal positivism]. Pravovedenie – Law studies. 1964, no. 4, pp. 116 – 120.
6. Obshhee uchenie o prave i gosudarstve [The general doctrine of law and the state]: lekcii G.F. Shershenevicha. Moscow, 1908, 163 p.
7. Pyatkina S.A. Russkaya burzhuaznaya pravovaya ideologiya [Russian bourgeois legal ideology]: uchebnoe posobie. Moscow, 1980, 86 p.
8. Shershenevich G.F. Obshhaya teoriya prava [General theory of law]. Moscow, 1910 – 1912, 814 p.
9. Shershenevich G.F. Opredelenie ponyatiya o prave [Definition of the concept of law]. Kazan, 1896, 83 p.
10. Shershenevich G.F. O chuvstve zakonnosti [About the sense of legality]: publichnaya lekcija, chitannaya 10 marta 1897 g. Voronezh, 2018, 36 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права. Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egorov Alexander Alexandrovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law. Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya St. 9

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 20.06.2025; принята к публикации 18.07.2025.

The article was submitted 19.05.2025; approved after reviewing 20.06.2025; accepted for publication 18.07.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3 (114). С. 58–75.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
no.3 (114). Pp. 58–75.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 340.1

ПРЕВЫШЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII СТОЛЕТИЯ

Сысоев Алексей Александрович

Восточно-Сибирский институт, Иркутск, Российская Федерация, daosss1972@yandex.ru

Введение. В современных условиях закономерно усилилось внимание к проблемам противодействия преступлениям, совершаемым должностными лицами с использованием служебного положения. Ключевое значение приобретает исторический опыт. Не случайно на протяжении последнего десятилетия заметно активизировалось изучение проявлений различных видов противоправных деяний и способов противодействия им. Объектом исследования являются причины и факторы, обуславливавшие распространение на территории Восточной Сибири должностной преступности как самостоятельной группы противоправных деяний, предметом – сопутствующие этому процессу факторы и условия. Цель исследования заключается в определении причин, содержания, тенденций и закономерностей распространения различных форм противоправных деяний, осуществляемых царскими наместниками – воеводами и чиновниками новой формации – губернаторами в процессе их служебной деятельности.

Материалы и методы. В работе использован метод исторического материализма, а также методологический инструментарий сравнительно-правового исследования, анализ, синтез, дедукция и индукция.

Результаты исследования. В работе определены причины, содержание, тенденции и закономерности распространения различных форм должностной преступности на территории Восточной Сибири во второй половине XVIII столетия.

Выводы и заключения. Значительная удаленность от центра принятия решений, близость границ Китая, существенные запасы пушнины и бесправность инородческого населения, интегрированные традициями кормления, предопределили особые черты противоправной деятельности сибирского чиновничества. Отсутствие эффективной системы контроля за деятельностью сибирского чиновничества только

усугубляло сложившуюся ситуацию. Без изменения условий, способствовавших распространению должностной преступности, и создания системы юридических ограничений и запретов вышеперечисленные способы не давали должного эффекта. Противоправная деятельность губернских чиновников в Восточной Сибири, когда их решения и поступки, связанные с выполнением служебных обязанностей, явно выходили за пределы установленных полномочий и нарушали существовавшие узаконения, получила повсеместное распространение и оказывала существенное воздействие на эффективность местного администрирования.

Ключевые слова: должностное преступление, превышение полномочий, противоправные деяния, злоупотребления, наместник, чиновник, администрация.

Для цитирования: Сысоев А. А. Превышение полномочий как проявление должностной преступности на территории Восточной Сибири во второй половине XVIII столетия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114). С. 58–75.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

ABUSE OF AUTHORITY AS A MANIFESTATION OF OFFICIAL CRIME IN THE TERRITORY OF EASTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY

Alexey A. Sysoev

East Siberian Institute, Irkutsk, Russian Federation, daosss1972@yandex.ru

Introduction: In modern conditions, attention has naturally increased to the problems of countering crimes committed by officials using their official position. Historical experience is gaining key importance. It is no coincidence that over the past decade, the study of manifestations of various types of illegal acts and ways to counteract them has noticeably intensified. The object of the study is the causes and factors that caused the spread of official crime in the territory of Eastern Siberia as an independent group of illegal acts, the subject is the factors and conditions accompanying this process. The purpose of the study is to determine the causes, content, trends and patterns of the spread of various forms of illegal acts carried out by royal governors - voivodes and officials of the new formation – governors in the course of their official activities..

Methods and Materials: The paper uses the method of historical materialism, as well as methodological tools of comparative legal research, analysis, synthesis, deduction and induction.

The Results of the Study: The paper identifies the causes, content, trends and patterns of the spread of various forms of official crime in Eastern Siberia in the second half of the XVIII century.

Findings and Conclusions: The significant distance from the decision-making center, the proximity of China's borders, significant reserves of furs and the disenfranchisement of the foreign population, integrated by feeding traditions, predetermined the special features of the illegal activities of the Siberian bureaucracy. The lack of an effective system of control over the activities of the Siberian bureaucracy only aggravated the current situation. Without changing the conditions that contributed to the spread of official crime, and creating a system of legal restrictions and prohibitions, the above methods did not have the desired effect. The illegal activities of provincial officials in Eastern Siberia, when their decisions and actions related to the performance of official duties clearly went beyond the established powers and violated existing laws, became widespread and had a significant impact on the effectiveness of local administration.

Keywords: official crime, abuse of authority, illegal acts, abuse, governor, official, administration.

For citation: Sysoev A.A. Abuse of authority as a manifestation of official crime in the territory of Eastern Siberia in the second half of the XVIII century. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 3 (114), pp. 58–75.

По мнению видного криминалиста досоветского времени Валериана Николаевича Ширяева, «преступные деяния должностных лиц занимали особое исключительное положение». Ученый утверждал, что в отличие от проявлений общей преступности, «способной вызвать и породить общественную тревогу, развитие и умножение должностных преступлений может быть рассматриваемо, как общественное бедствие» [1, с. 1].

Принято считать, что впервые термин «превышение власти» в отечественном праве был применен в 1811 г. и касался главным образом высших чиновников империи – министров¹. Спустя двадцать лет, благодаря принятию закона «О преступлениях чиновников по службе» в 1832 г., это понятие распространилось на всех, кто состоял на государственной службе².

Между тем, противоправная деятельность царских чиновников, когда их решения и поступки, связанные с выполнением служебных обязанностей, явно выходили за пределы установленных полномочий и нарушали существовавшие узаконения, имела достаточно продолжительную практику еще до XIX столетия.

Проявлявшееся изначально как сопутствующий фактор при незаконном обогащении за счет службы – лихоимстве, в дальнейшем превышение властных полномочий получило свое многоплановое развитие уже в качестве обособленного деяния и, помимо корыстных устремлений, могло сопровождаться физическим насилием, изменой государственным интересам, либо политическим авантюризмом.

В Сибири, благодаря значительной удаленности от центральных областей Московского государства, должностная преступность изначально имела свои

¹ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. – СПб., 1830. – Т. 31. – С. 709.

² Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. – [Издание 2-е]. – СПб., 1833. – Т. 15. – С. 93.

особенные черты. Близость границ Китая, существенные запасы пушнины, бесправность инородческого населения, традиции кормления, интегрированные полным отсутствием контроля, практически сразу предопределили в качестве главного инструмента наживы должностные полномочия царских наместников.

С особой остротой это обстоятельство, по мнению отечественных исследователей, проявилось в конце XVII–начале XVIII столетий, в период, когда во всем государстве «произошло увеличение неисполнения чиновниками норм, установленных законами, царскими указами» [2, с. 8].

К этому времени в Восточной Сибири противоправные действия царских наместников, воевод, приобрели всеобъемлющий характер, а их последствия зачастую приводили к народным волнениям и вооруженному противодействию на местах со стороны ясачного и податного населения. При этом единственным органом дознания и контроля за действиями царских наместников являлись воеводы, приезжавшие на смену своим предшественникам. Таким образом, как сообщает отечественный историк-археограф Николай Николаевич Оглоблин, почти все сибирские воеводы XVII столетия «не миновали участи своих предшественников и в свое время подверглись сыску» [3, с. 183].

Показательными в этой связи являлись события 1695-1698 г. в Красноярске. Получившие впоследствии название «Красноярская шатость» волнения посадского населения и казаков оказались прямым следствием многочисленных злоупотреблений воевод Алексея и Мирона Башковских. При этом немаловажным и фактически подстегнувшим беспорядки оказалось бездействие нового воеводы стольника Семена Ивановича Дурново, назначенного для проведения сыска. Тогда единственным выходом для посадского населения стало смещение красноярских воевод при помощи вооруженной силы [4, с. 46].

Прекрасно иллюстрировали систему злоупотреблений властными полномочиями, по мнению Натальи Дмитриевны Зольниковой, противоправные действия царских наместников в Якутске [5, с. 186]. Последние в погоне за наживой не только беспринципно попирали полномочия сыщиков Сибирского приказа, но и явно игнорировали указания из центра, в результате чего направленный в 1690 г. «разведать, от чего ясачный сбор умалился, и про воевоцкие неправые дела» тобольский дворянин Федор Родионович Качанов оказался пленником якутского воеводы стольника князя Ивана Михайловича Гагарина.

В своем исследовании Н. Д. Зольникова указывает, что, несмотря на грамоту из Сибирского приказа о «вспоможении» во всех делах, сыщик был изолирован на собственном дворе с приставлением караула. При этом по указанию воеводы Гагарина всем жителям Якутска под страхом смертной казни запрещалось передавать Ф. Р. Качанову и его людям продовольствие и воду. Не удовлетворившись фактическим арестом и полной изоляцией царского сыщика, воевода сам без традиционной для этого действия санкции в виде «государева указа» начал против него свой сыск. Получив же государеву грамоту с приказом отпустить Ф. Р. Качанова в Москву с предоставлением дощатника и припасов, воевода не только ее проигнорировал, но и организовал

вооруженное нападение. Приобретённое сыщиком на собственные средства судно было изрублено и сброшено в реку [5, с. 192].

Подобные действия сибирской администрации, сопровождавшиеся явным превышением полномочий, получали значительный резонанс и воспринимались центральными властями как наиболее опасные деяния, несущие значительные материальные потери и угрожающие основам управления на окраинах государства. Однако в условиях, когда дознание о неправомерных поступках царских наместников проводилось их сменщиками – вновь прибывшими воеводами, или отдельными сыщиками, действовавшими автономно и без должной поддержки, решить проблему превышения властных полномочий не представлялось возможным.

Очередной попыткой разрешения противоречий в системе управления восточными окраинами стала организация всесибирского розыска. Для подробного расследования причин «Красноярской шатости», проведения дознания об иных противоправных деяниях Сибирским приказом был организован «Большой сыск думного дьяка Данилы Леонтьевича Полянского и дьяка Данилы Берестова о злоупотреблениях сибирских воевод».

По сведениям Н. Н. Оглоблина, сыск проводился в период с 1696 по 1702 г. Автор утверждал, что сыск по своей организации и размаху «имел характер сенаторских ревизий позднего времени». Широту властных полномочий Полянского и Берестова демонстрировало их право «пытать по уликам с очных ставок не только воеводских людей и ясачных сборщиков, но и самих воевод» [6, с. 180]. За разные «неисправы» последние подлежали ссылке в отдаленные сибирские города с конфискацией имущества. В исключительных случаях, когда розыск выявлял вину царского наместника в грабеже ясачного населения и «измене», сыщиком давалось право «казнить самих воевод, не отписываясь о том даже в Москву» [7, с. 169].

Правительство, утверждал Н. Н. Оглоблин, придавало большое значение этому розыску и всячески ему содействовало. О значении экспедиции сыщиков в Сибирь свидетельствует внимание к ней Петра I. В личном письме Полянскому от 4 марта 1696 г. царь указывал: «для чего он, Данила, послан – помнить, и души своей и головы не потерять» [6, с. 188].

Итогом расследования Д. Л. Полянского и Д. Берестова стало 16 сыскных дел о противоправных действиях царских наместников и... значительное количество челобитных на самих сыщиков. В результате вместо завершения «Большого сыска о злоупотреблениях сибирских воевод» было заведено следствие уже против самих сыщиков, и для дальнейших разбирательств их отозвали в Москву.

По мнению одних исследователей, недовольство действиями сыщиков объяснялось их энергичной деятельностью, «вызвавшей страшную ненависть со стороны сибирских служилых людей, выразившуюся наконец в том, что на них самих посыпались обвинения в разных злоупотреблениях» [6, с. 190]. По мнению других причиной опалы Д. Л. Полянского стала «неспособность справиться с Красноярским восстанием» [5, с. 212]. Третьи полагают, что «принимая потоки челобитных на воевод, дьяк проявлял колебания или откровенно покрывал «неправды» и должностные преступления сибирских правителей» [8, с. 28].

При этом очевидно и то, что даже специально организованный «Большой сыск» не принес ожидаемых результатов. Исключить или хотя бы минимизировать преступные действия царских наместников и подведомственных им чинов в Сибири имеющимися в распоряжении правительства средствами не представлялось возможным. Введение различных имущественных запретов, уменьшение сроков службы и попытки более пристального контроля за деятельностью воевод не приносили желаемых результатов. Огромные расстояния от центра принятия решений и значительное время на их воплощение обеспечивали сибирским воеводам полную автономность и в известной степени являлись иммунитетом от преследования последних за проступки по службе.

Не оказали должного влияния на сложившуюся ситуацию и административные преобразования Петра I. Жесткая централизация властных структур и последовавшее за этим введение института генерал-губернаторства на окраинных землях только усугубили положение. По мнению Михаила Олеговича Акишина, бюрократизация управления вкупе с созданием губерний привели к тому, что «в Сибири очень быстро сформировалась организация казнокрадов и взяточников, которая полностью соответствовала иерархии официального местного управления» [9, с. 6]. Таким образом, сибирские губернаторы, изначально являющиеся доверенными лицами царя, в силу действовавших порядков получили возможность к безграничному личному обогащению.

В этом отношении дело первого Сибирского губернатора князя Матвея Петровича Гагарина оказалось не только одним из самых громких разоблачений петровской эпохи, но и воочию продемонстрировало все многообразие и масштабы противоправной деятельности царских чиновников, выполнявших свои служебные обязанности на Востоке страны. Только официально установленная в ходе следствия сумма ущерба казне от противоправной деятельности первого Сибирского губернатора составила 305554 руб. [10, с. 180]. Кроме того, ассессором следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова гвардии майором И. М. Лихаревым были выявлены 35 фактов злоупотреблений властными полномочиями [11, с. 27].

Благодаря своему положению, М. П. Гагарин контролировал все назначения на должности воевод, обер-комендантов, комендантов, и, по сведениям современного исследователя Гергилева Д. Н., при «отборе верных ему чиновников вступал в противоречие с законодательством Петра I». В этой связи автор отмечает, что «выбирая среди претендентов на должности воевод и комендантов М. П. Гагарин стремился окружать себя родственниками и старыми «знакомцами» [12, с. 119].

Манипулируя назначениями на «хлебные» должности, губернатор сумел добиться не только полной лояльности подведомственных чиновников, но и фактически узурпировал торговлю с Китаем. В связи с чем фискалы докладывали царю: «Гагарин допускает к Китайскому торгу только своих приятелей, вместе с которыми получает превеликое богатство» [13, с. 80]. Таким образом, логическим последствием «должностного кумовства» оказалось не только причинение экономического ущерба государству, но и использование дипломатических отношений с Китаем в частных интересах [14, с. 365].

Помимо торговых махинаций, первого Сибирского губернатора обвиняли в незаконных поборах с крестьян, расходовании казны на личные нужды, во взятках за предоставление права сбора податей с винной и пивной продажи, в вымогательстве подношений с купцов. При этом, наряду со стремлением к незаконному обогащению, выделялись проступки, напрямую связанные с превышением властных полномочий. В частности, М. П. Гагарину инкриминировали нарушение государственной монополии по производству пороха и самовольное формирование особого полка, состоящего из плененных шведов. Один из них – Филипп Иоганн Страленберг впоследствии свидетельствовал о явных сепаратистских устремлениях князя [14, с. 350].

Финальной каплей, инициировавшей повторное расследование в отношении деятельности М. П. Гагарина на губернаторском посту, оказалась авантюра с поисками месторождения золота в Эркете. Последнее послужило поводом к особому вниманию за ходом дознания со стороны Петра I. В результате чего 13 марта 1721 г. на суде сенаторов М. П. Гагарину инкриминировали девять эпизодов преступной деятельности [15, с. 57].

Немаловажную роль в расследовании дела М. П. Гагарина сыграли особые органы – фискальская служба и «майорские» канцелярии, являвшиеся, по мнению Д. О. Серова, принципиально важными сегментами отечественного государственного аппарата [16, с. 100]. Выполняя функции органов надзора и предварительного расследования в начале XVIII столетия, они приняли на себя основную тяжесть борьбы с должностными преступлениями петровской эпохи. При этом многочисленные попытки уголовного преследования высших чиновников оказались фактически безрезультатными [15, с. 53]. Наказание за преступления понесли лишь единицы. Эпизод с разоблачением первого Сибирского губернатора М. П. Гагарина являлся скорее исключением из правил.

По мнению отечественных исследователей, одной из причин этого парадокса являлась объективная неспособность существовавшей судебной системы обеспечить надлежащее рассмотрение заводимых дел [16, с. 251]. В результате жесткие требования царских указов о том, чтобы «нарушителей государственных прав и своей должности казнить смертию натуральной и всего имения лишить»³ не оказали должного воздействия на созданный в ходе административной реформы бюрократический аппарат. Государственные чиновники не только сумели избежать строгого контроля за своей деятельностью, но и в полной мере унаследовали от царских наместников традиции кормления. Главными особенностями сибирского управления в это время по-прежнему оставались крайняя удаленность от центра и особые полномочия местных бюрократов, предоставлявшие последним практически безграничную власть.

В таких условиях Сибирь, по мнению одного из лидеров областнического движения Петра Михайловича Головачева, оказалась «в наиболее безотрадном положении». Произвол, утверждал автор, «увеличивался прямо пропорционально расстоянию различных многочисленных частей русской земли от местопребывания высшей власти» [17, с. 6].

³ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. – СПб., 1830. – Т. 7. – С. 251.

Неудивительно, что даже показательный процесс над М. П. Гагариным не оказал должного воздействия на представителей сибирской администрации. Указывая на это обстоятельство в своем личном послании Петру I в октябре 1723 г., генерал-лейтенант В. И. де Геннин, сообщал, что в «здешних Сибирских состояниях, и так видна злая пакость, крестьянам бедным разорение от судей, и в городах, которые посланы от Камерирств и земских управителей и в слободах зело тягостно и без охранения; а купечество и весьма разорилось» [18, с. 128].

К рассматриваемому времени наиболее сложная ситуация складывалась в Восточной Сибири, где своеволие царских чиновников приобретало предельно гипертрофированные формы. Здесь использование должностных полномочий в преступных целях являлось характерной чертой деятельности не только местных администраторов, но и тех, кто по роду службы был обязан их контролировать – ревизоров и следователей.

На фактическое отсутствие надзора за действиями сибирского чиновничества указывал Н. М. Ядринцев. Автор утверждал, что «развитие злоупотреблений являлось следствием настолько же громадной власти, сосредоточенной в одних руках, насколько и полной бесконтрольности». В связи с чем, по его мнению, «правители, пока жили в Сибири, не боялись никого и ничего» [19, с. 473]. В значительной степени этому фактору способствовали многочисленные злоупотребления со стороны специальных следователей – доверенных лиц, уполномоченных правительством для контроля и надзора за деятельностью чиновников.

Система специальных поручений, основанная на использовании облеченных особым доверием и широкими полномочиями следователей, как основной инструмент контроля за царскими чиновниками, применялась на протяжении практически всего XVIII столетия. По сведениям Юрия Владимировича Готье, эта система не только пережила Петра I и оказалась гораздо прочнее, нежели созданные им фискалитет и «майорские» канцелярии, но и в конечном итоге стала одним из самых распространенных способов правительственного воздействия [20, с. 104].

Как правило, задачи следственных комиссий и полномочия следователей определялись указами или персональными инструкциями. В некоторых случаях, особенно в Сибири, следователи получали право по своему усмотрению применять пытки. Кроме того, следователь мог отстранить подозреваемого чиновника от должности и сам исполнять его обязанности. «Можно сказать, – отмечал по этому поводу Ю. В. Готье, – полномочия следователей делали из них сверхвластителей в провинции, права, которые они получали над областной администрацией, делали их диктаторами над целой губернией» [20, с. 120].

Именно таким беспощадным диктатором запомнился сибирякам следователь коллежский асессор Петр Никифорович Крылов, прибывший в Иркутск 8 июля 1758 г. для расследования злоупотреблений с питейными сборами и проведения ревизии предприятий винокурения [21, с. 77].

В действительности Крылов являлся доверенным лицом обер-прокурора правительствующего сената Александра Ивановича Глебова и фактически представлял в Иркутской провинции его коммерческие интересы по производству и сбыту

алкогольных напитков. Таким образом, уже изначально следователь Крылов был ориентирован не на объективное расследование имеющихся нарушений, а на фактический захват всего винокуренного производства Иркутской провинции и жестокую расправу с теми, кто мог этому помешать.

К указанному времени прибыльные и практически безотходные предприятия по винокурению находились в ведении дворянства. Сенатский указ «О допущении к подрядам на поставку вина на одних помещиков, и о возбранении курить вино другого звания людям» ввел с 19 июля 1754 г. запрет на участие в алкогольном производстве для представителей иных сословий⁴. Последовавший за ним указ от 15 января 1756 г. и вовсе потребовал уничтожить «все имеющиеся в ведомстве Воеводских канцелярий, Магистратов и Ратуш казенные и купеческие заводы» и окончательно закрепил права на винокурение только за дворянством⁵.

В Иркутской провинции введенные санкции в большей степени ударили по купеческому сословию, успешно занимавшемуся винокурением с 1727 г [22, с. 216]. Этим фактором и объяснялось нежелание местных купцов уступать доходные предприятия откупщикам генерал-прокурора А.И. Глебова. Последний, используя свое положение в сенате, получил эксклюзивные права на поставку вина в Иркутской провинции и предпринимал все возможное для их реализации.

В 1756 г. Иркутск посетил поверенный Глебова Андрей Евреинов с требованием передачи всех винокуренных предприятий в ведение своего нанимателя. Однако явное нежелание иркутского купечества терять прибыльные предприятия было поддержано вице-губернатором Иваном Петровичем Вульфом и А. Евреину ответил отказом. В ответ Глебов предоставил сенату донесение «о злоупотреблениях, делаемых по выкурке вина иркутской провинциальной канцелярией, городовым магистратом, корчемной конторой и иркутским купечеством» и инициировал следствие «по случаю не сдачи винокуренных заводов» [23, с. 187].

Следственная комиссия, сформированная для проведения дознания о нарушении правил винокурения, состояла из следователя, секретаря, двух канцеляристов и четырех писцов. Полномочия комиссии и ее задачи оговаривались отдельным сенатским указом от 30 января 1758 г.

Предписание метрополии «о том, чтоб, как оный Магистрат, так и Иркутская канцелярия по присылаемым от того следствия указам и по другим письменным требованиям немедленно исполнение чинил» следователь Крылов предоставил местной администрации уже на следующий день после своего приезда в Иркутск [21, с. 188]. Таким образом, для проведения дознания в Иркутской провинции следователь получал практически неограниченные полномочия. Позже, на основании данного указа Крылов истребовал и вооруженную поддержку. По одним источникам в виде 25 солдат с одним унтер-офицером [23, с. 188], по другим – 77 солдат с тремя унтер-офицерами из Селенгинска [24, с. 655].

Методы, практиковавшиеся в ходе дознания, наиболее подробно описал Петр Ильич Пежемский. По сведениям иркутского летописца, представший изначально

⁴ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. – СПб., 1830. – Т. 6. – С. 183.

⁵ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. – СПб., 1830. – Т. 6. – С. 502.

перед обывателями, как «честный и благонамеренный чиновник, все поступки которого обнаруживали добрую душу», Крылов на протяжении нескольких месяцев скрупулёзно собирал сведения о наиболее состоятельных иркутянах. «Всем умел делать удовольствие, а через все это узнавал из-под руки: кто как живет, кто богат, кто беден», – отмечали очевидцы тех событий.

Первые месяцы своего пребывания в Иркутске следователь демонстрировал полнейшее безразличие к производству и сбыту хлебного вина. Местные хроники, отразившие особенности работы следственной комиссии в этот период, фиксировали, что «содержатели каштаков (места винокурения – авт.) курили вино, продавали и все шло обычным порядком» [21, с. 83].

Между тем, спустя некоторое время, методы работы столичного дознавателя, так же, как и его отношение к окружающим разительно изменились. Иркутяне отмечали, что «Крылов вдруг переменялся в характере, вдавался в разные дерзости, жестокости, особенно к купечеству, занимавшемуся содержанием винокуренных заведений» [21, с. 78].

Начало активных следственных действий ознаменовали закупка и последующее изъятие бочки с вином в Карлукском каштаке. Крылов истребовал и опечатал все материалы, касающиеся питейных сборов за 30 лет. На основании проверки ведомостей питейных сборов за период с 1728 по 1758 г. и сопоставления сведений из городского магистрата и провинциальной канцелярии он объявил о выявленных фактах фальсификации данных по продажам вина и, как следствие, обвинил местные власти в значительных хищениях казенных денег. Объявленные следствием убытки казне, по сведениям С. С. Шашкова, составили астрономическую сумму в 829000 руб., вследствие чего Крылов распорядился не выпускать из города ни одного купца [24, с. 656].

По распоряжению Крылова в городе начались аресты, в ходе которых было задержано 74 человека. Среди прочих заковали в цепи и посадили в острог президента Иркутского магистрата Михаила Ивановича Глазунова. В домах у богатейших купцов прошли обыски. Их имущество и товары были опечатаны и находились под караулом. Всех задержанных публично объявили казнокрадами.

В иркутских летописях есть упоминания, что в ходе пыток следователь Крылов лично бил задержанных по щекам и угрозами применения плетей вынуждал к признанию вины. Первым, по сведениям Н.С. Шукина, не выдержал и дал требуемые следствием показания о чрезмерном завышении цен на вино Иркутский бургомистр Николай Бренчалов [23, с. 188]. Это, пишет в своей летописи Пежемский, «подало повод Крылову исполнить свои угрозы над прочими, не сознавшимися; он мучал их в пытках, но никто из терпевших истязания не признался в краже, кроме Михаила и Максима Глазуновых и Василия Ворошилова» [21, с. 79]. Последовали повторные пытки и истязания с дальнейшими признаниями иркутских купцов, осознавших всю бесперспективность сопротивления.

Дольше всех продержался один из богатейших предпринимателей Иркутска купец первой гильдии Иван Степанович Бечевин, известный своими коммерческими

проектами и контролировавший с 1749 г. производство и распространение вина в Илимском уезде.

Бечевин не пожелал дать ложные показания и в течение нескольких месяцев подвергался жестоким пыткам. Однако, как пишет современный исследователь Вадим Петрович Шахеров, «будучи поднят на дыбу, пытаясь остановить мучения, вынужден был себя оговорить и пообещать выплатить 15 тыс. руб... под угрозой новых пыток эта сумма увеличилась в два раза» [25, с. 251].

В общей сложности Крылову удалось «выбить» из иркутского купечества 155295 р. 80 к. В подтверждение этого факта Н. С. Щукин приводит список местных предпринимателей с подробным указанием сумм, полученных в ходе пыток. Немаловажную роль в фактическом грабеже иркутского купечества, по сведениям автора, сыграл один из его представителей – купец первой гильдии Василий Яковлевич Елезов, доносивший по собственной воле Крылову, «с кого и какую сумму можно получить посредством застенка и пыток» [23, с. 188]. Он же, в конечном счете, был направлен в Петербург, чтобы повиниться в убытках, якобы нанесенных казне иркутским купечеством.

Между тем, «выбитых» денег Крылову оказалось недостаточно, и он приступил к реализации изъятого у купцов имущества. С этой целью проводились аукционы, где следователь являлся одновременно и оценщиком, и продавцом, и покупателем. В результате, пишет С. С. Шашков, следователю Крылову удалось дополнительно получить 93120 руб. [24, с. 658]. Всего же за время крыловского погрома, по подсчетам купца Алексея Сибирякова, иркутское общество понесло ущерб в размере 300000 руб. [26, с. 305].

Однако негодование иркутян было вызвано не столько открытым и беспринципным вымогательством следователя Крылова, сколько его пренебрежением общепринятыми нормами морали и многочисленными случаями насильственных действий.

Практически безграничные полномочия в условиях полной бесконтрольности со стороны метрополии, дифференцированные низкими морально-нравственными личностными качествами, предопределили не только масштабы, но и особенности противоправной деятельности Крылова. Помимо корыстных устремлений, он регулярно использовал свои властные полномочия для совершения преступлений в области половой неприкосновенности.

«Сладострастие Крылова не знало границ и доходило до зверского неистовства» – писал по этому поводу С. С. Шашков [24, с. 656]. По сведениям иркутских летописцев, домогательствам следователя подвергались и взрослые женщины, и дети. Одной из первых жертв оказалась его соседка, дочь купца Воротилова. Крылов изнасиловал ее и сделал своей любовницей. Если несчастные не сдавались добровольно, то Крылов принуждал их жестокими побоями и телесными истязаниями при помощи своих солдат.

Тяжелее всех пришлось невольным арендодателям Крылова. Семья иркутского купца Ивана Афанасьевича Мясникова, предоставившая по требованию следователя верхний этаж своего дома для его проживания, оказалась заложниками его половой

распущенности. «Развратом и гнусностью своих поступков доводил семейство своего хозяина до отчаяния», – сообщали о поведении нового квартиранта Мясниковых иркутские хроники [21, с. 86].

С маниакальным упорством, публично Крылов преследовал старуху – мать купца Ивана Афанасьевича Мясникова. Супруга хозяина дома Дарья Николаевна так же неоднократно подвергалась домогательствам любвеобильного следователя. Угрожая пытками и побоями, Крылов вынуждал главу семейства склонять свою супругу к измене. Кроме того, Н. С. Шукин описывает случай растления Крыловым десятилетней девочки, прислуживающей в доме Мясниковых [23, с. 197].

В конечном счете, по утверждению Пежемского, «в женском поле он поселил такой страх, что старые и малые даже днём боялись ходить по улицам, чтобы не встретиться с Крыловым, прятались от него и бегали, как от страшилища» [21, с. 86]. Сами же крыловские бесчинства нашли свое отражение в иркутских преданиях и воплотились в романе И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова», вышедшем в свет спустя более полувека после рассматриваемых событий [27, с. 35].

Между тем властные притязания Крылова, который, казалось, совершенно утратил связь с реальностью, распространились на всю Иркутскую провинцию. В апреле 1760 г., будучи в гостях у купца Василия Зайцева, следователь прилюдно обвинил вице-губернатора Ивана Петровича Вульфа в слабости управления и расхищении казны, отобрал шпагу и приказал арестовать. На следующий день, по сведениям Н. С. Шукина, «Крылов циркулярами своими объявил всем местам и официальным лицам иркутской провинции, что он, по непростительной слабости тамошнего вице-губернатора и по единодушной просьбе всех жителей города, сам вступил в управление иркутскою провинциею» [23, с. 199].

Окончательно уверовав в свою исключительность, Крылов приказал изменить государственный герб, располагавшийся на городской башне. Как пишет С. С. Шашков, «предерзостно прибил жестяную доску с такими на ней литерами: Году 1760, месяца сентября, бытности в Иркутске начальника коллежского ассесора Крылова» [28, с. 330].

Вице-губернатор И. П. Вульф и епископ Софроний не преминули воспользоваться оплошностью своего оппонента и сообщили о факте покушения на государственные символы верховным властям. Реакция на дерзкую выходку последовала незамедлительно. 9 ноября 1760 г. в Иркутске получили сенатский указ об аресте Крылова. Зарвавшегося следователя отстранили от дел и посадили под стражу. Впоследствии часть денежных средств возвратили пострадавшим. Вице-губернатор И. П. Вульф получил чин тайного советника. А иркутское общество еще долго пребывало в ошеломлении от преступных деяний «лихого» столичного следователя.

Перипетии «крыловского погрома» со всей очевидностью продемонстрировали уязвимость системы специальных поручений как способа государственного воздействия на сибирскую администрацию. В случае с расследованием предполагаемых злоупотреблений в Иркутске, оно изначально было реализовано в корыстных интересах частного лица. При этом противоправная деятельность следователя Крылова осуществлялась в условиях, когда иркутская администрация и

купечество, в силу его особых полномочий, оказались в положении очевидной подчиненности. В такой ситуации Крылов, как должностное лицо, получил не только обширные возможности к совершению преступлений, но и высокие шансы избежать наказания. Таким образом, доверенные лица, облеченные особыми полномочиями для расследования должностных преступлений, оказавшись в специфических условиях Сибири, совершали их сами, зачастую в еще больших масштабах.

Значительная удаленность от центра принятия решений, близость границ Китая, существенные запасы пушнины и бесправность инородческого населения, интегрированные бытовавшими тогда традициями кормления, предопределили особые черты противоправной деятельности сибирского чиновничества. При этом практиковавшиеся способы противодействия должностной преступности в виде частой ротации кадров, особом контроле вывозимого из Сибири имущества и введения жестоких репрессий, очевидно, не давали желаемых результатов.

Отсутствие эффективной системы контроля за деятельностью сибирского чиновничества только усугубляло сложившуюся ситуацию. Без изменения условий, способствовавших распространению должностной преступности, и создания системы юридических ограничений и запретов вышеперечисленные способы не давали должного эффекта. В связи с этим противоправная деятельность губернских чиновников в Восточной Сибири, когда их решения и поступки, связанные с выполнением служебных обязанностей, явно выходили за пределы установленных полномочий и нарушали существовавшие узаконения, получила повсеместное распространение и оказывала существенное воздействие на эффективность местного администрирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ширяев, В. Н. Взятничество и лиходеительство в связи с общим учением о должностных преступлениях (уголовно-юридическое исследование). Ярославль, 1916. 570 с.
2. Чекурда, А. Е. Предпосылки становления органов надзора в России на рубеже XVII–XVIII вв. // Вестник Омского юридического института. 2011. № 3 (16). С. 8–11.
3. Оглоблин, Н. Н. Обзор столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) в 4 частях. М.: Императорское общество истории и древностей России при Московском университете. 1895. Ч. 1. 430 с.
4. Сысоев, А. А. Лихоимство как проявление должностной преступности на территории Восточной Сибири в конце XVII–начале XVIII столетий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (112). С. 46.
5. Зольникова, Н. Д. Сыск Д. Л. Полянского и "письма" Избранта Идеса // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 180–220.
6. Оглоблин, Н. Н. Обзор столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) в 4 частях. М.: Императорское общество истории и древностей России при Московском университете. 1895. Ч. 3. 394 с.

7. Окладников, А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Ленинград: ОГИЗ. Государственное социально-экономическое издательство. Ленинградское отделение. 1937. 428 с.
8. Вершинин, Е. В. Сыск Д. Л. Полянского: дело мангазейского воеводы М. С. Волчкова // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 27-35.
9. Акишин, М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. 226 с.
10. Баранов, П. П., Шапошников, А. А. Дело князя М. П. Гагарина: начало российского аудита // Экономическая история России. 2016. №10. С. 173-174.
11. Толочко, А. П., Коновалов, И. А. Борьба с коррупцией в верхних эшелонах власти в Сибири в первой половине XVIII в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9. № 3 (35). С. 27-30.
12. Гергилев, Д. Н. Сибирь в системе управления административных преобразований Петра I // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. С. 118-123.
13. Корсаков, В. Гагарин князь Матвей Петрович // Русский биографический словарь. М., 1914. Т. IV. С. 80.
14. Костецкая, Е. В. Следствие по делу князя М. П. Гагарина в контексте развития системы государственного контроля в первой четверти XVIII века / Е. В. Костецкая, Л. Н. Суслова, В. А. Аксенова // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 7. С. 346-373.
15. Серов, Д. О. Высшие администраторы под судом Петра I: Из истории уголовной юстиции России первой четверти XVIII в. // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2005. № 39. С. 47-63.
16. Серов, Д. О. Гвардейцы и фискалы Петра I в борьбе с лихоимцами и казнокрадами: материалы международной научно-практической конференции «Новаиии юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства». Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2017. С. 99-101.
17. Головачев, П. Сибирь в Екатерининской комиссии. Этюд по истории Сибири XVIII века. М.: Тип. В. Ф. Рихтер, 1889. 127 с.
18. Берх, В. Н. Жизнеописание Генерал-Лейтенанта В. И. Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. № 4. С. 128-135.
19. Ядринцев, Н. М. Сибирь, как колония: К юбилею трехсотлетия: Современ. положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / [Соч.] Н.М. Ядринцева. С.-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 471 с.
20. Готье, Ю. В. Следственные комиссии по злоупотреблениям областных властей в XVIII веке // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями, ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 - 5 декабря 1909 года). Ч. 1. М.: Т-во Печатня С. П. Яковлева, 1909. 416 с.

21. Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова) / с предисловием, добавлениями и примечаниями И. И. Серебrenникова. Иркутск: Паровая типография И. П. Казанцева, 1911. 418 с.
22. Бумаги ИЗ Дела о генерал-прокуроре А.И. Глебова и сибирском следователе Крылове // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1867, Т. 1. Санкт-Петербург: 1867. 558 с.
23. Шукин, Н. С. Крылов следователь в Сибири (Из иркутской хроники 1758-1761 года) // Луч. 1866. Т. I. С. 186-201.
24. Шашков, С. С. Собрание сочинений: [В 2 т.]. Т. 2. Исторические очерки; Исторические этюды. – Санкт-Петербург, 1898. 668 с.
25. Шахеров, В. П. Судьба иркутского купца Ивана Бечевина в контексте взаимоотношения власти и сибирского предпринимательства середины XVIII века // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 251-259.
26. История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 томах): Сибирь в составе феодальной России. Т. 2 / Авт. В. А. Александров, В. Г. Мирзоев, В. И. Шунков и др. Л., 1968. 538 с.
27. Хомук, Н. В. Роман И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» и сибирское барокко // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 35-41.
28. Шашков, С. С. Исторические этюды. Санкт-Петербург: Типография А. Моригеровского, 1872. 332 с.
29. Ядринцев, Н. М. Сибирь, как колония: К юбилею трехсотлетия: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / [Соч.] Н. М. Ядринцева. С.-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

REFERENCES

1. Shiryayev V.N. Vzyatochnichestvo i lihodatel'stvo v svyazi s obshchim ucheniem o dolzhnostnyh prestupleniyah (ugolovno-yuridicheskoe issledovanie) [Bribery and fraud in connection with the general doctrine of official crimes (criminal law research)]. Yaroslavl, 1916, 570 p.
2. Chekurda A.E. Predposylki stanovleniya organov nadzora v Rossii na rubezhe XVII-XVIII vv. [Prerequisites for the formation of supervisory authorities in Russia at the turn of the XVII-XVIII centuries]. Vestnik Omskogo yuridicheskogo instituta – Vestnik of the Omsk Law Institute. 2011, no. 3 (16), pp. 8-11.
3. Ogloblin N.N. Obozrenie stolbcov i knig Sibirskogo prikaza (1592-1768 gg.) v 4 chastyah [Review of columns and books of the Siberian Order (1592-1768) in 4 parts]. Moscow, 1895, Part 1. 430 p.
4. Sysoev A.A. Lihoimstvo kak proyavlenie dolzhnostnoj prestupnosti na territorii Vostochnoj Sibiri v konce XVII-nachale XVIII stoletij [Extortion as a manifestation of official crime in the territory of Eastern Siberia at the end of the XVII-beginning of the XVIII centuries]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), pp. 46.

5. Zolnikova N.D. Detective D.L. Polyanskogo i pis'ma i "pis'ma" Izbranta Idesa [Polyansky and letters and "letters" of Robert Ides]. Publicistika i istoricheskie sochineniya perioda feodalizma – Journalism and historical writings of the period of feudalism. Novosibirsk, 1989, pp. 180-220.
6. Ogloblin N.N. Obozrenie stolbcov i knig Sibirskogo prikaza (1592-1768 gg.) v 4 chastyah [Review of columns and books of the Siberian Order (1592-1768) in 4 parts]. Moscow, 1895, Part 3, 394 p.
7. Okladnikov A.P. Ocherki iz istorii zapadnyh buryat-mongolov [Essays from the history of the Western Buryat Mongols]. Leningrad, 1937, 428 p.
8. Vershinin E.V. Detective D.L. Polyanskogo: delo mangazejskogo voevody M.S. Volchkova [Polyansky: the case of the Mangazey voivode M.S. Volchkov]. Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of the Ural State University. 2005, no. 39, pp. 27-35.
9. Akishin M. O. Policejskoe gosudarstvo i sibirskoe obshchestvo. Epoha Petra Velikogo [The police state and Siberian society. The era of Peter the Great]. Novosibirsk, 1996, 226 p.
10. Baranov P.P., Shaposhnikov A.A. Delo knyazya M. P. Gagarina: nachalo rossijskogo audita [The case of Prince M. P. Gagarin: the beginning of the Russian audit]. Ekonomicheskaya istoriya Rossii – The economic history of Russia. 2016, no. 10, pp. 173-174.
11. Tolochko A.P., Konovalov I.A. Bor'by s korrupciej v verhnih eshelonah vlasti v Sibiri v pervoj polovine XVIII v. [The fight against corruption in the upper echelons of power in Siberia in the first half of the XVIII century]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki» – Vestnik of Omsk University. The series "Historical Sciences". 2022. Vol. 9. No. 3 (35). Pp. 27-30.
12. Gergilev D.N. Sibir' v sisteme upravleniya administrativnyh preobrazovanij Petra I [Siberia in the management system of administrative transformations of Peter the Great]. Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010, pp. 118-123.
13. Korsakov V. Gagarin knyaz' Matvej Petrovich [Gagarin Prince Matvey Petrovich] Russkij biograficheskij slovar' – Russian biographical dictionary. Moscow, 1914, vol. IV. P. 80.
14. Kostetskaya E.V. Sledstvie po delu knyazya M. P. Gagarina v kontekste razvitiya sistemy gosudarstvennogo kontrolya v pervoj chetverti XVIII veka [The investigation into the case of Prince M. P. Gagarin in the context of the development of the system of state control in the first quarter of the XVIII century]. Nauchnyj dialog – Scientific dialogue. 2023, vol. 12, no. 7, pp. 346-373.
15. Serov D.O. Vysshie administratory pod sudom Petra I: Iz istorii ugolovnoj yusticii Rossii pervoj chetverti XVIII v. [Higher administrators under the court of Peter the Great: From the history of criminal justice in Russia in the first quarter of the XVIII century]. Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki – Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 2: Humanities. 2005, no. 39, pp. 47-63.

16. Serov D.O. Gvardejcy i fiskaly Petra I v bor'be s lihoimcami i kaznokradami: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Novacii yuridicheskoy nauki i praktiki kak faktor garmonizacii vzaimootnoshenij lichnosti, obshchestva i gosudarstva» [Guards and fiscal officers of Peter the Great in the fight against extortionists and embezzlers: materials of the international scientific and practical conference "Innovations in legal science and practice as a factor in harmonizing the relationship of personality, society and the state"]. Novosibirsk, 2017, pp. 99–101.

17. Golovachev P. Sibir' v Ekaterininskoj komissii. Etyud po istorii Sibiri XVIII veka [Siberia in the Catherine Commission. A study on the history of Siberia of the XVIII century]. Moscow, 1889, 127 p.

18. Berkh V. N. ZHizneopisanie General-Lejtenanta V.I. Gennina, osnovatelya Rossijskih gornyh zavodov [The biography of Lieutenant General V.I. Gennin, the founder of Russian mining plants]. Gornyj zhurnal – Mining Journal. 1826, no 4, pp. 128-135.

19. Yadrincev N.M. Sibir', kak koloniya: K yubileyu trehsotletiya: Sovrem. polozhenie Sibiri. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloe i budushee [Siberia as a colony: On the occasion of the tercentenary: We will tell the truth. the position of Siberia. Her needs and wants. Her past and future]. St. Petersburg, 1882, 471 p.

20. Gauthier Yu.V. Sledstvennye komissii po zloupotrebleniyam oblastnyh vlastej v XVIII veke. Sbornik statej, posvyashchennyh Vasiliyu Osipovichu Klyuchevskomu ego uchenikami, druž'yami i pochitatel'yami ko dnyu tridcatiletiya ego professorskoj deyatel'nosti v Moskovskom universitete (5 dekabrya 1879 - 5 dekabrya 1909 goda). CH. 1. [Investigative commissions on abuses of regional authorities in the XVIII century. Collection of articles dedicated to Vasily Osipovich Klyuchevsky by his students, friends and admirers on the day of the thirtieth anniversary of his professorial activity at Moscow University (December 5, 1879 - December 5, 1909). Part 1]. Moscow, 1909. 416 p.

21. Irkutskaya letopis' (letopisi P.I. Pezhemskogo i V.A. Krotova) [The Irkutsk Chronicle (the chronicles of P.I. Pezhemsky and V.A. Krotov)]. Irkutsk, 1911. 418 p.

22. Bumagi IZ Dela o general-prokurore A.I. Glebove i sibirskom sledovatele Krylove [Papers from the Case of Prosecutor General A.I. Glebov and Siberian investigator Krylov]. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva – Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 1. St. Petersburg: 1867, 558 p.

23. Schukin N.S. Krylov sledovatel' v Sibiri (Iz irkutskoj hroniki 1758-1761 goda) [Krylov sledovatel' v Sibiri (Iz irkutskoy hroniki 1758-1761 goda)]. Luch – Luch. 1866, pp. 186–201.

24. Shashkov S. S. Sobranie sochinenij: [V 2 t.]. Istoricheskie ocherki [Collected works: [In 2 vols.]. Historical essays]. St. Petersburg, 1898, 668 p.

25. Shakherov V.P. Sud'ba irkutskogsho kupca Ivana Bechevina v kontekste vzaimootnosheniya vlasti i sibirskogo predprinimatel'stva serediny XVIII veka [The fate of the Irkutsk merchant Ivan Bechevin in the context of the relationship between power and Siberian entrepreneurship in the middle of the XVIII century]. Istoricheskij kur'er – Historical Courier. 2023, no. 5 (31), pp. 251-259.

26. Istoriya Sibiri s drevnejshih vremen do nashih dnei (v 5 tomah): Sibir' v sostave feodal'noj Rossii [The history of Siberia from ancient times to the present day (in 5 volumes): Siberia as part of feudal Russia]. Leningrad, 1968, 538 p.

27. Khomuk N.V. Kalashnikova «Doch' kupca Zholobova» i sibirskoe barokko [Kalashnikov's novel "Merchant Zholobov's Daughter" and the Siberian Baroque]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University. 2014. No. 388, pp. 35-41.

28. Shashkov S.S. Istoricheskie etyudy [Historical sketches]. St. Petersburg, 1872, 332 p.

29. Yadrintsev N.M. Siberia as a colony: To the anniversary of the tercentenary: Modern. the situation of Siberia. Her needs and requirements. Her past and future / [Op.] N.M. Yadrintseva. St. Petersburg: type by M.M. Stasyulevich, 1882, 471 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сысоев Алексей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sysoev Alexey Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664074, Russian Federation, Irkutsk, 110 Lermontov St.

Статья поступила в редакцию 19.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 19.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 20.03.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 3 (114). С. 76–86.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 3 (114). Pp. 76–86.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья

УДК: 342.9

КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Иванова Елена Леонидовна, Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, Российская Федерация
lenai@list.ru

Введение. В последние пять-шесть лет законодательное оформление получили новые специальные правовые режимы (режим повышенной готовности, режим высылки иностранных граждан и др.). Одновременно с этим ответ на вопрос об отраслевой принадлежности таких правовых режимов не всегда имеет однозначный ответ, несмотря на тот факт, что в юридической науке еще в советский период ее развития был выработан критерий классификации правовых режимов по отраслевой принадлежности. В целях выявления причин такой неопределенности, а также необходимости ее устранения автором проведен сравнительный анализ устоявшейся нормативной регламентации действия отдельных правовых режимов и прослеживающихся в последнее время тенденций правового оформления специальных правовых режимов, который показал спорность и проблематичность применения в современных реалиях теоретической классификации правовых режимов по критерию их отраслевой принадлежности.

Материалы и методы. В ходе исследования были использованы общенаучные и частнонаучные методы, которые позволили раскрыть подходы к пониманию правовых режимов, их отраслевой принадлежности. Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, федеральные законы, регулирующие порядок установления и действия конкретных правовых режимов.

Результаты исследования позволили доказать межотраслевой характер значительной части правовых режимов. На основе последних изменений федерального законодательства предложена классификация правовых режимов в зависимости от субъектов, в отношении которых они могут быть установлены. Теоретические предложения автора подкрепляются ссылками на конкретные положения федерального законодательства.

Выводы и заключения: теоретическая классификация правовых режимов по отраслевой принадлежности на современном этапе развития публичного законодательства нуждается в серьезном переосмыслении ввиду того, что в объем правовых норм, регулирующих какой-либо правовой режим, могут быть включены нормы различной отраслевой принадлежности.

С практической стороны признание факта отсутствия на современном этапе российской юридической науки сугубо «отраслевых правовых режимов» позволяет обосновать складывающийся вектор развития законодательства, регулирующего публичные правоотношения.

Ключевые слова: правовой режим, специальный правовой режим, конституционно-правовой режим, административно-правовой режим, режим высылки.

Для цитирования: Иванова Е. Л. Классификации правовых режимов: теоретические подходы и тенденции современного законодательного регулирования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114). С. 76–86.

5.1.2. Public Law Sciences (legal sciences)

Original article

CLASSIFICATION OF LEGAL REGIMES: THEORETICAL APPROACHES AND TENDENCIES OF MODERN LEGISLATIVE REGULATION

Elena L. Ivanova, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, lenai@list.ru

Introduction. In the last five or six years, new special legal regimes have received legislative formalization, the answer to the question of their branch affiliation does not always have an unambiguous answer, despite the fact that in legal science, back in the Soviet period of its development, a criterion for classifying legal regimes by branch was developed. In order to identify the causes of such uncertainty, as well as the need to eliminate it, the author conducted a comparative analysis of the well-established regulatory regulation of individual legal regimes and recent trends in the legal design of special legal regimes, which showed the controversial and problematic application in modern realities of the theoretical classification of legal regimes by the criterion of their industry affiliation.

Materials and Methods: The study used general scientific and specific scientific methods, which allowed the authors to reveal approaches to understanding legal regimes and their sectoral affiliation. The study was based on the Constitution of the Russian Federation and federal laws that regulate the establishment and operation of specific legal regimes.

The Results of the Study made it possible to prove the intersectoral nature of a significant part of the legal regimes. Based on recent changes in federal legislation, a classification of legal regimes is proposed depending on the subjects in respect of which they

can be established. The author's theoretical proposals are supported by references to specific provisions of federal legislation.

Findings and Conclusions: from a theoretical and methodological point of view (due to the fact that the scope of legal norms governing any legal regime may include norms of various industry affiliations), the recognition of this thesis raises the question of the logical validity of the existence of a classification of legal regimes depending on their industry affiliation. On the practical side, the recognition of the fact that there are no purely «sectoral legal regimes» at the present stage of Russian legal science makes it possible to substantiate the emerging vector of development of legislation regulating public law

Keywords: legal regime, special legal regime, constitutional legal regime, administrative legal regime, expulsion regime

For citation: Ivanova E.L. Klassifikacii pravovyh rezhimov: teoreticheskie podhody i tendencii sovremennogo zakonodatel'nogo regulirovaniya [Classification of legal regimes: theoretical approaches and tendencies of modern legislative regulation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 3 (114), pp. 76–86.

Вопросы применения специальных правовых режимов являются одними из самых актуальных как для юридической, так и управленческой науки. При этом, как показал анализ специальной литературы, в настоящее время в науке конституционного права, административного права приводится достаточное количество классификаций правовых режимов, наибольшей популярностью среди которых в современный период пользуется деление их на общий и специальные правовые режимы.

При этом такое деление авторы производят как в отношении конституционно-правовых режимов, так и в отношении административно-правовых, как правило, отмечая, что деление правовых режимов по отраслевому критерию выступает самостоятельным основанием их классификации.

Одновременно с этим фактически не исследованными остаются вопросы соотношения конституционного, правовых и административно-правовых режимов между собой и с более общим понятием правового режима.

Между тем правильное формирование представления о соотношении указанных понятий видится куда более значимым для понимания сущности отдельных правовых режимов (возможности отдельных изъятий из них, других особенностей применения). Особенную принципиальность приобретает решение вопроса об «отраслевой принадлежности» режимов военного и чрезвычайного положения. Указанные режимы получают широкое освещение в рамках науки конституционного и науки административного права. Как отмечается в литературе, с одной стороны – в основаниях и порядке введения этих чрезвычайных правовых режимов весомая доля норм конституционного права (именно Конституция Российской Федерации осуществляет так называемую первичную легализацию этих режимов). Конституционным законодательством также регулируются режимы пребывания иностранных граждан, пограничных зон, континентального шельфа, территориального моря, исключительной экономической зоны, режим Государственной границы Российской Федерации и др. С другой стороны – присутствует также и значительная

часть норм административного права, регламентирующих деятельность органов исполнительной власти по реализации правового порядка, заложенного в такой правовой режим [10, с. 38-36]. Актуализируют необходимость осмысления вопроса о соотношении доли конституционного и административного регулирования недавно введенный законодателем новый вид правового – режим высылки¹.

В этой связи видится необходимым обращение к истории исследования категории «правового режима» в отечественной правовой науке.

Понятие «правовой режим» получило разработку в трудах многих советских и российских ученых.

Так, Ю. А. Тихомиров определял правовой режим как специализированный порядок деятельности субъектов права, предназначенный для устойчивого решения специфических задач, либо устойчивого функционирования в особых обстоятельствах [11, с. 424].

А. В. Малько и Н. И. Матузов понимали правовой режим как комплекс правовых средств (дозволений, запретов, позитивных обязываний), которые сочетаются определенным образом и создают особую направленность регулирования [8, с. 17].

Глубокой проработке вопросы правовых режимов подвергнуты в работах Д. Н. Бахраха, Б. В. Российского и Ю. Н. Старилова [4, с. 494].

Следует отметить, что к настоящему времени в работе С. Н. Братановского «Понятие и виды правовых режимов в российском законодательстве и правовой науке» [5, С. 12-23] проведен детальный анализ таких исследований.

Следующие классификации правовых режимов в литературе приводятся чаще всего:

1. В зависимости от продолжительности их действия (срока применения): срочные (временные) и бессрочные (постоянные) специальные административно-правовые режимы.

Срочные правовые режимы ограничены определенным сроком их введения и действия (режимы военного положения и чрезвычайного положения), а бессрочные режимы действуют постоянно применительно к регулируемым правоотношениям (таможенный режим, пограничный режим, режим закрытого административно-территориального образования (далее – ЗАТО). Бессрочные специальные административно-правовые режимы прекращают свое действие только в случаях изменения или прекращения данных общественных отношений (например, ликвидация таможенного поста приводит, соответственно, к упразднению таможенного режима; изменение границы ЗАТО или лишение муниципального образования статуса ЗАТО влечет прекращение режима ЗАТО на части либо всей территории данного населенного пункта).

2. По виду правоустанавливающего акта (нормативного правового акта): специальные административно-правовые режимы, устанавливаемые только на основании федерального конституционного закона (режимы военного положения и

¹О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ (статья 2) // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения 16.05.2025).

чрезвычайного положения), федерального закона (например, таможенный режим или режим охраны Государственной границы Российской Федерации), либо закона субъекта Российской Федерации (указа или постановления главы субъекта Российской Федерации). В последнем случае это может быть режим чрезвычайной ситуации на части или всей территории субъекта Российской Федерации, режим повышенной готовности и принятия дополнительных мер по предотвращению коронавирусной инфекции (2019-nCoV);

3. По критерию юридических свойств режимы подразделяются на ординарные и экстраординарные. Последние вводятся только в случае возникновения чрезвычайных ситуаций социального или природно-техногенного характера.

К экстраординарным режимам следует отнести: режим чрезвычайного положения, режим чрезвычайной ситуации природно-техногенного характера, режим военного положения и режим контртеррористической операции. Ординарными режимами являются: режим закрытого административно-территориального образования (ЗАТО), режим охраны Государственной границы Российской Федерации и др. [1, с. 182].

4. По функционально-целевому назначению можно выделить: режим военного положения; режим чрезвычайного положения; режим чрезвычайной ситуации; режим контртеррористической операции; режим охраны Государственной границы Российской Федерации; режим закрытого административно-территориального образования, режим высылки² и др.

Существуют также и современные работы, посвященные классификации правовых режимов. В них тоже отмечается тесная связь правового режима с его отраслевой принадлежностью [6, с. 82].

При этом в последних исследованиях конституционно-правовой и административно-правовой режимы рассматриваются как две разновидности правового режима в рамках его классификации по отраслевой принадлежности [9, с. 98], что, по нашему мнению, не является правильным.

В. В. Барбин указывает, что весьма часто конституционно-правовые режимы получают свое развитие в административно-правовых режимах, так как обе эти разновидности правовых режимов имеют общий родовой признак [3, с. 36]. С указанным утверждением также полагаем возможным согласиться лишь отчасти.

Несмотря на признанный в науке тезис о первичности конституционно-правовых норм, их учредительном характере в вопросе соотношения конституционно-правового и административно-правового режимов, на наш взгляд, конституционно-правовые нормы, образующие содержание конституционно-правового режима, не могут рассматриваться исключительно в качестве основополагающих и затем получающих развитие в виде детализации в нормах, формирующих содержание административно-правового режима. Бесспорно, основанием самой по себе возможности существования и правового регулирования специального административно-правового режима выступают как общие нормы конституционного

² Имеется ввиду новый режим, возможность установления которого в отношении иностранных граждан предусматривается с февраля 2025 года.

законодательства о возможности ограничения прав и свобод граждан при наличии определенных условий, так и специальные нормы о возможности введения отдельных конституционных правовых режимов. Эти нормы могут считаться материальными нормами-основаниями введения того или иного административно-правового режима. В то же время при непосредственном регулировании специального административного правового режима конституционные нормы будут наряду с административно-правовыми нормами образовывать единую правовую среду, определяющую содержание конкретного правового режима. Только нормы конституционного права в данном случае будут регулировать права и свободы человека и гражданина (сроки, порядок их реализации, ограничений и т.д.) в условиях действия данного правового режима, а нормы административного права – полномочия органов публичной власти (также обязанных действовать особым образом в рамках данного правового режима).

Такой комплексный характер средств (взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования), применяемых в рамках одного правового режима отмечал еще С. С. Алексеев [2, с. 210].

Сегодня понимание того, что специфической особенностью публично-правовых режимов является комплексный характер конституционного и административно-правового регулирования также отмечается некоторыми учеными.

Как справедливо подчеркивает С. А. Терехов, понимание правового режима как комплекса правовых средств (дозволений, запретов, обязываний, в том числе общих), которые определенным образом сочетаются и тем самым направленно регулируют, – является методологически удачным и позволяет объяснить существование комплексных (межотраслевых) правовых режимов, направленных на обеспечение конституционного требования о безопасности при возникновении внешних и внутренних угроз территориальной целостности и независимости государства [10, с. 39-40].

Наиболее весомым аргументом тезиса об условности деления правовых режимов по отраслевой направленности на конституционно-правовые и специальные административно-правовые режимы долгое время оставалось наличие двух федеральных конституционных законов, регулирующих порядок введения, действия и отмены военного и чрезвычайного положений, а также Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»³. В указанных нормативных правовых актах содержатся указания не только на порядок организации и деятельности органов публичной власти, но и конкретный перечень конституционных прав граждан, которые могут быть ограничены в условиях действия данных правовых режимов (включая порядок их ограничения и отмену таких ограничений). При этом специальные режимы в закрытом административно-территориальном образовании, режим охраны Государственной границы Российской Федерации, специальные

³ О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения 16.05.2025).

таможенные режимы, режим чрезвычайной ситуации рассматривалась в целом как специальные административные режимы, применение которых обуславливалось конкретной территорией.

Так, например, меры, вводимые на основании Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»⁴ (далее – ФЗ «О чрезвычайных ситуациях») до 2020 года не упоминался в качестве источника, устанавливающего специальный конституционно-правовой режим в отношении граждан, а рассматривался в качестве базового нормативного правового акта, регламентирующего порядок деятельности органов публичной власти при возникновении угроз природного и техногенного характера (ежегодные ситуации с лесными пожарами, например). Несмотря на то что положения указанного Федерального закона не содержат прямых каких-либо указаний на необходимость ограничения прав и свобод человека и гражданина, такая возможность, очевидно, следует из его отдельных положений. Например, согласно ч. 10 статьи 4 ФЗ «О чрезвычайных ситуациях» при введении такого режима руководители ликвидации чрезвычайной ситуации могли принимать решения об ограничении доступа людей и транспортных средств на территории, на которых существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, а также в зону чрезвычайной ситуации, приостанавливать работу организаций, оказавшихся в такой зоне. Указанные меры явно ограничивают право граждан на свободу передвижения, трудовые права и право на свободу предпринимательства, а значит – выступают нормативным основанием применения специального конституционно-правового режима.

Еще более очевидным указанный факт стал с появлением в 2020 году в рассматриваемом Федеральном законе нового режима – режима повышенной готовности, когда ч. 1 статьи 1 была дополнена словами «распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих».

Как отмечается в отдельных исследованиях, изначально по логике законодателя режим повышенной готовности задумывался как предшествующий режиму чрезвычайной ситуации, когда только возникала ее угроза. Этот режим распространялся на государственные органы, которые должны были заблаговременно принять необходимые меры к недопущению неблагоприятного развития событий, т.е. на первой стадии чрезвычайной ситуации.

Однако эпидемия коронавирусной инфекции внесла в эту схему свои коррективы. Оперативно статья 10 ФЗ «О чрезвычайных ситуациях» дополнена положением о праве устанавливать обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации. Указанное нормотворческое полномочие реализовано Правительством Российской Федерации в Постановлении от 02.04.2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и

⁴ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : Федеральный закон от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (дата обращения 16.05.2025).

организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации»⁵ и региональным законодателем.

Как отмечают специалисты [7, с. 21-23], в некоторых моментах эти правила отразили складывающуюся непростую ситуацию в ходе деятельности властей по преодолению чрезвычайной ситуации. Так, например, в регионах ввели совершенно новое средство – так называемую «самоизоляцию», предполагающую запрет на свободное посещение общественных мест и постоянное нахождение в месте жительства. Для контроля выполнения данного запрета были задействованы органы внутренних дел и иные контролирующие органы. На практике в регионах вводился не режим чрезвычайной ситуации, а режим повышенной готовности, что приводило к сложностям в понимании правовой основы ситуации для населения и, соответственно, к неприятию проводимых мер и, конечно, это создавало множество конфликтных ситуаций.

Введение режима повышенной готовности в субъектах Российской Федерации повлекло за собой многочисленные обращения граждан в Конституционный Суд Российской Федерации и суды общей юрисдикции, в которых оспаривалась законность применения правоограничений в соответствии с нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации [7, с. 21-23].

Однако орган конституционного контроля, признавая конституционность устанавливаемых, в том числе региональным законодательством, ограничений, ссылаясь на их кратковременность и жизненную необходимость при возникновении общей угрозы здоровью и жизни населения⁶.

Таким образом, можно констатировать, что в ходе антикоронавирусной борьбы правовой инструментарий пополнился новым правовым режимом – режимом повышенной готовности. Является ли этот правовой режим сугубо административно-правовым, управленческим, регламентирующим исключительно действия органов публичной власти и уполномоченных ими субъектов? Очевидно, нет. Распространяя свое действие на граждан, организации он устанавливает разумные ограничения их прав и свобод в период действия обстоятельств, послуживших основанием его введения.

⁵ Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации : постановление Правительства Российской Федерации от 02 апреля 2020 года № 417 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349314/4c3d16938a70f413a4cc565530ab9e8945e09592/ (дата обращения 16.05.2025).

⁶ О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» : постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 года № 49-П // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372430/ (дата обращения 16.05.2025).

Другим примером ошибочности стремления классифицировать правовые режимы на конституционно-правовые и административно-правовые выступает сегодня миграционное законодательство. С внесенными в 2024 году изменениями в Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об иностранных гражданах»)»⁷ существенно расширен предмет его правового регулирования. Закон, который прежде регулировал лишь режимы пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации, теперь предусматривает новый правовой режим – режим высылки.

Согласно положениям статьи второй указанного Федерального закона данный правовой режим может быть установлен в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, которые в первую очередь рассматриваются правовой наукой в качестве субъектов конституционно-правовых отношений. Одновременно с этим данным Законом определены:

1) меры федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции, применяемые в рамках режима высылки, то есть урегулированы полномочия контрольно-надзорных органов при установлении и действии анализируемого правового режима (статья 31¹);

2) порядок ведения реестра лиц, находящихся в режиме высылки (статья 31²);

3) права и обязанности должностных лиц органа внутренних дел при осуществлении контроля за нахождением в Российской Федерации лица, находящегося в режиме высылки (статья 31³) и другие вопросы.

В этой связи нами предлагается рассмотреть вопрос о делении правовых режимов по субъектному составу. Описанные выше новеллы федерального законодательства о режиме высылки, по нашему мнению, позволяют теперь выделять режимы, которые устанавливаются в отношении всех субъектов правоотношений, и режимы, которые могут применяться только в отношении отдельной категории – иностранных граждан и лиц без гражданства (режим высылки в отношении граждан Российской Федерации применить нельзя).

Наконец, в недавно принятом Законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»⁸ режим военного положения законодатель также понимает в качестве особого правового режима (ст. 92), не поименовывая его ни конституционно-правовым, ни административно-правовым режимом. Согласно статье 92 данного Федерального закона в период действия военного положения или военного времени могут быть ограничены отдельные

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 08 августа 2024 года № 260-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 года) // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482512/ (дата обращения 16.05.2025).

⁸ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федеральный закон от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ (не вступил в силу) // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения 16.05.2025).

элементы реализации конституционных прав граждан на осуществление местного самоуправления, установлен особый режим функционирования органов государственной власти и органов местного самоуправления. При этом ч. 5 указанной статьи определены те полномочия органов местного самоуправления, которые во время действия такого правового режима не могут осуществляться органами государственной власти субъектов Российской Федерации, в том числе возлагаться на органы местного самоуправления иного муниципального образования (иных муниципальных образований).

Таким образом, наличие в одном правовом акте целого комплекса норм конституционно-правового и административно-правового характера свидетельствует о том, что для федерального законодателя разграничение отраслевой принадлежности правового режима принципиального значения не имеет. Источниками правового регулирования специальных правовых режимов могут выступать одновременно нормы конституционного, административного, муниципального и другого законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Юрковский, А. В., Евдокимов, К. Н., Деревскова В. М. Административное право : учебное пособие. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 300 с.
2. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. Москва, 1989. 286 с.
3. Барбин В. В. Конституционно-правовой режим: понятие и содержание / В. В. Барбин // Бизнес в законе. 2015. № 3. С. 35-38.
4. Бахрах Д. Н., Российский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. Москва: Норма, 2005. 800 с.
5. Братановский С. Н. Понятие и виды правовых режимов в российском законодательстве и правовой науке / С. Н. Братановский // Гражданин и право. 2012. – № 11. С. 12-23.
6. Катинская Е.С Административно-правовая трансформация: о влиянии на современное понимание и классификацию административно-правовых режимов // Е.С. Катинская // Административное право и процесс. 2024. № 12. С. 82-85.
7. Конституционные основы чрезвычайных государственно-правовых режимов в Российской Федерации: учебно-методическое пособие / М. Н. Козюк, С. Н. Латышев. Издательство Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2023. – 38 с.
8. Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: вопросы теории и практики / Н. И. Матузов, А. В. Мальков // Известия вузов. Правоведение. 1996. № 37. № 1 (212). С. 16-29.
9. Мелехин А. В. Особые правовые режимы Российской Федерации : монография. Москва, 2006. 143 с.
10. Терехов, С. А. Понятие и отраслевая принадлежность правовых режимов чрезвычайного и военного положения // Проблемы права. 2019. № 2 (71). С. 38-39.
11. Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. Москва. 1998. 798 с.

REFERENCES

1. Jurkowskij A.V., Evdokimov K.N., Derevskova V.M. Administrativnoe pravo [Jurisdictionis administrativae disciplina: opus didacticum]. Irkutsk, 2018, 300 p.

2. Alexeev, S.S. Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave [General Permissions and General Prohibitions in Soviet Law]. Moscow, 1989, 286 p.
3. Barbin, W.W. Konstitucionno-pravovoj rezhim: ponyatie i sodержanie [Regimen constitutionale: conceptio et ratio]. Biznes v zakone – Negotiis in legem. 2015, no. 3, pp. 35–38.
4. Bachrach, D.N.; Rossijskij, B.V.; Starilov, Y.N. I Administrativnoe pravo [Administrative Law]. Moscow, 2005, 800 p.
5. Bratanovsky, S.N. Ponyatie i vidy pravovyh rezhimov v rossijskom zakonodatel'stve i pravovoj nauke [The concept and types of legal regimes in Russian legislation and legal science]. Grazhdanin i pravo – Citizen and Law. 2012, no. 11, pp. 12–23.
6. Katinskaja, E.S. Administrativno-pravovaya transformaciya: o vliyanii na sovremennoe ponimanie i klassifikaciju administrativno-pravovyh rezhimov [Administrative and Legal Transformation: On the Influence on the Modern Understanding and Classification of Administrative and Legal Regimes]. Administrativnoe pravo i process – Administrative Law and Procedure. 2024, no. 12, pp. 82–85.
7. Kozyuk M.N., Latyshev S.N. Konstitucionnye osnovy chrezvychajnyh gosudarstvenno-pravovyh rezhimov v Rossijskoj Federacii [Constitutional Foundations of Extraordinary State and Legal Regimes in the Russian Federation]. Volgograd, 2023, 38 p.
8. Matuzov, N.I.; Mal'ko, A.V. Pravovye rezhimy: voprosy teorii i praktiki [Legal Regimes: Issues of Theory and Practice]. Izvestiya vuzov. Pravovedenie – Izvestiya Vuzov. Jurisprudence. 1996, no. 37, no. 1 (212), pp. 16–29.
9. Melechin, A.V. Osobyje pravovye rezhimy Rossijskoj Federacii [Special legal regimes of the Russian Federation]. Moscow, 2006, 143 p.
10. Terechov, S.A. Ponyatie i otraslevaya prinalozhnost' pravovyh rezhimov chrezvychajnogo i voennogo polozheniya [The concept and sectoral affiliation of legal regimes of emergency and martial law]. Problemy prava – Problems of Law. 2019, no. 2 (71), pp. 38–39.
11. Tikhomirov, Yu.A. Kurs administrativnogo prava i processa [Course in Administrative Law and Procedure]. Moscow 1998, 798 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванова Елена Леонидовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, 664035, Иркутск, ул. Шевцова 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivanova Elena Leonidovna, Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the chair of state and law disciplines Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 664035, Irkutsk, Shevtsova str. 1.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 20.06.2025; принята к публикации 25.07.2025.

The article was submitted 19.05.2025; approved after reviewing 20.06.2025; accepted for publication 25.07.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 3 (114). С. 87–100.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 3 (114). Pp. 87–100.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья

УДК 342.951

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТ. 6.24 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Куцкель Максим Вячеславович

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация,
maks-95-09@mail.ru

Введение: в статье рассмотрены проблемные аспекты деятельности полиции по квалификации и осуществлению производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.24 КоАП РФ. Изучено законодательство субъектов РФ, касающееся установления дополнительных ограничений для курения табака и потребления никотиносодержащей продукции.

Материалы и методы: нормативная основа статьи включает в себя Конституцию Российской Федерации, законодательство об административных правонарушениях, нормативные акты, регламентирующие сферу защиты здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, правовые позиции высших судебных инстанций, а также решения судов общей юрисдикции. Методологической основой являются диалектический метод научного познания, методы сравнения, анализа, толкования и интерпретации.

Результаты исследования: в ходе проведенного анализа выявлены актуальные проблемы деятельности органов внутренних дел, связанные с доказыванием совершения административного правонарушения, выражающегося в нарушении п. 4 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 23.02.2013 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака». Рассмотрена практика субъектов Российской Федерации по вопросам установления дополнительных ограничений, выявлено нарушение федерального законодательства.

Выводы и заключения: в качестве выводов исследования отметим нередкое отсутствие понимания гражданами и сотрудниками полиции по вопросу определения мест, запрещенных для курения табака и потребления никотиносодержащей продукции, целесообразность и законность применения измерительных приборов при

документировании правонарушения, заключающегося в нарушении п. 4 ч. 1 ст. 12 Федерального закона, а также неправомерную квалификацию по ст. 6.24 КоАП РФ действий, заключающихся в курении табака в местах, запрещенных законами субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: административная ответственность, курение табака, потребление никотиносодержащей продукции, правонарушение, законы субъектов РФ.

Для цитирования. Куцкель М. В. Актуальные вопросы применения органами внутренних дел административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ст. 6.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114). С. 87–100.

5.1.2. Public law (public law) sciences

Original article

TOPICAL ISSUES OF THE APPLICATION BY INTERNAL AFFAIRS BODIES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR AN OFFENSE PROVIDED FOR IN ARTICLE 6.24 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Maxim V. Kutskel

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation, makc-95-09@mail.ru

Introduction: the article discusses problematic aspects of the police's activities in the qualification and conduct of proceedings in cases of administrative offenses provided for in art. 6.24 of the Administrative Code of the Russian Federation. The legislation of the subjects of the Russian Federation concerning the establishment of additional restrictions on tobacco smoking and consumption of nicotine-containing products has been studied.

Materials and Methods: the normative basis of the article includes the Constitution of the Russian Federation, legislation on administrative offenses, regulations governing the protection of citizens' health from exposure to ambient tobacco smoke, the legal positions of higher courts, as well as decisions of courts of general jurisdiction. The methodological basis is the dialectical method of scientific cognition, methods of comparison, analysis, interpretation and interpretation.

The Results of the Study: during the analysis, the actual problems of the activities of internal affairs bodies related to proving the commission of an administrative offense, expressed in violation of clause 4, Part 1, Article 12 of Federal Law No. 15-FZ dated 02/23/2013 "On Protecting the health of Citizens from exposure to ambient tobacco Smoke and the consequences of tobacco consumption", were identified. The practice of the subjects

of the Russian Federation on the establishment of additional restrictions is reviewed, and violations of federal legislation are revealed.

Findings and Conclusions: as the conclusions of the study, we note the frequent lack of understanding among citizens and police officers on the issue of determining places prohibited for smoking tobacco and consuming nicotine-containing products, the expediency and legality of using measuring instruments in documenting offenses involving violations of Clause 4, Part 1, Article 12 of the Federal Law, as well as improper qualifications under Article 6.24 of the Administrative Code Russian Federation of actions involving smoking tobacco in places prohibited by the laws of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: administrative responsibility, tobacco smoking, consumption of nicotine-containing products, offense, laws of the subjects of the Russian Federation.

For citation: Kutskel M. V. Aktual'nye voprosy primeneniya organami vnutrennih del administrativnoj otvetstvennosti za pravonarushenie, predusmotrennoe st. 6.24 KOAP RF [Actual issues of the application by internal affairs bodies of administrative responsibility for an offense under art. 6.24 of the Administrative Code of the Russian Federation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 3 (114), pp. 87–100.

Защита здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака является одним из приоритетных направлений современной государственной политики Российской Федерации в сфере здравоохранения. Принятие Федерального закона от 23.02.2013 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» стало важнейшим этапом в формировании комплексного правового механизма противодействия табачной эпидемии в России.

С начала 2000-х годов мировым сообществом признается крайняя пагубность воздействия табачного дыма на организм человека. Заключенная в г. Женеве 21 мая 2003 года Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака поставила серьезные, требующие включенности и активных действий от каждого государства, цели и задачи, связанные с минимизацией оказания воздействия на здоровье населения от последствий потребления табака. «Защита нынешнего и будущих поколений от разрушительных последствий для здоровья людей...»¹ – данная цель, безусловно, отражает масштаб проблемы и значимость решительных действий. Достижению указанной цели способствует широкий интерес ученых к проблеме совершенствования и повышения эффективности антитабачного законодательства [1; 2; 3].

Актуальность данного исследования обусловлена и тем, что, несмотря на принимаемые меры, проблема табакокурения продолжает оставаться одной из наиболее острых угроз общественному здоровью [4, С. 73; 5, С. 293]. По данным Всемирной организации здравоохранения, употребление табака является причиной преждевременной смерти более 8 миллионов человек ежегодно во всем мире.

¹ Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака : Заключена в г. Женеве 21.05.2003, ст. 3.

В Российской Федерации, согласно официальной статистике, от болезней, связанных с табакокурением, ежегодно умирает около 300 тысяч человек².

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать эффективность существующих правовых механизмов защиты здоровья граждан от воздействия табачного дыма и потребления табака, выявить проблемные аспекты правоприменительной практики и предложить пути совершенствования действующего законодательства в данной сфере. Особое внимание уделяется анализу правоприменительной практики по реализации положений Федерального закона № 15-ФЗ и оценке результативности установленных им ограничений и запретов в области охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма.

Перейдем к анализу наиболее актуальных правовых и организационных проблем, связанных с защитой здоровья граждан от воздействия табачного дыма.

Федеральный закон № 15-ФЗ устанавливает перечень мест, запрещенных для курения табака и потребления никотинсодержащей продукции. Так, под запрет попали такие места как образовательные, медицинские учреждения и их территории, пассажирские платформы, железнодорожные вокзалы, автовокзалы, аэропорты, станции метро и др. Отметим отсутствие запрета курения табака во всех общественных местах, в то время как указанные в Федеральном законе места свободны от курения табака на всей территории государства, однако не являются исчерпывающими [6, С. 29]. В зависимости от географических, культурных и иных особенностей органы государственной власти субъектов РФ наделены полномочиями по установлению дополнительных ограничений, зачастую связанных именно с расширением перечня подобных мест (ч. 6 ст. 12).

Следует обратить внимание на отдельные особенности квалификации, вытекающие из ст. 12 Федерального закона.

Во-первых, расстояние от объектов, представляющих собой свободные от курения табака и потребления никотинсодержащей продукции, предусмотрено исключительно для железнодорожных, авто-, авиавокзалов, станций метрополитена. Проведенный опрос сотрудников наружных служб полиции показывает, что установленная п. 4 ч. 1 ст. 12 Федерального закона пятнадцатиметровая дистанция зачастую распространяется ими применительно к другим местам, указанным в перечне [7, С. 111]. Опрошенные граждане, зачастую имеющие юридическое образование, также указали на наличие законодательного запрета курения табака на определенном расстоянии от указанных в ст. 12 общественных мест. Вместе с тем расстояние от определенных объектов и зданий может быть установлено законом субъекта Российской Федерации (что исключает возможность привлечения к административной ответственности по ст. 6.24 КоАП РФ) [8, С. 63].

Приведем пример из судебной практики. Судьей Ромодановского районного суда Республики Мордовия отменено постановление о привлечении к

² Онищенко: Мы теряем около 300 тысяч жизней по причинам табакокурения // Рамблер/доктор: [сайт]. – URL: https://doctor.rambler.ru/healthyife/52853303/?utm_content=doctor_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 11.03.2025).

административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 6.24 КоАП РФ, гражданина С. А. С., потреблявшего электронную сигарету на расстоянии менее пятнадцати метров от входа в административное здание УФИЦ ФКУ ИК-6 УФСИН России по Республике Мордовия³.

Отметим также незаконность привлечения к административной ответственности по ст. 6.24 КоАП РФ за курение табака в местах приближенных, но не идентичных перечисленным в Федеральном законе: «Описанное в протоколе об административном правонарушении в отношении К. А. А. место совершения правонарушения (пешеходный виадук) не поименовано в числе помещений в вышеуказанном Федеральном законе»⁴.

На указанную проблему было обращено внимание уже более десяти лет назад, однако до настоящего времени в правоприменительной практике встречаются аналогичные ситуации [9, С. 279].

Во-вторых, возникает закономерный вопрос о сборе необходимого доказательственного материала по делу об административном правонарушении. Вопросы доказывания уже становились объектом научного внимания ученых [10, С. 170; 11, С. 79]. Однако видится целесообразным уделить внимание доказыванию в случае нарушения п. 4 ч. 1 ст. 12 Федерального закона.

Анализ статей 24.1, 26.1, 26.11 КоАП РФ позволяет говорить о необходимости установления всех обстоятельств дела законно полученными доказательствами, подтверждающими факт совершения административного правонарушения конкретным лицом в конкретном месте. При этом отсутствие данных о месте совершения административного правонарушения, как и о времени, разъяснении прав лицам, участвующим в производстве, является существенным нарушением административного законодательства. Указанное не раз являлось предметом рассмотрения высших судебных инстанций Российской Федерации.

Среди элементов состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.24 КоАП РФ, следует отдельное внимание уделять установлению места совершения правонарушения и предмету.

Как уже было отмечено, ст. 12 Федерального закона посвящена местам, запрещенным для курения табака и потребления никотиносодержащей продукции. Подтверждение совершения правонарушения в конкретном месте наиболее часто находит свое отражение в рапорте сотрудника полиции о выявлении признаков административного правонарушения, протоколе об административном правонарушении, видеозаписи с персонального носимого устройства регистрации

³ Решение по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении Ромодановского районного суда Республики Мордовия от 11.11.2022 № 12-11/2022 // Судебные решения РФ : [сайт]. – URL: <https://судебныерешения.рф> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴ Решение судьи Холмского городского суда Сахалинской области от 24.12.2021 № 12-128/2021г. // Судебные решения РФ : [сайт]. – URL: <https://судебныерешения.рф> (дата обращения: 11.03.2025).

информации «ДОЗОР» и иных камер видеонаблюдения, признаваемых в соответствии со ст. 26.7 КоАП РФ документами.

Совокупность указанных материалов позволяет подтвердить место совершения правонарушения при курении, например, на территории образовательной организации, в общественном транспорте. Однако вызывает затруднение доказывание факта нарушения запрета, установленного п. 4 ч. 1 ст. 12 Федерального закона, ввиду необходимости установления точной границы противоправности «на расстоянии менее чем пятнадцать метров от входов в...». Подобная формулировка в своем буквальном толковании обязывает должностных лиц точно и четко указывать место, на котором находилось лицо во время курения или потребления никотиносодержащей продукции.

В настоящее время место совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.24 КоАП РФ, устанавливается сотрудниками полиции различными способами и техническими средствами. В качестве наиболее распространенных способов отметим:

- указание на место в протоколе административного правонарушения;
- подтверждение факта совершения правонарушения в указанном месте свидетелями;
- указание на место курения в схеме вокзала.

Указанные способы представляются наиболее целесообразными и отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам по делу об административном правонарушении. Вместе с тем судебные инстанции в случае обжалования постановления по делу нередко твердят о недостаточности таких средств доказывания.

Так, в решении судьи Магаданского городского суда по жалобе на постановление оперативного дежурного Линейного отдела полиции указано, что должностным лицом в материалы дела не представлено доказательств, подтверждающих, что Ю. И. Р. совершено курение табака на расстоянии менее чем пятнадцать метров от входа в помещение аэропорта Магадан (Сокол), нет доказательств замеров расстояния нахождения Юнусова И. Р. от входа в помещение аэропорта⁵.

Несмотря на отсутствие данных об измерении расстояния от входа в здание аэропорта, судья Дзержинского районного суда г. Волгограда принимает в качестве допустимого и достоверного доказательства схему вокзала, на которой «со всей очевидностью усматривается, что ФИО курила на расстоянии менее 15 метров от входа в указанное здание»⁶.

Принимая во внимание положения ст. 26.11 КоАП РФ, касающиеся оценки доказательств в соответствии с внутренним убеждением, считаем не вполне обоснованным наличие столь разрозненных представлений правоприменителей

⁵ Решение судьи Магаданского городского суда от 22.02.2023 № 12-52/2023 // Судебные решения РФ : [сайт]. – URL: <https://судебныерешения.рф> (дата обращения: 21.04.2025).

⁶ Решение по жалобе на постановление о привлечении к административной ответственности судьи Дзержинского районного суда г. Волгограда от 28.04.2023 № 12-171/2023 // Судебные решения РФ : [сайт]. – URL: <https://судебныерешения.рф> (дата обращения: 21.04.2025).

относительно совокупности доказательств, необходимых для установления факта совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.24 КоАП РФ.

Отметим, что измерение расстояний в административной практике применяется нередко, однако единого способа его осуществления для всех подразделений органов внутренних дел до настоящего времени не установлено. Законность и необходимость использования сертифицированного измерительного прибора типа «курвиметр полевой» однозначно закреплена в правовых актах по отношению к подразделениям ГИБДД, что подтверждается пп. «м» п. 12 Указа Президента РФ от 15.06.1998 № 711 «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.09.2016 № 969 «Об утверждении требований к функциональным свойствам технических средств обеспечения транспортной безопасности и Правил обязательной сертификации технических средств обеспечения транспортной безопасности».

Вместе с тем анализ приказа МВД России от 08.11.2012 г. № 1014 «Об утверждении Перечня измерений, относящихся к сфере государственного регулирования обеспечения единства измерений и обязательных метрологических требований к ним» позволяет сделать вывод о возможности использования измерительных приборов в следующих сферах:

1. Выполнение работ по обеспечению безопасных условий и охраны труда.
2. Осуществление деятельности в области обороны и безопасности государства.
3. Выполнение работ по оценке соответствия промышленной продукции и продукции других видов, а также иных объектов установленным законодательством Российской Федерации обязательным требованиям.
4. Выполнение поручений суда, органов прокуратуры, государственных органов исполнительной власти.
5. Осуществление мероприятий государственного контроля (надзора).

Именно с последней сферой и связано измерение линейных расстояний (п. 148.3) с использованием измерительных приборов, максимально допустимая погрешность которых равна ± 3 мм. Однако под действие вышеуказанного постановления Правительства Российской Федерации от 26.09.2016 № 969 названные измерения, как видится, не подпадают.

При этом нередко должностными лицами линейных подразделений полиции используются средства измерения, имеющие свидетельство о поверке. Так, сотрудником полиции проводилось измерение расстояния «посредством измерительного прибора – рулетки измерительной металлической, имеющей свидетельство о поверке № сроком действия до 26 октября 2023 года, произведены замеры расстояния от центрального входа в помещение <адрес> до места совершения административного правонарушения»⁷.

Следует также отметить, что осуществление измерения пятнадцатиметрового расстояния от входов в помещения, указанные в п. 4 ст. 12 Федерального закона

⁷ Решение Южно-Сахалинского городского суда Сахалинской области от 17.07.2023 № 12-531/2023 // Судебные решения РФ : [сайт]. – URL: <https://судебныерешения.рф> (дата обращения: 21.04.2025).

№15-ФЗ, осуществляется преимущественно сотрудниками патрульно-постовой службы полиции, в техническое оснащение которых не входит обеспечение измерительными средствами, что не исключает возможности использования последних при документировании отдельных административных правонарушений⁸.

Обобщая вышеизложенное, следует заметить, что проведение измерительных работ в целях документирования административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.24 КоАП РФ, в действующем законодательстве не имеет четкого регулирования, однако не исключается и является действенным способом доказывания нарушения запрета, установленного п. 4 ч. 1 ст. 12 Федерального закона № 15-ФЗ.

В-третьих, наиболее значимой проблемой, влекущей незаконность привлечения лиц к административной ответственности за курение табака, является непоследовательность субъектов Российской Федерации в установлении соответствующих ограничений.

Как известно, ч. 6 ст. 12 Федерального закона № 15-ФЗ позволяет органам государственной власти субъектов РФ устанавливать дополнительные ограничения на курение табака и потребления никотинсодержащей продукции. Данное право активно используется указанными органами, дополняя перечень запрещенных мест парковками, подземными гаражами⁹, подземными станциями скоростного трамвая, нежилыми помещениями многоквартирных домов¹⁰ и др.

⁸ Об утверждении норм и порядка обеспечения некоторыми материально-техническими средствами органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 14.06.2022 № 418 (ред. от 22.10.2024) // СПС КонсультантПлюс.; Об утверждении нормативных затрат на обеспечение функций МВД России и подведомственных казенных учреждений в части закупок товаров, работ, услуг : распоряжение МВД России от 17.12.2020 № 1/14287 (ред. от 20.02.2023) // СПС КонсультантПлюс.; Об утверждении нормативных затрат на обеспечение функций МВД России и подведомственных казенных учреждений в части закупок товаров, работ, услуг : распоряжение МВД России от 13.07.2018 № 1/7962 // СПС КонсультантПлюс.; Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России : приказ МВД России от 28.06.2021 № 495 // СПС КонсультантПлюс.

⁹ О регулировании отдельных вопросов в сфере охраны здоровья населения от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции : закон Белгородской области от 4 декабря 2013 года № 241 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 21.04.2025).

¹⁰ О регулировании отдельных вопросов в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции на территории Волгоградской области : закон Волгоградской области от 28 ноября 2017 года № 115-ОД // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 21.04.2025).

Статьей 23 вышеназванного закона установлено, что за его нарушение ответственность наступает в соответствии с законодательством Российской Федерации, а именно КоАП РФ, ГК РФ и ТК РФ.

При этом, устанавливая дополнительные ограничения, законодатели субъектов РФ зачастую не закрепляют соответствующую норму, предусматривающую ответственность за нарушение закона субъекта. Указанное является прямым нарушением Положений Федерального закона № 15-ФЗ. В подтверждение сказанному приведем выдержку из диспозиции ст. 6.24 КоАП РФ: «Нарушение установленного *федеральным законом* запрета курения табака...» (курсив мой. – М. К.). Таким образом, единственно верным правовым средством противодействия нарушению «антитабачного» законодательства субъекта РФ является статья закона субъекта об административных правонарушениях. К примеру, Закон Республики Башкортостан от 3 июля 2013 г. № 707-з устанавливает запрет курения табака на остановках общественного транспорта, а ст. 3.11 Кодекса Республики Башкортостан от 23 июня 2011 г. № 413-з предусматривает ответственность за нарушение упомянутого запрета. Аналогичная правовая ситуация действует в Красноярском крае, Республике Саха (Якутия)¹¹, Удмуртской Республики¹², Алтайском крае¹³ и др.

Как негативную следует отметить практику субъектов РФ, в которых установлены исключительно дополнительные ограничения на курение табака и

¹¹ Об установлении дополнительных ограничений курения табака, потребления никотинсодержащей продукции в отдельных общественных местах и в помещениях на территории Республики Саха (Якутия) : закон Республики Саха (Якутия) от 26 июня 2024 г. 2755-З № 185-VII // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 21.04.2025). ; Кодекс Республики Саха (Якутия) об административных правонарушениях : закон Республики Саха (Якутия) от 14 октября 2009 г. 726-З № 337-IV // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 21.04.2025).

¹² Об установлении дополнительных ограничений курения табака, потребления никотинсодержащей продукции, использования кальянов в отдельных общественных местах на территории Удмуртской Республики и о внесении изменений в Закон Удмуртской Республики «Об установлении административной ответственности за отдельные виды правонарушений» : закон Удмуртской Республики от 8 апреля 2019 г. № 13-ПЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 21.04.2025). Об административных правонарушениях : закон Удмуртской Республики от 13 октября 2011 г. № 57-ПЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 21.04.2025).

¹³ О регулировании отдельных отношений в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака на территории Алтайского края : закон Алтайского края от 3 мая 2017 г. № 28-ЗС // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 21.04.2025); Об административной ответственности за совершение правонарушений на территории Алтайского края : закон Алтайского края от 10 июля 2002 г. № 46-ЗС // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 21.04.2025).

потребление никотиносодержащей продукции, не касаясь вопросов установления ответственности за их нарушение. Подобная ситуация сложилась в Чувашской Республике¹⁴, Волгоградской области¹⁵, Воронежской области¹⁶ и других регионах Российской Федерации.

Подобное правовое регулирование и правоприменительная практика не соответствуют основополагающим общеправовым принципам, в частности, принципу правовой определенности закона. Как не единожды отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, необходимо исключить двусмысленность и противоречивость квалификации (вменения), чтобы лицо, привлекаемое к административной ответственности, и иные заинтересованные лица понимали, в силу какого закона и каких обстоятельств для нарушителя наступают определенные негативные правовые последствия.¹⁷ Что и было реализовано при обжаловании постановления по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.24 КоАП РФ, по факту

¹⁴ Об установлении дополнительных ограничений курения табака в отдельных общественных местах и в помещениях : постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 13 апреля 2016 г. № 108 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 21.04.2025).

¹⁵ О регулировании отдельных вопросов в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака на территории Волгоградской области : Закон Волгоградской области от 28 ноября 2017 г. № 115-ОД // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 21.04.2025).

¹⁶ О регулировании отдельных отношений в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотиносодержащей продукции в Воронежской области : закон Воронежской области от 6 марта 2014 г. № 20-ОЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 21.04.2025).

¹⁷ По делу о проверке конституционности положения подпункта 3 пункта 2 статьи 106 Воздушного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Авиационная компания «Полет» и открытых акционерных обществ «Авиакомпания «Сибирь» и «Авиакомпания «Ютэйр» : постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2011 № 29-П // СПС КонсультантПлюс. ; По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье» : постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П// СПС КонсультантПлюс. ; По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н.Д. Вордена и П.Д. Олдхэма : постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2017 № 22-П // СПС КонсультантПлюс.

курения табачных изделий на остановке общественного транспорта в Чувашской Республике¹⁸.

Подводя итог исследованию, отметим, что несмотря на распространенность противоправных деяний, касающихся курения табака и потребления никотиносодержащей продукции в запрещенных местах, а также первоначальной «простоты» состава правонарушения, в правоприменительной практике присутствует значительное количество проблем, снижающих эффективность полицейской деятельности и уровня охраны здоровья граждан. В качестве рекомендаций выделим следующее:

1. Необходимость повышения правовой грамотности правоприменителей в вопросах квалификации и осуществления производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.24 КоАП РФ и законами субъектов РФ.

2. При выявлении нарушения п. 4 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 23.02.2013 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» сотрудникам полиции рекомендуется применять измерительные приборы.

3. В случае установления дополнительных ограничений на курение табака и потребления никотиносодержащей продукции в порядке ч. 6 ст. 12 Федерального закона № 15-ФЗ, органам государственной власти субъектов РФ следует дополнять законы об административных правонарушениях нормой об ответственности за нарушения указанных ограничений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Покареева, М. А. Проблемы привлечения несовершеннолетних к административной ответственности за курение табака и потребление никотиносодержащей продукции. Актуальные проблемы публичного права : Сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции, Владимир, 17 ноября 2022 года. Владимир : КопиА-Сервис, 2023. Т. 17. С. 265-267.

2. Иванов, А. Ю. К вопросу о перспективе реализации законодательной инициативы об административной ответственности за курение водителем транспортного средства // NovaUm.Ru. 2018. № 14. С. 211-212.

3. Верховлядов, Я. Е. Особенности квалификации административного правонарушения по статье 6.24 КоАП РФ / Я. Е. Верховлядов, Е. А. Федяев // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2023 года / под общ. ред. А. И. Каплунова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 297-304.

4. Чумоватов, Н. В. Нарушение бронхиальной проходимости при туберкулезе легких и курении табака / Н. В. Чумоватов, Г. М. Сахарова, Н. С. Антонов [и др.] //

¹⁸ Решение Шумерлинского районного суда Чувашии от 05.12.2017 № 12-68/2017 // Судебные решения РФ : [сайт]. – URL: <https://судебныерешения.рф> (дата обращения: 21.04.2025).

Сибирское медицинское обозрение. 2024. № 1(145). С. 72-80. DOI: 10.20333/25000136-2024-1-72-80.

5. Тишков, Д. С. Влияние курения табака на микрофлору полости рта. Университетская наука: взгляд в будущее : Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 81-летию Курского государственного медицинского университета и 50-летию фармацевтического факультета. В 3-х томах, Курск, 04–06 февраля 2016 года. Курск : Курский государственный медицинский университет, 2016. С. 291-294.

6. Федяев, Е. А. Общая характеристика составов и квалификация отдельных видов административных правонарушений, подведомственных участковым уполномоченным полиции : учебно-практическое пособие / Е. А. Федяев, Я. Е. Верховлядов. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2023. 76 с. – ISBN 978-5-94552-524-5.

7. Куцкель, М. В. Проблемные аспекты правового регулирования запрета курения табака и потребления никотиносодержащей продукции / М. В. Куцкель // Эпоха науки. 2023. № 36. С. 109-112.

8. Гришаков, А. Г. Ответственность за курение табака в многоквартирных домах: административно-правовой аспект на примере деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции / А. Г. Гришаков // Алтайский юридический вестник. 2024. № 2(46). С. 61-67.

9. Федяев, Е. А. Привлечение к административной ответственности за курение табака в общественных местах / Е. А. Федяев, В. В. Тырышкин // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 15-1. С. 278-280.

10. Никоноров, Е. А. Юридическая ответственность за нарушение антитабачного законодательства в Российской Федерации / Е. А. Никоноров, А. А. Никоноров // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 169-172.

11. Запаренко, А. М. Производство по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 6.23 и 6.24 КоАП РФ, участковыми уполномоченными полиции и инспекторами по делам несовершеннолетних / А. М. Запаренко, Н. А. Клевцова, И. А. Грозан // Научный портал МВД России. 2017. № 3(39). С. 76-82.

REFERENCES

1. Pokareeva, M. A. [Problems of bringing minors to administrative responsibility for tobacco smoking and consumption of nicotine-containing productsAktual'nye problemy publichnogo prava : Sbornik nauchnyh trudov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Actual problems of public law : Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference]. Vladimir, 2023, vol. 17, pp. 265-267.

2. Ivanov, A. Y. K voprosu o perspektive realizacii zakonodatel'noj iniciativy ob administrativnoj otvetstvennosti za kurenie voditelem transportnogo sredstva [On the issue of the prospect of implementing a legislative initiative on administrative responsibility for smoking by a vehicle driver]. NovaUm.Ru. 2018, no. 14, pp. 211-212.

3. Verkhoglyadov, Ya. E. Osobennosti kvalifikacii administrativnogo pravonarusheniya po stat'e 6.24 KoAP RF. Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava (Sorokinskie chteniya) : Sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Features of the qualification of an administrative offense under Article 6.24 of the Administrative Code of the Russian Federation. Actual problems of administrative and administrative procedural law (Sorokin readings) : Collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference]. Saint Petersburg, 2023, pp. 297-304.

4. Chumovатов, N. V. Narushenie bronhial'noj prohodimosti pri tuberkulyoze legkih i kurenii tabaka [Violation of bronchial patency in pulmonary tuberculosis and tobacco smoking]. Sibirskoe medicinskoe obozrenie – Siberian Medical Review. 2024, no. 1(145), pp. 72–80. DOI: 10.20333/25000136-2024-1-72-80.

5. Tishkov, D. S. Vliyanie kurenija tabaka na mikrofloru polosti rta Universitetskaya nauka: vzglyad v budushchee: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 81-letiyu Kurskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta i 50-letiyu farmacevticheskogo fakul'teta. V 3-h tomah [The influence of tobacco smoking on the microflora of the oral cavity. University science: a look into the future: Proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the 81st anniversary of Kursk State Medical University and the 50th anniversary of the Faculty of Pharmacy. In 3 volumes]. Kursk, 2016, Pp. 291-294.

6. Fedyaev, E. A. Obshchaya harakteristika sostavov i kvalifikaciya otдел'nyh vidov administrativnyh pravonarushenij, podvedomstvennyh uchastkovym upolnomochennym policii : uchebno-prakticheskoe posobie [General characteristics of the structures and qualifications of certain types of administrative offenses subordinate to district police officers: an educational and practical guide]. Barnaul, 2023, 76 p. ISBN 978-5-94552-524-5.

7. Kutsel, M. V. Problemnye aspekty pravovogo regulirovaniya zapreta kurenije tabaka i potrebleniya nikotinsoderzhashchej produkcii. Problematic aspects of the legal regulation of tobacco smoking and consumption of nicotine-containing products. Epoha nauki – Epoch of Science. 2023, no. 36, pp. 109-112.

8. Grishakov, A. G. Otvetstvennost' za kurenije tabaka v mnogokvartirnyh domah: administrativno-pravovoj aspekt na primere deyatel'nosti podrazdelenij uchastkovykh upolnomochennykh policii [Responsibility for tobacco smoking in apartment buildings: an administrative and legal aspect on the example of the activities of police district police officers]. Altajskij yuridicheskij vestnik – Altaisky yuridicheskij vestnik. 2024, no. 2 (46), pp. 61-67.

9. Fedyaev, E. A. Privlechenie k administrativnoj otvetstvennosti za kurenije tabaka v obshchestvennyh mestah [Bringing to administrative responsibility for smoking tobacco in public places]. Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami – Actual problems of combating crimes and other offenses. 2015, no. 15-1, pp. 278-280.

10. Nikonorov, E. A. YUridicheskaya otvetstvennost' za narushenie antitabachnogo zakonodatel'stva v Rossijskoj Federacii [Legal responsibility for violation of anti-smoking legislation in the Russian Federation]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii –

Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017, no. 2, pp. 169-172.

11. Zaparenko, A.M. Proizvodstvo po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah, predusmotrennyh stat'yami 6.23 i 6.24 KoAP RF, uchastkovymi upolnomochennymi policii i inspektorami po delam nesovershennoletnih [Proceedings in cases of administrative offenses provided for in Articles 6.23 and 6.24 of the Administrative Code of the Russian Federation, by district police officers and inspectors for minors]. Nauchnyj portal MVD Rossii – Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017, no. 3 (39), pp. 76-82.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куцкель Максим Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Сибирский юридический институт МВД России. 660131, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kutskel Maxim Vyacheslavovich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs. Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 660131, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Rokossovskiy str., 20.

Статья поступила в редакцию 19.03.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 21.07.2025.

The article was submitted 19.03.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication 21.07.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3 (114). С. 101–121.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no. 3 (114). p. 101–121.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 342.5

НЕНОРМИРОВАННЫЙ СЛУЖЕБНЫЙ ДЕНЬ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

**Ольшевский Андрей Витальевич¹, Рябов Евгений Вячеславович², Школа Оксана
Вадимовна³**

^{1,3}Договорно-правовой департамент Федеральной службы войск национальной гвардии
Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

²Договорно-правовой департамент МВД России, Москва, Российская Федерация

¹ols24@yandex.ru

²ryabov-evgen@mail.ru

³ovsjanka@inbox.ru

Введение. В статье авторами подробно проанализировано нормативное регулирование и практическая реализация ненормированного служебного (рабочего) дня как одного из видов работы за пределами нормальной продолжительности служебного времени, а также компенсаций, связанных с его установлением. При этом авторы исследуют вопросы реализации данной особенности организации прохождения службы в отношении сотрудников органов внутренних дел во взаимосвязи с сотрудниками иных правоохранительных органов и военнослужащими, а также работниками, осуществляющими деятельность на основании трудового договора. Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения баланса между интересами службы и защитой социальных прав сотрудников, привлеченных к выполнению обязанностей за пределами нормальной продолжительности служебного времени.

Материалы и методы. Исследование базируется на положениях трудового законодательства, законодательства о службе, связанной с правоохранительной деятельностью, и военной службе, ведомственных нормативных актов МВД России и других федеральных органов исполнительной власти. Используются методы правового анализа, сравнительного правоведения, системно-структурного и формально-юридического подходов, а также такие научные приемы и средства, как обобщение правоприменительной практики и научной литературы по рассматриваемому вопросу.

Результаты исследования. Авторами выявлены особенности нормативного регулирования ненормированного служебного дня в системе МВД России, в том числе рассмотрены ключевые аспекты эволюции данного служебного института, основания установления, перечни должностей и порядок предоставления дополнительных социальных гарантий лицам, привлекаемым к выполнению служебных обязанностей за пределами нормальной продолжительности служебного времени. Отдельное внимание уделено спорным вопросам правоприменения, в частности определению эпизодичности переработки, допустимого объема нагрузки и порядка документального оформления. Подчеркнута необходимость недопущения подмены ненормированного времени сверхурочной работой и предложено развитие унифицированного межведомственного подхода к регулированию данного института.

Выводы и заключения. Проведенное исследование позволило сделать выводы о необходимости применения режима ненормированного служебного дня как действенного инструмента реагирования на изменение оперативной обстановки, снижения документационной нагрузки и защиты прав сотрудников, привлекаемых к такой работе, на отдых. Подчеркнута важность сохранения правового баланса между интересами службы и трудовыми правами сотрудников, предложены подходы к определению периодичности привлечения рассматриваемых категорий лиц к работе за пределами установленной продолжительности служебного времени в целях сбережения личного состава и сохранения на службе квалифицированных кадров. С учетом выявленных острых аспектов правоприменения авторами было предложено рассмотреть вопрос о возможности разработки консолидированного акта, регулирующего применение рассматриваемого режима в правоохранительных и военных ведомствах.

Ключевые слова: ненормированный служебный день, служебное время, переработка, дополнительный отпуск, право на отдых, правоохранительная служба, правовое регулирование, социальные гарантии

Для цитирования: Ольшевский, А. В., Рябов, Е.В., Школа, О. В. Ненормированный служебный день: правовое регулирование и правоприменительная практика в органах внутренних дел // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3 (114). С. 101–121.

5.1.2. Public Law Sciences (legal sciences)

Original article

IRREGULAR WORKING HOURS: LEGAL REGULATION AND ENFORCEMENT OF LAW IN INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

Andrei V. Olshevskiy¹, Evgeny V. Ryabov², Oksana V. Shkola³

^{1,3} Legal Department of the National Guard Troops Federal Service of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² Legal Department Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

¹ ols24@yandex.ru, ² ryabov-evgen@mail.ru, ³ ovsjanka@inbox.ru

Introduction. The article offers a detailed analysis of both the regulatory framework and the practical implementation of the irregular working-hours regime – one form of duty performed beyond the standard length of the service day – as well as the compensatory guarantees linked to it. The authors examine how this special service regimen is applied to officers of the Internal Affairs bodies in conjunction with personnel of other law-enforcement agencies, military servicemembers, and employees working under labour contracts. The topic's relevance stems from the need to strike a balance between operational demands and the protection of labour rights for staff assigned duties beyond normal service time.

Materials and Methods. The research draws upon provisions of labour legislation, laws governing civil and military service, and ministerial regulations issued by the Ministry of Internal Affairs of Russia and other federal executive bodies. The methodological toolkit includes legal analysis, comparative-law, systems-structural and formal-legal approaches, supplemented by a synthesis of law-enforcement practice and scholarly literature on the subject.

The Results of the Study. The authors identify the distinctive features of the regulatory treatment of the irregular working day within the Ministry of Internal Affairs, tracing the evolution of this service institution, its legal bases, the lists of positions covered, and the procedure for granting additional social guarantees to personnel called upon to serve beyond the standard duty schedule. Particular attention is paid to contentious enforcement issues – namely, defining the episodic nature of overtime, establishing permissible workload volumes, and documenting such work. The study emphasizes the need to avoid substituting irregular hours for ordinary overtime and advocates the development of a unified inter-agency approach to regulating this institution.

Findings and Conclusions. The research underscores the importance of preserving a legal balance when applying the irregular working-hours regime. In light of the shortcomings revealed, the authors propose: imposing a statutory annual cap on the total number of hours personnel may be required to work beyond normal service time; drafting a consolidated act that standardises the regime's application across law-enforcement and military bodies; and introducing more advanced mechanisms for recording and monitoring service time.

Keywords: irregular working hours, service time, overtime, additional leave, right to rest, law-enforcement service, legal regulation, social guarantees.

For citation: Olshevskiy A.V., Ryabov E.V., Shkola O.V. Nenormirovannyj sluzhebnyj den': pravovoe regulirovanie i pravoprimeritel'naya praktika v organah vnutrennih del [Irregular working hours: legal regulation and law enforcement practice in law enforcement agencies]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 3 (114), pp. 101–121.

*«Часто слышим мы упреки от родных
Что работаем почти без выходных»*

*«Так назначено судьбой для нас с тобой
Служба дни и ночи»*

Слова самой известной и главной песни про милицию «Незримый бой»¹ очень точно отражают режим служебного времени как в советской милиции, российской полиции, так и в других правоохранительных органах.

Правонарушения, а тем более преступления, совершаются в любое время суток и, как правило, об их подготовке правоохранительным органам [1] заранее не известно. Различные чрезвычайные ситуации также происходят внезапно, без какого-либо графика.

Учитывая изложенное, при планировании работы подразделения любого правоохранительного органа трудно предусмотреть все возможные ситуации и детально распланировать служебное время сотрудников.

В этой связи в законодательстве имеется целый ряд инструментов, позволяющих руководству подразделений правоохранительных органов незамедлительно реагировать на изменение оперативной обстановки, например: отзыв сотрудников из отпуска, их привлечение к сверхурочной работе, в ночное время, выходные и праздничные дни, а также возможность установления ненормированного служебного дня.

В данной статье авторам хотелось остановиться именно на работе сотрудников органов внутренних дел в условиях ненормированного служебного дня.

Непосредственно сам термин «ненормированный рабочий день» и соответствующий механизм достаточно давно известен и прочно закрепился в трудовом законодательстве.

Так, уже в постановлении Народного комиссариата труда СССР от 13 февраля 1928 г. № 106 «О работниках с ненормированным рабочим днем»² был закреплён перечень категорий работников, к которым этот режим мог применяться (включал в себя лиц административного, управленческого, технического и хозяйственного персонала; лиц, труд которых не поддается учету во времени (консультанты, инструкторы, агенты и пр.); лиц, которые распределяют время для работы по своему усмотрению; лиц, рабочее время которых по характеру работы дробится на части неопределенной длительности).

При этом постановлением было предусмотрено, что списки профессий, должностей и работ, по которым допускалось применение ненормированного рабочего дня, разрабатывались соответствующим профсоюзом и хозорганом и включались в коллективный договор (пункт 2), а применение ненормированного рабочего дня в государственных учреждениях с нормированной заработной платой допускалось в отношении работников, занимающих должности, перечисленные в особых перечнях (пункт 3). Следует подчеркнуть, что такие категории работников на общих основаниях

¹ Минков, М. Незримый бой [Звукозапись] из т/ф «Следствие ведут знатоки» / слова А. Горохова ; исп.: В. Макаров; Оркестр [и др.]. – Москва : Мелодия, б.г. – 1 грп. : 33 об/мин, моно : 17 см.

² О работниках с ненормированным рабочим днем : Постановление Народного комиссариата труда СССР от 13 февраля 1928 г. № 106 // Известия НКТ СССР, № 9 - 10, 1928.

освобождались от работы в дни еженедельного отдыха, праздничные дни, за исключением случаев, особо оговоренных в трудовых или коллективных договорах или в Правилах внутреннего распорядка (пункт 5).

Названное постановление действовало на территории Российской Федерации вплоть до издания приказа Минздравсоцразвития России от 12 ноября 2009 г. № 893³. Признание его не действующим на территории Российской Федерации позволило работодателю самостоятельно определять, каким категориям работникам устанавливать режим ненормированного служебного времени [2].

Действовавшим до 1 февраля 2002 года Кодексом законов о труде⁴ порядок установления ненормированного служебного дня как одного из видов режимов рабочего времени не регламентировался. При этом сам термин упоминался в одном пункте 3 статьи 68, устанавливавшим нормы о предоставлении работникам дополнительных отпусков.

Во вступившем в силу с 1 февраля 2002 года ТК⁵ положения о ненормированном служебном дне были сформулированы в виде отдельной нормы. Так, статьей 101 ТК установлено, что ненормированный рабочий день – это особый режим работы, в соответствии с которым отдельные работники могут по распоряжению работодателя при необходимости эпизодически привлекаться к выполнению своих трудовых функций за пределами установленной для них продолжительности рабочего времени. При этом для привлечения работника, которому установлен ненормированный служебный день, к выполнению обязанностей за пределами нормальной продолжительности служебного времени не требуется согласие работника и достаточно распоряжения работодателя. Вместе с тем трудовое законодательство не регламентирует вопрос относительно формы такого распоряжения, а именно письменно или устно оно должно быть дано. В этой связи, в отличие от привлечения работника к сверхурочной работе, где требуется приказ о таком привлечении, в случае ненормированного режима рабочего времени достаточно включения такого условия в трудовой договор [2].

Рассматривая данный вопрос, хотелось бы сразу отметить, что режим ненормированного рабочего дня очень удобен работодателю (руководителю, начальнику), поскольку:

- позволяет поручать работникам выполнение работы не только в рабочее время, но и за его пределами;

³ О признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов Народного комиссариата труда РСФСР, Министерства здравоохранения РСФСР, Министерства социального обеспечения РСФСР, а также признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов Народного комиссариата труда СССР, Министерства здравоохранения СССР, Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам : Приказ Минздравсоцразвития России от 12 ноября 2009 г. № 893 // Бюллетень трудового и социального законодательства Российской Федерации, № 1, 2010.

⁴ Об утверждении Кодекса законов о труде РСФСР : Кодекс законов о труде РСФСР, утвержденный Законом РСФСР от 9 декабря 1971 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1971. № 50. ст. 1007.

⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 1 (ч. 1), ст. 3.

– данный режим не освобождает работника от ответственности за несоблюдение дисциплины и обязанности приходить на работу вовремя, равно как не дает права уходить до его окончания⁶ по своему усмотрению, поскольку не является гибким графиком рабочего времени;

– для привлечения работника к работе вне служебного времени не нужно каждый раз получать его письменное согласие. Кроме того, работник не имеет права отказаться от переработки⁷;

– при установленном ненормированном служебном дне способ обеспечения присутствия работников на работе достаточно прост в оформлении [3]. Законодательство не содержит положений, обязывающих руководство давать письменно распоряжение сотруднику о его привлечении к труду после окончания рабочего дня, что предполагает возможность устного указания сотруднику⁸.

В этой связи не вызывает удивления тот факт, что постепенно нормативное закрепление ненормированного служебного дня распространилось и на законодательство о государственной гражданской службе, а потом и на законодательство о государственной службе, связанной с правоохранительной деятельностью, и на законодательство о военной службе.

Так, в 2004 году положения о ненормированном служебном дне были перенесены из трудового законодательства в Закон о государственной гражданской службе⁹, тогда как в действовавшем до него Законе об основах государственной службы¹⁰ отсутствовали.

Для сотрудников органов внутренних дел режим ненормированного служебного дня на законодательном уровне впервые установлен Законом о службе¹¹. Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденное Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г.

⁶ О работе в режиме ненормированного рабочего дня : Письмо Федеральной службы по труду и занятости от 7 июня 2008 г. № 1316-6-1 // СПС «Гарант» : сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12061696/?ysclid=mdcl37oo1b576985166> (дата обращения 21.07.2025).

⁷ Письмо Федеральной службы по труду и занятости от 25 июня 2012 г. № 929-6-1 // СПС «Гарант» : сайт. URL : https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/97_33548?ysclid=mdcl7arz8k978824195 (дата обращения 21.07.2025).

⁸ Письмо Федеральной службы по труду и занятости от 25 июня 2012 г. № 929-6-1 // СПС «Гарант» : сайт. URL : https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/97_33548?ysclid=mdcl7arz8k978824195 (дата обращения 21.07.2025).

⁹ О государственной гражданской службе Российской Федерации : статья 45 Федерального закона от 27 июля 2004 № 79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2004, № 31, ст. 3215.

¹⁰ Об основах государственной службы Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, № 31, ст. 2990.

¹¹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2011, № 49 (ч. 1), ст. 7020.

№ 4202-I, не предусматривало установление ненормированного служебного дня сотрудникам.

После закрепления указанных норм в Законе о службе и издания в целях его реализации нормативных правовых актов подобные нормы были интегрированы и в иные акты специального и военного законодательства.

Так, аналогичные Закону о службе положения о ненормированном служебном дне закреплены и в иных законодательных актах, определяющих порядок прохождения службы в иных органах «силового» блока (ФСИН России, органах принудительного исполнения) [4].

Кроме того, статья 11 Закона о статусе военнослужащих¹² Федеральным законом от 1 июля 2017 г. № 148-ФЗ¹³ была дополнена пунктом 1¹, установившим, что для отдельных категорий военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в органах государственной охраны, другими федеральными законами может быть установлена иная, чем предусмотренная данной статьей, общая продолжительность еженедельного служебного времени (ненормированный служебный день). Так, для сотрудников органов государственной охраны, замещающих должности руководителей (начальников, командиров) и заместителей руководителей (начальников, командиров), установлен ненормированный служебный день, а также определено, что уполномоченным руководителем (начальником) ненормированный служебный день может устанавливаться для сотрудников, замещающих иные должности, определяемые перечнем должностей в органах государственной охраны, утверждаемым руководителем федерального органа исполнительной власти в области государственной охраны.

Впоследствии перечень военнослужащих, которым может быть установлен ненормированный служебный день, был дополнен военнослужащими органов федеральной службы безопасности (Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 272-ФЗ¹⁴); в дальнейшем Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 278-ФЗ¹⁵ предусмотрено установление ненормированного служебного дня и для военнослужащих Службы военной разведки России, замещающих должности руководителей (начальников, командиров) и заместителей руководителей (начальников, командиров). Также было определено, что, помимо поименованных, ненормированный служебный день может устанавливаться для военнослужащих, замещающих иные воинские должности, определяемые перечнем должностей, утверждаемым руководителем СВР России.

¹² О статусе военнослужащих : Федеральный закон от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 22, ст. 2331.

¹³ О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной охране» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 1 июля 2017 г. № 148-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2017, № 27, ст. 3945.

¹⁴ О внесении изменений в статью 16¹ Федерального закона «О федеральной службе безопасности» и статью 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» : Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 272-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2021, № 27 (часть I), ст. 5100.

¹⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 8 статьи 18 Федерального закона «О государственной охране» : Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 278-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2022, № 29 (часть III), ст. 5245.

При этом следует отметить, что в иных федеральных органах исполнительной власти (например, МВД России), а также в отношении работников (например, постановлением Правительства Российской Федерации от 10 февраля 2025 г. № 128) предусмотрена возможность установления ненормированного служебного (рабочего) дня сотрудникам (работникам) или отдельным их категориям не ведомственным, а локальным актом (актом руководителя (начальника)).

В 2024 году были внесены дополнительные изменения в законодательство о военной службе, расширяющие практику установления ненормированного служебного дня – указанные нормы предусмотрены для военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации и Главным управлением специальных программ Президента Российской Федерации (далее – ГУСП). Так, Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 531-ФЗ¹⁶ закреплено, что для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в войсках национальной гвардии Российской Федерации и федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации, замещающих воинские должности, определяемые соответственно директором Росгвардии и начальником ГУСП, устанавливается ненормированный служебный день. Следует уточнить, что в отношении указанных федеральных органов исполнительной власти, в отличие от вышеназванных, установление ненормированного служебного дня военнослужащим предусматривается только по утверждаемым перечням должностей, а на законодательном уровне такие должности не определены.

Во всех указанных случаях установлена компенсация переработки при ненормированном служебном дне путем предоставления сотрудникам и военнослужащим дополнительного отпуска [5].

Здесь стоит отметить, что, на наш взгляд, предоставление дополнительного отпуска лицам, которым установлен ненормированный служебный день, является примером соблюдения баланса дополнительных обязанностей (ограничений) и соответствующих им социальных гарантий.

Названная гарантия в настоящее время получила свое дальнейшее развитие в Постановлении Правительства Российской Федерации от 10 февраля 2025 г. № 128¹⁷, которое устанавливает, что ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск работникам с ненормированным рабочим днем предоставляется за работу в условиях ненормированного рабочего дня отдельным работникам федеральных

¹⁶ О внесении изменения в статью 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» : Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 531-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2024, N 53 (Часть I), ст. 8541.

¹⁷ О предоставлении ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска работникам с ненормированным рабочим днем в федеральных государственных учреждениях : постановление Правительства Российской Федерации от 10 февраля 2025 г. № 128 // Официальный портал правовой информации : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202502110020?ysclid=mdcljetct1509737255> (дата обращения 21.07.2025). Указанное постановление издано взамен признаваемого утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2002 г. № 884 «Об утверждении Правил предоставления ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска работникам с ненормированным рабочим днем в организациях, финансируемых за счет средств федерального бюджета» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 51, ст. 5081.

государственных учреждений, перечень которых установлен коллективным договором, правилами внутреннего трудового распорядка или иным локальным нормативным актом учреждения, принимаемыми с учетом мнения представительного органа работников.

Таким образом, режим ненормированного служебного дня в настоящее время законодательно установлен в отношении большинства правоохранительных органов [6] и федеральных органов исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба.

Полученные выводы о правовой природе ненормированного служебного дня, которые справедливы как для трудовых, так и служебно-правовых отношений, возможно представить в виде схемы (рисунок).

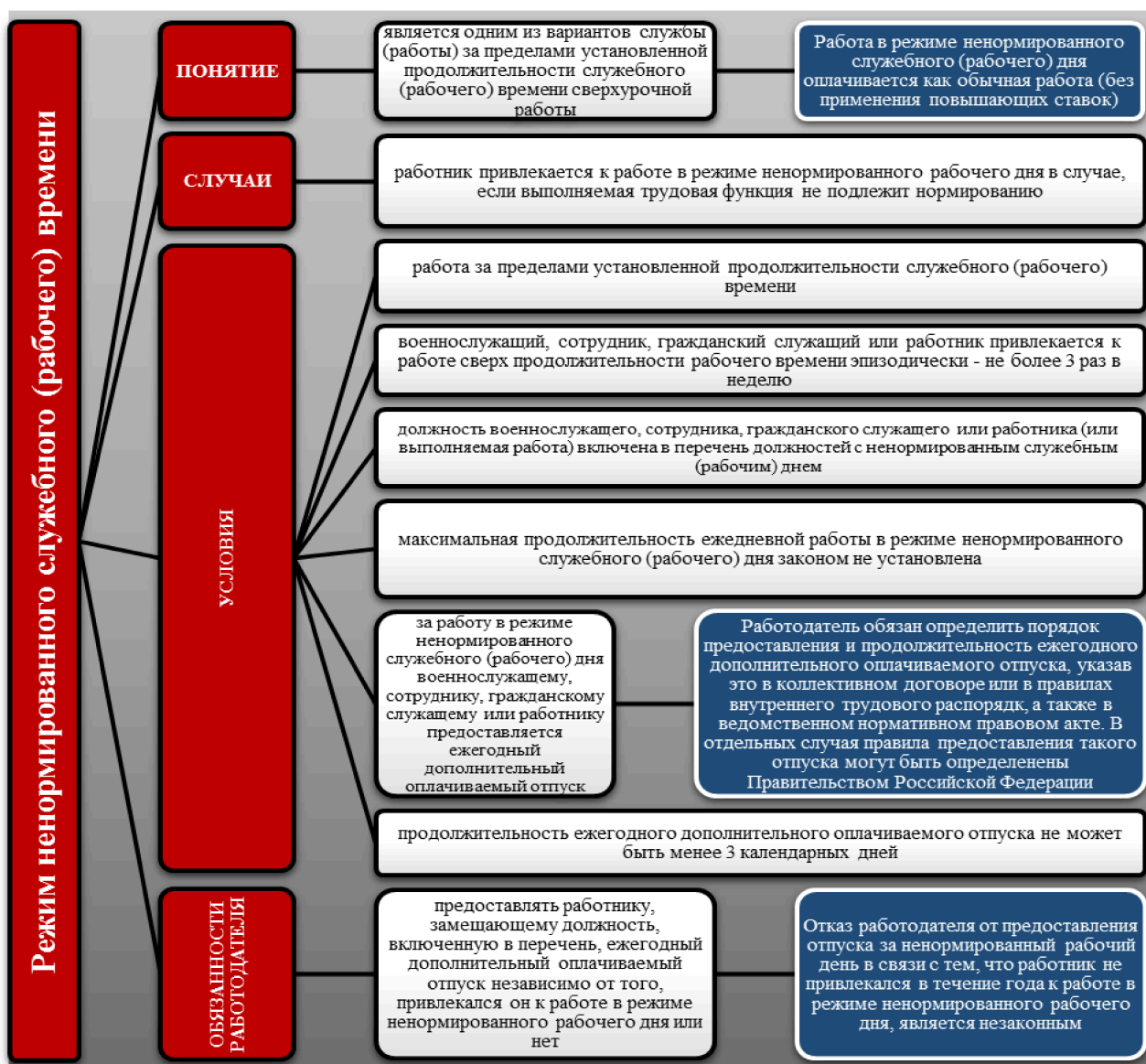

Рисунок: Правовая природа ненормированного служебного дня

Осветив общие вопросы нормативного регулирования ненормированного служебного дня, перейдем к его применению непосредственно в отношении сотрудников органов внутренних дел [7].

Так, еще раз отметим, что установление ненормированного служебного дня сотрудникам органов внутренних дел в настоящее время предусмотрено частью 5 статьи 53 Закона о службе [8], а также разделом XIII и приложением № 46 к Порядку организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденному приказом МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50.

Здесь также прослеживается эволюция нормативно-правового регулирования рассматриваемого вопроса.

Так, частью 5 статьи 53 Закона о службе, до внесения в нее изменений Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 300-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части совершенствования регулирования отдельных вопросов прохождения службы в органах внутренних дел, было предусмотрено, что ненормированный служебный день устанавливается для сотрудников, замещающих должности старшего и высшего начальствующего состава. Правилами внутреннего служебного распорядка МВД России, его территориального органа, подразделения ненормированный служебный день мог устанавливаться для сотрудников, замещающих иные должности, в соответствии с утверждаемым МВД России перечнем должностей в органах внутренних дел, что указывалось в контракте.

Таким образом, Законом о службе был прямо установлен ненормированный служебный день для сотрудников, замещающих должности старшего и высшего начальствующего состава.

Для установления ненормированного служебного дня сотрудникам, замещающим должности, не относящиеся к должностям старшего и высшего начальствующего состава, необходимо было выполнение следующих условий:

- включение должности в перечень, утвержденный приказом МВД России;
- установление по должности ненормированного служебного дня в правилах внутреннего служебного распорядка подразделения;
- указание на ненормированный служебный день в контракте о прохождении службы.

При этом один и тот же контракт о прохождении службы мог действовать на протяжении всего периода службы сотрудника в органах внутренних дел. Внесение изменений в правила внутреннего служебного распорядка было трудоемко. Необходимость установления ненормированного служебного дня путем внесения изменений в контракт сотрудника и правила внутреннего служебного распорядка не в полной мере отвечало интересам службы.

Кроме того, в системе МВД России было введено значительное количество должностей среднего и старшего начальствующего состава, выполнение обязанностей по которым осуществлялось на основании графика сменности. Сотрудники,

замещающие такие должности, фактически не работали в условиях ненормированного служебного дня, но имели право на дополнительный отпуск.

Законом о службе в редакции до 15 июля 2016 года также не учитывалось то, что сотрудники, замещающие одинаковые должности, могли в разной степени и с разной интенсивностью привлекаться к выполнению служебных обязанностей.

В целях изменения указанной ситуации и был принят Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 300-ФЗ¹⁸ в части совершенствования регулирования отдельных вопросов прохождения службы в органах внутренних дел, которым в том числе была изменена часть 5 статьи 53 Закона о службе.

Согласно части 5 статьи 53 Закона о службе в новой редакции ненормированный служебный день устанавливается для сотрудников, замещающих должности руководителей (начальников) из числа должностей старшего и высшего начальствующего состава. Приказом уполномоченного руководителя может устанавливаться ненормированный служебный день для сотрудников, замещающих иные должности, определяемые перечнем должностей, утверждаемым МВД России.

Таким образом, в настоящее время непосредственно Законом о службе ненормированный служебный день установлен только для сотрудников, замещающих должности руководителей (начальников) из числа должностей старшего и высшего начальствующего состава (от майора полиции (внутренней службы, юстиции) до генерала полиции Российской Федерации).

При этом, определяя относящиеся к категории руководителей (начальников) должности, необходимо руководствоваться:

- понятием, указанным в пункте 4 статьи 1 Закона о службе, согласно которому руководитель (начальник) – Министр внутренних дел Российской Федерации и его заместитель, руководитель (начальник) структурного подразделения МВД России и его заместитель, руководитель (начальник) территориального органа МВД России и его заместитель, руководитель (начальник) структурного подразделения территориального органа МВД России и его заместитель, руководитель (начальник) подразделения, организации или службы и его заместитель, сотрудник органов внутренних дел, наделенный в установленном порядке полномочиями по руководству другими сотрудниками, в том числе временно;

- должностным регламентом (должностной инструкцией) сотрудника;
- штатным расписанием подразделения (у руководителя (начальника) должны быть подчиненные);
- иными документами.

Остальным сотрудникам (а именно сотрудникам, замещающим должности старшего и высшего начальствующего состава, не отнесенные к категории

¹⁸О внесении изменений в Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части совершенствования регулирования отдельных вопросов прохождения службы в органах внутренних дел : Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 300-ФЗ (вступил в силу 15 июля 2016 года) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2016, № 27 (Часть I), ст. 4233.

руководителей, сотрудникам, замещающим должности среднего и младшего начальствующего состава, а также рядового состава) ненормированный служебный день может быть установлен приказом уполномоченного руководителя, если замещаемая сотрудником должность включена в перечень, утверждаемый приказом МВД России.

Таким образом, ненормированный служебный день установлен руководителям (начальникам), замещающим должности старшего и высшего начальствующего состава непосредственно частью 5 статьи 53 Закона о службе.

В связи с этим издание дополнительного приказа уполномоченного руководителя для установления названным сотрудникам ненормированного служебного дня не требуется.

Иным сотрудникам, должности которых предусмотрены перечнем, дополнительный отпуск может быть предоставлен только в случае установления им соответствующим приказом уполномоченного руководителя ненормированного служебного дня. К таким сотрудникам относятся лица¹⁹:

- не являющиеся руководителями (начальниками) и замещающие в том числе должности высшего и старшего начальствующего состава;
- сотрудники (в том числе руководители), замещающие должности среднего, младшего начальствующего состава, рядового состава.

Перечень соответствующих должностей в настоящее время установлен приложением № 46 к Порядку организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденному приказом МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50.

Возможно дополнить, что предоставление обозначенного дополнительного отпуска не зависит от того, сколько месяцев сотрудник отработал в рабочем году²⁰.

Рассматривая данный вопрос, необходимо отметить, что несмотря на достаточно полное в настоящее время правовое регулирование режима ненормированного служебного дня, в правоприменительной практике возникают отдельные вопросы его применения и предоставления сотрудникам соответствующих социальных гарантий.

Ненормированный служебный день связан с переработкой сверх нормы рабочего времени, но она не рассматривается как сверхурочная работа, поскольку сам характер работы (ненормированный служебный день) предполагает возможность переработки. Поэтому специальным правовым регулированием служебного времени сотрудников органов внутренних дел установлена компенсация переработки при ненормированном

¹⁹ См. напр.: Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 // СПС «Гарант» : сайт. URL: <https://base.garant.ru/71905114/?ysclid=mdclr7x451691942744> (дата обращения 21.07.2025).

²⁰ Об определении продолжительности ежегодного дополнительного отпуска, если режим ненормированного рабочего дня был введен (отменен) в течение года : письмо Федеральной службы по труду и занятости от 24 мая 2012 г. № ПГ/3841-6-1 // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=121729#cEqWYrUEn9ITBcPA1> (дата обращения 21.07.2025).

рабочем дне не по правилам о сверхурочных работах, а путем предоставления дополнительного отпуска²¹.

В этой связи как на уровне законодательного, так и ведомственного правового регулирования установлено, что сотрудникам и военнослужащим, которым установлен ненормированный служебный день, предоставляется соответствующий дополнительный отпуск.

В настоящее время продолжительность дополнительного отпуска за ненормированный служебный день составляет от 3 до 10 дней [9]. Такой отпуск предоставляется сотрудникам ежегодно в соответствии с графиком отпусков, а право на дополнительный отпуск возникает у сотрудника независимо от фактической продолжительности его службы сверх установленной для него нормальной продолжительности служебного времени.

Частью 12 статьи 56 Закона о службе определено, что предоставление сотруднику отпуска, соединение или разделение отпусков, продление или перенос отпуска, замена части отпуска денежной компенсацией и отзыв сотрудника из отпуска оформляются приказом руководителя федерального органа исполнительной власти или уполномоченного руководителя.

В этой связи независимо от того, установлен ли сотруднику ненормированный служебный день непосредственно Законом о службе или соответствующим приказом, предоставление дополнительного отпуска в календарном году должно осуществляться на основании приказа руководителя федерального органа исполнительной власти или уполномоченного руководителя.

Наиболее острым и спорным вопросом при установлении ненормированного служебного дня является определение периодичности привлечения к выполнению служебных обязанностей лиц, для которых предусмотрен ненормированный служебный день, сверх установленной нормальной продолжительности труда.

В трудовом законодательстве, в законодательстве о военной службе, а также в законодательстве о службе, связанной с правоохранительной деятельностью, не закреплено, в каких объемах возможно привлечение работника сверх установленной нормальной продолжительности рабочего времени.

Вероятно, в связи с этим в юридической литературе данный вопрос поднимается достаточно часто. Так, отмечается, что в трудовых отношениях ненормированный рабочий день устанавливается для отдельных категорий работников с особыми условиями труда, когда по производственной необходимости в отдельные дни недели допускается выполнение ими работы сверх нормальной продолжительности рабочего дня [10].

Хотя ненормированный рабочий день связан с переработкой сверх нормы рабочего времени, он не рассматривается как сверхурочная работа, поскольку сам

²¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 сентября 2024 г. по делу № 88-20197/2024 (УИД 69RS0036-01-2023-003089-18) // СПС «КонсультантПлюс»: сайт. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=152600#EATYYrUyRSI80825> (дата обращения 21.07.2025).

характер работы предполагает возможность переработки, которая к тому же, как правило, не поддается точному учету [11].

Законодательством Российской Федерации не установлено ограничений на продолжительность переработки при ненормированном служебном дне [12].

Ученые придерживаются точки зрения о том, что привлечение сверх установленного окончания или начала рабочего дня должно носить бессистемный характер, однако понятие «эпизодичность» определяется субъективно. Под ней можно понимать привлечение сотрудника к выполнению служебных обязанностей раз в три месяца, и раз в месяц, и раз в неделю, и каждые два, три дня [13]. Однако нужно учитывать, что работа за пределами нормальной продолжительности рабочего времени не должна превращаться в систему. Привлечение к службе в дополнительные часы возможно только эпизодически и в случаях, когда это действительно необходимо.

Схожая позиция содержится и в письме Федеральной службы по труду и занятости от 18 февраля 2014 г. № ПГ/1204-6-1, а также в консультациях экспертов Минтруда России²². Согласно данной позиции, допускаемая переработка сверх установленного рабочего времени не должна превращать ненормированный рабочий день в удлинённый. Работодатель вправе привлекать лиц с ненормированным рабочим днем к работе во внеурочное время лишь в исключительных случаях и не вправе заранее обязывать их постоянно работать по особому распорядку сверх рабочего дня. При этом введение ненормированного рабочего дня для работников не означает, что на них не распространяются правила, определяющие время начала и окончания работы, порядок учета рабочего времени и т.д. Эти работники на общих основаниях освобождаются от работы в дни еженедельного отдыха и праздничные дни.

В этой связи, на наш взгляд, закономерно опираться на информацию, изложенную в докладе Федеральной службы по труду и занятости «Профилактика нарушений. Доклад с руководством по соблюдению обязательных требований, дающих разъяснение, какое поведение является правомерным, а также разъяснение новых требований нормативных правовых актов за IV квартал 2019 года. Перечень нормативных правовых актов или их отдельных частей, содержащих обязательные требования. Руководство по соблюдению обязательных требований», в котором отмечено, что эпизодическим судебная практика считает привлечение к работе не более 3 раз в неделю²³.

²² См., например: Вопрос. Работника с ненормированным рабочим днем трижды в течение недели привлекали к труду по окончании рабочего времени. В четвертый раз он отказывается выходить. Можно ли привлечь работника к ответственности? Консультация эксперта (Э.А. Акопян), Минтруд России, 2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 21.07.2025). Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

²³ Аналогичная позиция Роструда закреплена и в Руководстве по соблюдению обязательных требований трудового законодательства, утвержденного приказом Роструда от 11 ноября 2022 г. № 253, а также судебных решениях, например, в определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25 января 2024 г. по делу № 88-758/2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 21.07.2025). Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание еще на один острый вопрос [14].

Как уже было отмечено, ненормированный служебный день предусматривает эпизодическое привлечение сотрудников за пределами установленной для них нормальной продолжительности рабочего времени.

Например, если время начала и окончания служебного дня сотрудника установлено с 9 до 18 часов, то для него работа в условиях ненормированного служебного дня означает эпизодическое привлечение с 6 до 9 часов или с 18 до 22 часов. За эпизодическое привлечение такого сотрудника в указанное время к выполнению служебных обязанностей какие-либо компенсации ему не предоставляются.

В случае привлечения названного сотрудника в выходной или нерабочий праздничный день либо с 22 до 6 часов такому сотруднику предоставляются дополнительные дни отдыха либо дополнительное время отдыха.

Таким образом, ненормированный служебный день – это не только право на дополнительный отпуск, но и значительная нагрузка, представляющая собой обязанность быть готовым эпизодически выполнять служебные обязанности за пределами нормальной продолжительности служебного времени.

Актуальность названного вопроса подтверждает, например, обращение гражданина в Конституционный Суд Российской Федерации с заявлением об оспаривании пункта 1¹ статьи 11 Закона о статусе военнослужащих, предусматривающей возможность установления военнослужащему ненормированного служебного дня. По мнению заявителя, оспариваемая норма позволяет привлекать военнослужащих к исполнению обязанностей военной службы сверх установленной продолжительности еженедельного служебного времени без соответствующей компенсации и не вести учет служебного времени, включая привлечение к исполнению служебных обязанностей в выходные и праздничные дни²⁴.

Кроме того, в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации систематически вносятся законопроекты, направленные на совершенствование его правового регулирования.

Так, возможно отметить внесенный 29 июля 2024 года в Государственную Думу законопроект № 683073-8 «О внесении изменений в статьи 101 и 119 Трудового кодекса Российской Федерации в части ограничения использования ненормированного рабочего дня», а также ранее внесенный и схожий по своему содержанию законопроект²⁵.

²⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Потапенко Федора Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 1¹ статьи 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 марта 2021 г. № 453-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 21.07.2025). Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

²⁵ Проект федерального закона № 134447-7 «О внесении изменений в статьи 101 и 119 Трудового кодекса Российской Федерации в части ограничения использования ненормированного рабочего дня» / СПС «Гарант». (дата обращения 21.07.2025). Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

Проектируемыми положениями предлагалось установить, что время, фактически отработанное работником с ненормированным рабочим днем за пределами установленной для него продолжительности рабочего дня (смены), не должно превышать 120 часов в год. При этом по достижении указанного предельного числа часов привлечение данного работника к работе за пределами установленной для него продолжительности рабочего времени может осуществляться только по правилам привлечения к сверхурочной работе с соответствующей ее компенсацией. Таким образом, проектируемыми нормами предлагалось обязать работодателя обеспечить точный учет времени, фактически отработанного каждым работником с ненормированным рабочим днем²⁶.

Согласно пояснительным запискам к названным законопроектам, отсутствие законодательно установленного ограничения продолжительности ненормированного рабочего дня, необходимости учета отработанного работником времени за пределами установленной для него продолжительности рабочего дня (смены), связи между фактически отработанным за пределами рабочего дня временем и продолжительностью предоставляемого за это работнику дополнительного отпуска приводит к тому, что работодатели часто злоупотребляют применением ненормированного рабочего дня, заменяют данным понятием сверхурочную работу, устанавливают такой режим работы большинству работников в организациях как государственной (муниципальной), так и частной форм собственности²⁷.

Важно учитывать, что такая нагрузка может отрицательно сказаться как на эффективности служебного коллектива, так и трудоспособности конкретного сотрудника. По данным Международной организации труда, эффективность деятельности снижается по причине профессиональных (сердечно-сосудистых) заболеваний и утраты трудоспособности сотрудников, вызванных в том числе (как основной причиной) работой в режиме ненормированного служебного дня, напряженным характером труда ввиду сочетания высоких требований, предъявляемых к сотруднику, и жестко регламентированного графика работы, а также смерти в результате перегрузки на работе [15]. В пояснительной записке к проекту федерального закона № 683073-8 «О внесении изменений в статьи 101 и 119 Трудового кодекса Российской Федерации в части ограничения использования ненормированного

²⁶ Вместе с тем рассмотрение названного законопроекта неоднократно переносилось и в постановлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 12 февраля 2020 г. № 7722-7 ГД он был отклонен. Согласно официальному отзыву Правительства Российской Федерации названным законопроектом также предусматривалось ограничение продолжительности ежегодного оплачиваемого дополнительного отпуска работников с ненормированным рабочим днем в зависимости от результатов учета переработок.

²⁷ Законопроект № 683073-8 // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/683073-8?ysclid=mdcop9tprd760466699> (дата обращения 21.07.2025).

рабочего дня»²⁸ отмечается, что согласно медицинским исследованиям переработки негативно сказываются на здоровье граждан. Увеличение продолжительности работы увеличивает риск развития инсульта на 35%, смерти от ишемической болезни сердца на 17%. Особенно сильно переработка сказывается на здоровье мужчин, на которых приходится 72% всех смертей.

Позитивным представляется тот факт, что названные причины отнесены к устранимым и могут быть учтены при организации режима служебного времени сотрудников и предоставлении соответствующих нагрузкам гарантий и компенсаций.

Все вышеуказанное свидетельствует о сохраняющейся длительное время актуальности вопросов установления режима ненормированного служебного дня и недопустимости злоупотребления работодателями своим правом на применение рассматриваемого режима в ущерб законным правам сотрудников, необходимости сохранения баланса интересов службы и интересов личного состава правоохранительных органов.

Резюмируя изложенное, возможно констатировать следующее.

1. Возможность установления сотрудникам ненормированного служебного дня позволяет, с одной стороны, снизить документооборот и избавить командиров (начальников) от документального оформления каждого случая работы сотрудника за пределами нормальной продолжительности служебного времени в зависимости от возлагаемых на него задач, а с другой – позволяет защитить права сотрудников, привлекаемых к такой работе, путем нормативного закрепления их права на отпуск.

2. Необходимо осмотрительно подходить к вопросу об установлении конкретным сотрудникам ненормированного служебного дня в целях сохранения баланса реализации, с одной стороны, интересов службы, а с другой – трудовых прав сотрудников и сохранения на службе квалифицированных кадров.

3. Привлечение сотрудника за пределами служебного времени на условиях ненормированного служебного дня может осуществляться только эпизодически (дозировано), а допускаемая переработка сверх установленной нормальной продолжительности служебного времени не должна приводить к превращению ненормированного служебного дня в пролонгированный. Привлечение сотрудников к выполнению служебных обязанностей за пределами нормальной продолжительности служебного времени должно осуществляться с учетом принципа разумности и целесообразности не чаще трех раз в неделю. Руководителям (начальникам) следует стремиться минимизировать такое привлечение в целях сбережения личного состава, предоставления сотрудникам возможности реализовать их право на отдых, и, как следствие, обеспечения высокой степени готовности личного состава к выполнению задач на должном уровне.

4. С учетом практики развития правового регулирования данного вопроса организации прохождения военной службы (службы) полагаем возможным вместо издания отдельных нормативных правовых актов об установлении ненормированного

²⁸ Законопроект № 683073-8 // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/683073-8?ysclid=mdcop9tprd760466699> (дата обращения 21.07.2025).

служебного дня для каждого федерального органа исполнительной власти предусмотреть единый консолидированный акт, который будет распространяться на всех сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих независимо от их ведомственной принадлежности. Указанное также позволит достичь единства в подходе к определению перечня должностей, по которым такой режим служебного времени предусмотрен.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ольшевский, А. В. Отнесение государственных органов в соответствии с законодательством Российской Федерации к правоохранительным органам / А. В. Ольшевский, Т. С. Горбунова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3(95). С. 41–50.
2. Мацкевич, О. В. Ненормированный рабочий день или узаконенное рабство // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 2 (31). С. 53–59.
3. Калмыкова, Ю. Н. Бесконечный рабочий день // Руководитель бюджетной организации, № 7, июль 2011 г.
4. Кулик, О. В. Правотворческий эксперимент как составляющая реформы органов внутренних дел Российской Федерации // Юридическая техника. – 2025. – № 19: Материалы XXVI Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 25–28 сентября 2024 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2025. – С. 332–334.
5. Ольшевский, А. В. Отпуска сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (сотрудников полиции) / А. В. Ольшевский, Е. В. Рябов, В. Н. Ткачев. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юнити-Дана». 2018. – 71 с.
6. Ольшевский, А. В. Законодательные предпосылки для возвращения на современном этапе к вопросу о правоохранительной службе / А. В. Ольшевский, Е. Д. Заяев // Административное право и процесс. 2019. № 10. С. 59–62.
7. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постатейный) Горбунова Т. С., Заяев Е. Д., Золотова Е. В., Кулик О. В. и др. М., Проспект. 2021. 672 с.
8. Структура и содержание закона о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Домодедово : ВИПК МВД России. 2024. –172 с.
9. Ольшевский, А. В., Данильченко, Э. Д., Школа, О. В. Отпуска на государственной службе, связанной с правоохранительной деятельностью: сравнительно-правовой анализ // Вестник ВИПК МВД России. 2025. № 1 (73). С. 100–119.

10. Давыдов, А., Мачянские, Л. Ненормированный рабочий день: основания и практика применения // Трудовое право. 2012. № 10. URL : <https://base.garant.ru/57789368/?ysclid=mdcg7ay2fp369495822> (дата обращения 21.07.2025).
11. Болгерт, Д. Ненормированный рабочий день или сверхурочная работа? // Трудовое право. 2012. № 10. URL : <https://base.garant.ru/57789372/?ysclid=mdcglnohdn405926722> (дата обращения 21.07.2025).
12. Бацвин, Н. Анализ судебной практики по делам, связанным с работой в условиях ненормированного рабочего дня // Трудовое право. 2012. № 10. URL : <https://base.garant.ru/57789376/?ysclid=mdcgmmrvvd714352940> (дата обращения 21.07.2025).
13. Старцева, Е. Н. Некоторые аспекты ненормированного служебного дня на государственной гражданской службе // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 9. С. 31-33.
14. Ольшевский, А. В., Рябов Е. В. Порядок установления ненормированного служебного дня сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и предоставления дополнительного отпуска за ненормированный служебный день // Профessional. 2017. № 1. С. 24-26.
15. Новиков, Н. Н. Состояние охраны труда в Российской Федерации. Проблемы и пути их решения // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». 2005, № 1. С. 51-56.

REFERENCES

1. Ol'shevskij, A. V. Otnesenie gosudarstvennyh organov v sootvetstvii s zakonodatel'stvom Rossijskoj Federacii k pravoohranitel'nyh organam [Classification of state bodies as law enforcement agencies in accordance with the legislation of the Russian Federation]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.. 2022, no. 3(95), pp. 41-50.
2. Mackevich O. V. Nenormirovannyj rabochij den' ili uzakonennoe rabstvo [Long Working Hours or Legalized Slavery]. Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo – Izvestiya of the Southwestern State University. Series: History and Law. 2019, no. 2 (31), pp. 53-59.
3. Kalmykova YU.N. Beskonechnyj rabochij den' [An endless working day]. Rukovoditel' byudzhetnoj organizacii – Head of a public organization, No 7, July, 2011.
4. Kulik O. V. Pravotvorcheskij eksperiment kak sostavlyayushchaya reformy organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Law-Making Experiment as a Component of the Reform of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation]. YUridicheskaya tekhnika – Legal Technique. 2025, no. 19, pp. 332-334.
5. Ol'shevskij, A. V. Otpuska sotrudnikov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii (sotrudnikov policii) [Leaves of Employees of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation (Police Officers)]. Moscow, 2018, 71 p
6. Ol'shevskij, A. V. Zakonodatel'nye predposylki dlya vozvrashcheniya na sovremennom etape k voprosu o pravoohranitel'noj sluzhbe [Legislative Prerequisites for

Returning to the Issue of Law Enforcement at the Present Stage]. *Administrativnoe pravo i process – Administrative Law and Procedure*. 2019, no. 10, pp. 59-62.

7. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal'nomu zakonu «O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» (postatejnyj) [Scientific and Practical Commentary on the Federal Law "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (by Article)]. Moscow, 2021, 672 p.

8. Struktura i sodержanie zakona o sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii [Structure and content of the law on service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation]. Domodedovo, 2024, 172 p.

9. Ol'shevskij A. V., Danil'chenko E.D., SHkola O.V. Otpuska na gosudarstvennoj sluzhbe, svyazannoj s pravoohranitel'noj deyatel'nost'yu: sravnitel'no-pravovoj analiz [Vacations in the Public Service Related to Law Enforcement: A Comparative Legal Analysis]. *Vestnik VIPK MVD Rossii – Vestnik of the Russian Interior Ministry Academy*. 2025, no. 1 (73), pp. 100-119.

10. Davydov A., Machyanskite L. Nenormirovannyj rabochij den': osnovaniya i praktika primeneniya [Flexible Working Hours: Grounds and Application Practice]. *Trudovoe pravo – Labor Law*. 2012, no. 10, URL : <https://base.garant.ru/57789368/?ysclid=mdcg7ay2fp369495822> (date of request 15.02.2025).

11. Bolgert D. Nenormirovannyj rabochij den' ili sverhurochnaya rabota? [Is it a flexible working schedule or overtime work?]. *Trudovoe pravo – Labor Law*. 2012, no. 10, URL : <https://base.garant.ru/57789372/?ysclid=mdcglnohdn405926722> (date of request 15.02.2025).

12. Bacvin N. Analiz sudebnoj praktiki po delam, svyazannym s rabotoj v usloviyah nenormirovannogo rabocheho dnya [Analysis of court practice in cases related to working outside regular working hours]. *Trudovoe pravo – Labor Law*. 2012, no. 10. URL : <https://base.garant.ru/57789376/?ysclid=mdcgmmrvvd714352940> (date of request 15.02.2025).

13. Starceva E.N. Nekotorye aspekty nenormirovannogo sluzhebnogo dnya na gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe [Some aspects of the extended working day in the civil service]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie – State Power and Local Self-Government*. 2009, no. 9, pp. 31-33.

14. Ol'shevskij A.V., Ryabov E.V. Poryadok ustanovleniya nenormirovannogo sluzhebnogo dnya sotrudnikam organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii i predostavleniya dopolnitel'nogo otpuska za nenormirovannyj sluzhebnyj den' [Procedure for Establishing an Irregular Working Day for Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Providing Additional Leave for an Irregular Working Day]. *Professional – Professional*. 2017, no. 1, pp. 24-26.

15. Novikov N.N. Sostoyanie ohrany truda v Rossijskoj Federacii. Problemy i puti ih resheniya [The state of occupational safety in the Russian Federation. Problems and ways to

solve them]. Trudy Mezhdunarodnogo simpoziuma «Nadezhnost' i kachestvo» – Proceedings of the International Symposium "Reliability and Quality". 2005, no. 1, pp. 51-56.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольшевский Андрей Витальевич, заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, заместитель руководителя. Договорно-правовой департамент Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. 111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 9а

SPIN-код 8050-6201 AuthorID 1034396

Рябов Евгений Вячеславович, кандидат юридических наук, начальник отдела правового регулирования управленческой деятельности и кадровой работы. Служебно-правовое управление Договорно-правового департамента МВД России.

SPIN-код 9861-7164 AuthorID 1142746

Школа Оксана Вадимовна, главный эксперт. Служебно-правовое управление Договорно-правового департамента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

SPIN-код 7662-4484 AuthorID 872850

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olshevskiy Andrei Vitalievich, Honored Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Deputy Chief of the Legal Department. National Guard Troops Federal Service of the Russian Federation. 111250, Moscow, 9a Krasnokazarmennaya Str.

Ryabov Evgeny Vyacheslavovich, Candidate of Legal Sciences, Chief of the Civil Legal Unit. Legal Department Ministry of the Interior of the Russian Federation

SPIN-код 9861-7164 AuthorID 1142746

Shkola Oksana Vadimovna, Chief expert. Civil Legal Unit of the Legal Department of the National Guard Troops Federal Service of the Russian Federation.

SPIN-код 7662-4484 AuthorID 872850

Статья поступила в редакцию 27.05.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 24.07.2025.

The article was submitted 27.05.2025; approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 24.07.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 3 (114). С. 122–131.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 3 (114). Pp. 122–131.

**5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 342.9

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРОХОЖДЕНИЯ СЛУЖБЫ В ПОЛИЦИИ МОНГОЛИИ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Чудецкая Ксения Александровна¹, Лушин Александр Николаевич²

¹⁻²Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация

¹lushina_ksen@mail.ru

²aleksr.lushin@mail.ru

Введение. В статье раскрываются особенности правового регулирования прохождения государственной службы в подразделениях полиции Монголии. Анализируя актуальные нормативно-правовые документы, авторы провели сравнительно-правовое исследование законодательства о государственной службе двух государств: России и Монголии, установив общие тенденции и перспективы развития.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили нормативно-правовые акты Монголии, такие как Законы Монголии «О государственной службе» и «О полицейской службе». В ходе исследования был применен сравнительно-правовой подход, произведен анализ российского и монгольского законодательства о государственной службе.

Результаты исследования позволили представить государственную службу в полиции Монголии как комплексный социально-правовой институт. При изучении особенностей прохождения службы в полиции Монголии значительное внимание уделено вопросам реализации прав и обязанностей сотрудников полиции, регламентации ограничений и запретов, процесса привлечения к дисциплинарной ответственности.

Выводы и заключения. Проведенный в статье краткий аналитический обзор позволил последовательно раскрыть общие тенденции в развитии законодательства о службе в полиции Монголии. При этом особое внимание авторы также уделили выделению наиболее актуальных проблем, связанных с прохождением службы в монгольской полиции, и обозначили некоторые важные точки в сравнительном аспекте с современной российской правоохранительной системой.

Ключевые слова: правовое регулирование, зарубежный опыт, государственная специальная служба, служба в полиции, сотрудник полиции, социальные гарантии, дисциплинарная ответственность.

Для цитирования: Чудецкая, К. А., Лушин, А. Н. Особенности правового регулирования прохождения службы в полиции Монголии: сравнительно-правовой аспект /К. А. Чудецкая, А. Н. Лушин // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3 (114). С. 122–131.

5.1.2. Public Law Sciences (legal sciences)

Original article

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF SERVICE IN THE MONGOLIAN POLICE: COMPARATIVE LEGAL ASPECT

Ksenia A. Chudetskaya¹, Alexander N. Lushin²

¹⁻² Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹lushina_ksen@mail.ru

²aleksr.lushin@mail.ru

Introduction. The article reveals the features of the legal regulation of state service in the police office of Mongolia. Analyzing actual normative acts, the authors conducted a comparative legal study of the legislation of the state service of two states: Russia and Mongolia, establishing common trends and development prospects.

Materials and Methods. The research materials were legal acts of Mongolia, such as the Laws of Mongolia «On State Service and «On Police Office». In the course of the research, a comparative legal approach was applied, and an analysis of Russian and Mongolian legislation of state service was carried out.

The Results of the Study: The brief analytical review conducted in the article allowed us to consistently reveal the general trends in the development of legislation of police service in Mongolia. At the same time, the authors also paid special attention to highlighting the most actual problems related to serving in the Mongolian police, and identified some important points in the comparative aspect with the modern Russian law enforcement system.

Findings and Conclusions. The analysis revealed the general trends in the development of legislation of police office in Mongolia. At the same time, the authors paid special attention to the analysis of existing problems of the police service.

Keywords: legal regulation, international experience, state special service, police service, police officer, social guarantees, disciplinary responsibility.

For citation: Chudetskaya K.A., Lushin A.N. Osobennosti pravovogo regulirovaniya prohozhdeniya sluzhby v policii Mongolii: sravnitel'no-pravovoj aspekt [Features of the legal regulation of service in the Mongolian police: comparative legal aspect]. Vestnik

Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 3 (114), pp. 122–131.

В современном мире актуальные вызовы и угрозы, существующие в правоохранительной области, особенно в сфере обеспечения экономической безопасности государства, безусловно, должны изучаться с учетом апробированного, признанного эффективным, международного опыта. Следует отметить, что в процессе последовательного расширения международного сотрудничества России и Монголии в правоохранительной сфере представляет обоснованный научный интерес внимательное изучение особенностей прохождения службы в полиции Монголии.

В июне 2017 года между МВД России и Министерством юстиции и внутренних дел Республики Монголия было подписано Соглашение о сотрудничестве, предусматривающее взаимодействие правоохранительных структур двух государств по вопросам противодействия незаконному обороту наркотических средств и пресечения нелегальной миграции. Активно развивается сотрудничество органов внутренних дел названных государств в совместной борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, с экономическими преступлениями, особенно в приграничных районах, что позволяет постоянно контролировать криминогенную ситуацию и оперативно решать многие острые проблемы.

В феврале 2025 года между МВД России и Министерством юстиции и внутренних дел Республики Монголия был подписан протокол о дальнейшем взаимодействии в организации совместной борьбы с преступностью¹. Примечательно, что в настоящее время последовательно развивается сотрудничество по внедрению современных технологий по борьбе с преступностью в компьютерных сферах. В рамках российско-монгольского сотрудничества большое внимание уделяется также вопросу подготовки квалифицированных профессиональных кадров для полиции Монголии. Так, в образовательные организации системы МВД России каждый год принимаются молодые специалисты из Монголии для получения ими высшего профессионального образования и повышения квалификации в различных областях юриспруденции. Министр внутренних дел России генерал полиции В. А. Колокольцев отметил, что образовательные учреждения МВД России уже подготовили значительное число монгольских полицейских, и данное взаимодействие в образовательной сфере будет развиваться далее.

Вместе с тем стоит отметить, что вопросы прохождения службы в полиции Монголии являются недостаточно изученными в России, что вызывает обоснованный не только теоретический, но и практический интерес в связи с развивающимся сотрудничеством в борьбе с преступностью. В последние годы в образовательных учреждениях МВД России монгольскими сотрудниками полиции были защищены кандидатские диссертации по ряду наиболее актуальных проблем в области пресечения конкретных преступлений, например исследование Б. Ганмягмара «Комплексное

¹ Главы МВД России и Монголии подписали протокол о взаимодействии <https://bigasia.ru/glavy-mvd-rossii-i-mongolii-podpisali-protokol-o-vzaimodejstvii/> (дата обращения: 15.04.2025).

предупреждение преступлений, совершаемых в общественных местах в городах Монголии» [1].

Анализ практического опыта правоохранительной деятельности в современной Монголии был бы интересен и в определенной степени полезен в сравнительном аспекте, так как в России и Монголии идет последовательный процесс реформирования в сфере государственной службы, в том числе запущен процесс преобразований в полицейской системе с учетом современных требований и задач. Проводимые в 2011-2015 годах преобразования производились в основном на основе опыта западных стран и способствовали трансформации полиции из «специальной службы в публичную» [2, с.174]. В этих условиях особое внимание обращалось на разработку и последовательную реализацию кадровой стратегии, оптимизацию процесса управления персоналом и внедрение современных технологий в управленческую деятельность полиции [3, с. 177]. Подобные изменения отчасти созвучны преобразованиям в России 2011-2012 годов, связанным с созданием полиции как нового правоохранительного института на началах публичности, открытости, общественного доверия и внедрения новейших достижений науки и техники в борьбу с преступностью.

Главное управление полиции Монголии с 1996 года структурно находится в составе Министерства юстиции и внутренних дел Монголии. Среди ключевых направлений его деятельности необходимо отметить системное управление подразделениями полиции, охрану общественного порядка, предупреждение административных правонарушений и борьбу с преступностью. Кадровая политика Главного Управления полиции Монголии основывается на необходимости проведения эффективного профессионального отбора кандидатов при приеме на службу, систематического профессионального обучения действующих сотрудников и «соблюдения карьерной системы» при прохождении службы в подразделениях полиции [4, с. 143].

Служба полиции Монголии представляет собой вид государственной специальной службы (state special service); в силу этого, исходя из общих требований к государственным служащим, для кандидата, поступающего на службу в полицию, устанавливаются особые требования, ограничения и запреты. Основополагающими правовыми источниками, регламентирующими прохождение службы в монгольской полиции, являются законы Монголии «О государственной службе» (2017 г.)² и «О полицейской службе» (2017 г.)³, а также такие нормативные документы, как «Стандарты службы в полиции»⁴ и «Порядок действий органов полиции Монголии».

Закон Монголии «О полицейской службе» определяет сотрудника полиции как гражданина, принявшего присягу, проходящего службу в подразделениях полиции и

² О государственной службе : закон республики Монголия от 7 декабря 2017 г. URL: <https://legalinfo.mn/en/edtl/16758728417001> (дата обращения: 10.04.2025).

³ О службе полиции: закон республики Монголия от 9 февраля 2017 г. .URL: <https://legalinfo.mn/en/edtl/16532282896061> (дата обращения: 10.04.2025).

⁴ Стандарты службы в полиции. URL: <https://mongolia.gov.mn/news/view/1124> (дата обращения: 10.04.2025).

имеющего звание, установленное в монгольской полиции. Необходимо отметить, что российский Федеральный закон «О полиции» от 07.02. 2011 г. содержит в целом идентичные критерии служебного статуса полицейского.

Примечательно, что критерии приема на службу в полиции Монголии практически созвучны требованиям, установленным в России: это достижение совершеннолетия (18-ти летнего возраста), отсутствие судимости, а также соответствие возрасту, состоянию здоровья, образованию, профессии, квалификации, профессиональной этике и другим специальным критериям, установленным для службы в полиции. Для принятых на службу сотрудников-стажеров может быть установлен испытательный срок до одного года. В течение этого периода определяется соответствие вновь принятых сотрудников требованиям служебной подготовки, а также критериям и требованиям, предъявляемым к должности.

В период испытательного срока за стажером закрепляется наставник. Институт наставничества, имеющий место также и в российской полиции, служит целям адаптации и закрепления профессиональных навыков стажера. Вместе с тем в полицейском законодательстве Монголии закреплены основания, по которым контракт о службе может быть расторгнут до завершения испытательного срока. К ним относят следующие основания: привлечение стажера к уголовной ответственности, совершение дисциплинарного правонарушения, неспособность стажера выполнять свои обязанности в должном объеме, а также увольнение по собственному желанию.

Правовой статус сотрудника полиции Монголии раскрывается в правах и обязанностях, а также запретах и ограничениях, закрепленных в нормах законов Монголии «О полицейской службе» и «О государственной службе». Характеризуя правовое положение сотрудника полиции Монголии, следует отметить, что некоторые регулируемые законодательством Монголии права и обязанности закреплены и в российском полицейском законодательстве, что можно объяснить общей спецификой осуществления правоохранительной деятельности.

Так, например, при исполнении служебных обязанностей сотрудник полиции Монголии может применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие только в соответствии с основаниями и порядком, установленным Законом «О полицейской службе». Также сотрудники полиции имеют право на защиту своего здоровья, имущества от преступных посягательств, обеспечение безопасности, защиту своих прав и законных интересов, а в случае их нарушения подать соответствующую жалобу. Если в отношении сотрудника полиции ведется расследование в связи с совершением им преступления или административного правонарушения, полицейский обязан уведомить об этом своего непосредственного начальника. Вместе с тем, несмотря на закрепление основных прав и обязанностей сотрудника полиции в правовых нормах, обращается внимание на необходимость проработки эффективного механизма их реализации [5, с. 170; 6, с. 221].

Как вид правоохранительной деятельности служба в полиции Монголии предполагает наличие определенных запретов и ограничений. Так, сотрудникам полиции Монголии запрещено разглашать государственную и служебную тайну, корпоративную тайну и личную конфиденциальную информацию, состоять в партии

или профсоюзе. Кроме того, категорически запрещается поддерживать деятельность и идеологию политических партий. Как и в России, для монгольских полицейских как для государственных служащих устанавливается запрет на двойное гражданство.

Представляет интерес существующая в полиции Монголии система социальных и экономических гарантий для сотрудников полиции. Современные исследователи отмечают, что проблема надлежащей «защищенности сотрудников» представляется весьма актуальной и даже острой и выступает предметом обсуждения на парламентских слушаниях [7, с. 67]. Базовой социальной гарантией является денежное обеспечение сотрудника полиции. Структура заработной платы монгольского полицейского в общем виде напоминает денежное довольствие сотрудника органов внутренних дел нашего государства: состоит из должностного оклада, оклада по специальному званию и ряда надбавок, размеры которых устанавливаются нормативными актами Правительства Монголии. Законодательством устанавливаются различные надбавки в соответствии со стажем и профессиональным уровнем сотрудника полиции. Стоит отметить дополнительные выплаты, начисляемые за стаж государственной специальной службы, особые условия службы, профессиональный уровень, ученую степень и ученое звание.

В связи с тем, что служба в полиции, безусловно, связана с риском для жизни и здоровья, одной из важных социальных гарантий является предоставление выходного пособия семье сотрудника в размере среднемесячного базового оклада за 10 лет службы в случае гибели сотрудника полиции при выполнении им своих служебных обязанностей. Если сотруднику был причинен серьезный вред здоровью во время исполнения служебных обязанностей, он имеет право на получение единовременной компенсации в размере 30, 60 и 90-кратного размера минимальной заработной платы в зависимости от степени утраты трудоспособности.

Проходя службу в полиции в мирное время, монгольский полицейский освобождается от прохождения военной службы, а спустя два года он считается ее прошедшим, таким образом, исполнившим в полной мере воинскую обязанность перед своим государством. Также законодательство допускает и льготное исчисление сроков прохождения службы в полиции. Так, например, в исправительном учреждении и учреждении содержания под стражей, службе в охране государственных объектов и службе регулирования дорожного движения один год службы приравнивается к 1 году и 3 месяцам службы, а в Секретной службе полиции приравнивается к 1 году и 4 месяцам службы.

В соответствии с монгольским законодательством в подразделениях полиции установлена пятидневная 40-часовая рабочая неделя, и, соответственно, 8-часовой рабочий день. Однако часы работы могут быть изменены в зависимости от природных и климатических условий. В то же время в период введения чрезвычайного положения, пресечения общественных беспорядков и ликвидации последствий разного рода катастроф сотрудники полиции могут быть приведены в состояние повышенной готовности к сверхурочной работе.

Рассмотрев основные социальные и экономические гарантии сотрудников полиции Монголии, можно сделать вывод о недостаточности правового регулирования

в данной сфере. Разработка действенного механизма реализации мер государственной защиты необходима для укрепления социального и профессионального статуса сотрудника полиции. Отмечается, что имеющаяся незащищенность «в правовом и социальном планах» в конечном итоге приводит к высокой «текучке кадров» в полиции [8, с. 62].

В законе «О полицейской службе» обращается особое внимание на необходимость соблюдения принципа последовательного продвижения по службе с учетом стажа службы в полиции, эффективности служебной деятельности и оценки профессионального квалификационного уровня. В полицейском законодательстве Монголии закреплена обязанность полицейских проходить необходимое профессиональное обучение, переподготовку и повышение квалификации, что представляется важным для качественного выполнения служебных обязанностей и профессионального роста. Главенствующую роль в вопросе подготовки профессиональных кадров для подразделений полиции занимает Университет внутренних дел Монголии, где в настоящее время активно реализуются учебные программы по вопросам противодействия преступлениям в информационно-телекоммуникационной сфере [9, с.198].

Особого интереса заслуживает дисциплинарная практика, применяемая в монгольской полиции. Сравнивая ее с отечественным законодательством, следует обратить внимание на особенности монгольского законодательства о службе в полиции. Перечень действующих дисциплинарных взысканий, закрепленных в Законе «О полицейской службе», включает предупреждение, снижение оклада по должности до 20% на срок до 3 месяцев, понижение в должности, понижение в специальном звании, увольнение или отстранение от службы в полиции без права возвращения на службу в полицию в течение одного года. Примечательно, что в силу указанного закона сотрудники полиции, отстраненные от службы, обязаны пройти необходимое для восстановления на службе обучение за счет собственных средств в учебных заведениях полиции в соответствии с тарифами и сборами, утвержденными руководителем центральной полицейской организации. Во время отстранения от службы сотрудник полиции не увольняется, но и денежное обеспечение не получает.

Отдельные нормы, регулирующие процесс привлечения к дисциплинарной ответственности, схожи с российским законодательством. Так, в случае привлечения сотрудника монгольской полиции к дисциплинарной ответственности, взыскание снимается, если в течение одного года он повторно не подлежит дисциплинарному наказанию. Кроме того, возможно и досрочное снятие с сотрудника взыскания в порядке поощрения с учетом его особых заслуг.

Вопросы прекращения служебно-правовых отношений также урегулированы Законом «О полицейской службе». Монгольский полицейский подлежит увольнению со службы в полиции по основаниям, указанным в 82 статье указанного Закона. К ним относятся грубое нарушение присяги, Кодекса этики и дисциплины; установленное совершение преступления и вступление обвинительного приговора суда в законную силу; выявление невыполнений требований, указанных в статье 66 настоящего Закона; утрата гражданства Монголии и наличие двойного гражданства.

Рассмотрев различные аспекты прохождения службы в полиции Монголии, можно отметить недостаточность его правового регулирования в части регулирования прав и обязанностей сотрудника полиции, а также реализации необходимых социальных и экономических гарантий. Современные исследователи отмечают необходимость комплексного концептуального подхода в целях формирования и повышения статуса сотрудника полиции, который необходимо реализовывать в рамках модернизации всей правоохранительной системы Монголии [10, с. 90].

Таким образом, внимательное ознакомление с опытом службы в полиции Монголии может иметь теоретическое и практическое значение для организации плодотворного международного сотрудничества по борьбе с преступностью в различных направлениях. Авторы не ставили перед собой отдельной целью проведение сравнительного анализа организации и деятельности по борьбе с преступностью и по охране общественного порядка органов внутренних дел России и Монголии, но изложенный выше материал может явиться стимулом в дальнейшем поиске подходов к установлению областей эффективного взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ганмягмар, Б. Комплексное предупреждение преступлений, совершаемых в общественных местах в городах Монголии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2018. 23 с.
2. Нямсүрэн, Э. Правовой статус сотрудника органов внутренних дел Монголии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4(92). С. 172–180.
3. Батмунх, Б. Современное состояние правового регулирования деятельности полиции общественной безопасности Монголии // Закон и право. 2019. № 8. С. 17–177
4. Мурат, Д. Развитие и формирование кадровой политики органов полиции Монголии // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2020. № 1(45). С. 140–146.
5. Жалсанов, Б. Ц. Законодательство о правовой защите сотрудников полиции Монголии / Б. Ц. Жалсанов // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 169–170.
6. Цэрэнбат, З. Некоторые аспекты совершенствования административно-правового регулирования осуществления защиты сотрудников полиции Монголии / З. Цэрэнбат // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 6. С. 217–221.
7. Нямсүрэн, Э. К вопросу об административно-правовом статусе сотрудника органа внутренних дел Монголии / Э. Нямсүрэн // Государственная служба и кадры. М. 2022. № 3. С. 66–68.
8. Очирхуяг, О. Развитие законодательства о публично-правовом статусе сотрудника ОВД Монголии и его роль в ответственности за выполнение служебного долга // Лучшие научные исследования 2022: сборник статей V Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 20 апреля 2022 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.). 2022. С. 60–63.

9. Сайнбаяр, Н. Тенденции в правоохранительном образовании Монголии // Актуальные проблемы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Орёл, 22 ноября 2024 года. Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, 2024. С. 197–200.

10. Батмунх, Б. Административно-правовой статус сотрудников общественной безопасности Монголии//Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией И. Г. Чистобородова, А. Л. Ситковского, В. О. Лапина. 2020. С. 83–91.

REFERENCES

1. Ganmyagmar B. Kompleksnoe preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemyh v obshchestvennyh mestah v gorodah Mongolii. avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.08 [Comprehensive prevention of crimes committed in public places in the cities of Mongolia. abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 12.00.08]. Omsk, 2018, 23 p.

2. Nyamsuren E. Pravovoj status sotrudnika organov vnutrennih del Mongolii [Legal status of the officer of the internal affairs bodies of Mongolia]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii - Vestnik of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Saint Petersburg, 2021, no. 4(92), pp. 172-180.

3. Batmunh B. Sovremennoe sostoyanie pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti policii obshchestvennoj bezopasnosti Mongolii [The current state of legal regulation of the public security police in Mongolia]. Zakon i pravo - Law and legislation. Moscow, 2019, no 8, pp. 174-177.

4. Murat D. Razvitie i formirovanie kadrovoj politiki organov policii Mongolii [Development and formation of personnel policy of the police of Mongolia]. Trudy Akademii MVD Respubliki Tadjikistan - Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. Dushanbe, 2020, no. 1(45), pp. 140-146.

5. Zhalsanov B. C. Zakonodatel'stvo o pravovoj zashchite sotrudnikov policii Mongolii [Legislation on the legal protection of police officers in Mongolia]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii - Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 2016, no. 2, pp. 169-170.

6. Cerenbat Z. Nekotorye aspekty sovershenstvovaniya administrativno-pravovogo regulirovaniya osushchestvleniya zashchity sotrudnikov policii Mongolii [Some aspects of improving the administrative and legal regulation of the protection of police officers in Mongolia]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii - Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 2014, no 6, pp. 217-221.

7. Nyamsuren E. K voprosu ob administrativno-pravovom statute sotrudnika organa vnutrennih del Mongolii [On the issue of the administrative and legal status of an employee of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia]. Gosudarstvennaya sluzhba i kadry - Civil service and personnel. Moscow, 2022, no. 3, pp. 66-68.

8. Ochirhuyag O. Razvitie zakonodatel'stva o publichno-pravovom statute sotrudnika OVD Mongolii i ego rol' v otvetstvennosti za vypolnenie sluzhebnogo dolga [Development

of legislation on the public legal status of an employee of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia and his role in responsibility for the performance of official duties]. Luchshie nauchnye issledovaniya 2022: sbornik statej V Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa, Penza, 20 aprelya 2022 goda - Best Scientific Research 2022: collection of articles of the V International Scientific Research Competition, Penza, April 20, 2022. Penza, 2022, pp. 60-63.

9. Sajnbayar N. Tendencii v pravoohranitel'nom obrazovanii Mongolii [Trends in law enforcement education in Mongolia]. Aktual'nye problemy professional'noj podgotovki sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Oryol, 22 noyabrya 2024 goda - Actual problems of professional training of law enforcement officers: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, Orel, November 22, 2024. Orel, 2024, pp. 197-200.

10. Batmunh B. Administrativno-pravovoj status sotrudnikov obshchestvennoj bezopasnosti Mongolii [Administrative and legal status of public security officers of Mongolia]. Strategicheskoe razvitie sistemy MVD Rossii: sostoyanie, tendencii, perspektivy. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pod obshchej redakciej I. G. Chistoborodova, A. L. Sitkovskogo, V. O. Lapina. - Strategic development of the Russian Interior Ministry system: status, trends, prospects. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of I. G. Chistoborodov, A. L. Sitkovsky, V. O. Lapin. Moscow, 2020, pp. 83-91.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чудецкая Ксения Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры управления. Нижегородская академия МВД России. 603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

Лушин Александр Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права. Нижегородская академия МВД России. 603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Chudetskaya Ksenia Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation. 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye Shosse, 3.

Lushin Aleksandr Nikolaevich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation. 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye Shosse, 3.

Статья поступила в редакцию 19.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 19.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 20.03.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 3 (114). С. 132–144.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no. 3 (114). P. 132–144.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.98

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРЕСТУПНИКА И ПОТЕРПЕВШЕГО
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ
НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Андроник Наталья Ауреловна, Уральский юридический институт МВД России,
Екатеринбург, Российская Федерация, Natali376@mail.ru

Введение. Статья посвящена исследованию отдельных элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с сексуальным насилием в отношении несовершеннолетних. Расследование данной категории преступлений должно в полной мере отвечать принципам полноты, объективности и всесторонности. Особое внимание уделено анализу виктимного поведения потерпевших, которое в значительной мере обуславливает специфику расследования указанных преступлений и характеризует сложности, с которыми может столкнуться следователь при установлении всех обстоятельств преступления.

Материалы и методы. В ходе проведения исследования с использованием диалектического метода научного познания, формально-логического метода, приемов обобщения и группирования данных проведен анализ научных и учебных материалов, посвященных изучению особенностей личности потерпевшего и преступника в качестве ключевого элемента криминалистической характеристики насильственных преступлений, совершенных против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также проанализированы нормы уголовно-процессуального законодательства в части собирания информации о личности преступника и потерпевшего в ходе расследования уголовных дел, материалы следственной и судебной практики.

Результаты исследования позволили установить ключевые особенности личности преступника и личности потерпевшего, влияющие на оптимальный выбор организационно-тактических приемов производства следственных действий при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних не только в теоретическом контексте научной категории, но и с позиции их влияния на реализацию расследования в правоприменительной практике, а также выявления причин и условий совершения данных преступлений с целью дальнейшей разработки рекомендаций по их предупреждению и профилактике.

Выводы и заключения. В работе сформулированы выводы о необходимости изучения личностей потерпевшего и преступника, выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, определению взаимосвязи преступника и потерпевшего, что будет способствовать наиболее полному и объективному расследованию и выявлению важных обстоятельств, имеющих значение для установления истины по делу.

Ключевые слова: *криминалистическая характеристика, насильственные преступления, несовершеннолетний, личность преступника, личность потерпевшего, расследование.*

Для цитирования: Андроник Н.А. Криминалистический портрет преступника и потерпевшего при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних / Н.А. Андроник // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114). С. 132–144.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

THE IDENTITY OF THE PERPETRATOR AND THE VICTIM AS THE MAIN ELEMENT OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES AGAINST THE SEXUAL INTEGRITY OF MINORS

Natalia A. Andronik

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russian Federation, Associate Professor of the Department of Criminalistics, Candidate of Law sciences

Natali376@mail.ru

Introduction: The article is devoted to the study of individual elements of the criminalistic characteristics of crimes related to sexual violence against minors. The investigation of this category of crimes must fully comply with the principles of completeness, objectivity and comprehensiveness. Special attention is paid to the analysis of victimized behavior of victims, which largely determines the specifics of the investigation of these crimes and characterizes the difficulties that an investigator may encounter in establishing all the circumstances of the crime.

Materials and Methods: In the course of the research, using the dialectical method of scientific cognition, the formal logical method, methods of generalization and grouping of data, the analysis of scientific and educational materials devoted to the study of personality characteristics of the victim and the offender as a key element of criminalistic characteristics of violent crimes committed against the sexual integrity of minors was carried out., It also analyzes the norms of criminal procedure legislation regarding the collection of information

about the identity of the perpetrator and the victim during the investigation of criminal cases, materials of investigative and judicial practice.

The Results of the Study: They allowed us to identify the key features of the personality of the criminal and the personality of the victim, influencing the optimal choice of organizational and tactical methods of conducting investigative actions in the investigation of crimes against the sexual integrity of minors, not only in the theoretical context of the scientific category, but also from the perspective of their influence on the implementation of the investigation in law enforcement practice, as well as identifying the causes and conditions of these crimes in order to further development of recommendations for their prevention and prevention.

Findings and Conclusions: The paper draws conclusions about the need to study the personalities of the victim and the perpetrator, identify the causes and conditions conducive to the commission of crimes against the sexual integrity of minors, determine the relationship between the offender and the victim, which will contribute to the most complete and objective investigation and identify important circumstances relevant to establishing the truth in the case.

Keywords: forensic characteristics, violent crimes, minor, identity of the criminal, identity of the victim, investigation.

For citation: Andronik N.A. Kriminalisticheskij portret prestupnika i poterpevshego pri rassledovanii prestuplenij protiv polovoj neprikosновенности несовершеннолетних [Forensic Portrait of the Criminal and the Victim in the Investigation of Crimes against the Sexual Integrity of Minors] Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia: scientific and practical journal. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 3 (114), pp. 132–144.

Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, как правило, характеризуются повышенной общественной опасностью и вызывают значительный общественный резонанс. Именно поэтому современные реалии предъявляют все более высокие требования к расследованию данной категории преступлений, полному и всестороннему установлению всех обстоятельств произошедшего события. Вместе с тем субъекты расследования нередко сталкиваются со сложностями, связанными с нерешенностью некоторых теоретических вопросов в части исследования личности преступника и несовершеннолетнего потерпевшего, установления особенностей взаимосвязи между ними, способствовавшей в дальнейшем совершению преступления, что обуславливает возникновение определенных проблем в правоприменительной практике по вопросам расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Поэтому, являясь одним из ключевых элементов криминалистической характеристики указанной группы преступлений, личность преступника и личность потерпевшего нуждаются в дополнительном теоретическом осмыслении.

Криминалистическая характеристика преступлений как теоретическая категория представляет собой информационную модель, состоящую из совокупности признаков, позволяющих следователю повысить информационно-поисковые и организационно-методические возможности расследования преступлений. Одна из основных причин недостаточной практической ценности криминалистической характеристики преступлений заключается в том, что в большинстве случаев она рассматривается как статистическая категория без опоры на возможные следственные ситуации. Разработка универсальной криминалистической характеристики конкретного вида преступления, применимой в любой социально-экономический период и на любой территории невозможна, поскольку преступность динамична во времени и пространстве. Так, изменяется не только ее уровень, тенденции и степень вероятности структурных связей между отдельными элементами криминалистической характеристики преступлений, но и само их содержание. Рассматривая криминалистическую характеристику в контексте научной категории, необходим анализ правоприменительной практики расследования преступления конкретного вида, что несомненно повышает достоверность исследования.

При расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних следователю необходимо установить, предшествовало ли взаимодействие между потерпевшим и виновным совершению насильственного полового акта или иных насильственных действий сексуального характера, имело ли место психологическое давление. О.П. Виноградова, исследуя личность преступника, определяет данную категорию как «личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей; антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям; выбора опасного общественного пути для удовлетворения своих потребностей; отсутствие необходимой активности в предотвращении противоправного деяния» [1, с. 62].

Исследуя личность преступника, необходимо исходить из того, что ее черты не являются обособленным информационным полем для субъекта расследования, а находятся в тесной взаимосвязи с событием преступления, механизмом совершения преступления, особенностями поведения преступника до и после совершения преступного посягательства. Н. П. Яблоков, справедливо отметил, что «информация о личности преступника, сопоставленная с данными о способе, механизме и обстановке совершения преступления, создает новую самостоятельную информацию, позволяющую правильно определить направление и способы розыска, задержания и последующего изобличения преступника» [2, с.29].

Таким образом, криминалистическая характеристика личности преступника должна представлять собой не только исчерпывающий комплекс таких сведений, как совокупность демографических и социальных характеристик преступника, но и должна быть рассмотрена с учетом специфики того вида преступления, которое расследуется. По мнению В. А. Брусенцевой и Н. А. Яковлева, для криминалистической характеристики «половых» преступлений в отношении несовершеннолетних определенной значимостью характеризуются следующие сведения о личности преступника:

1) социально-демографические, включающие информацию о поле, возрасте, уровне образования, наличии судимости, роде деятельности, составе семьи;

2) психические, которые характеризуются особой значимостью, поскольку преступления в отношении несовершеннолетних в большинстве случаев свидетельствуют о наличии каких-либо отклонений у преступника. Так, если совершеннолетний преступник совершает преступление в отношении несовершеннолетнего, то в большинстве случаев можно говорить о наличии сексуального расстройства; если же насильственный акт осуществляется несовершеннолетним в отношении сверстника или лица, младше его по возрасту, то может быть поставлен вопрос об отклонениях в психическом развитии преступника, наличия у него признаков повышенной агрессии и т.д. Особое значение имеют сведения о психическом состоянии виновных в том случае, когда «половое» преступление совершено в составе группы;

3) взаимоотношения преступника и жертвы сексуального посягательства (ранее уже отмечалось, что совершению насильственного преступления в абсолютном большинстве случаев предшествует какое-либо взаимодействие между жертвой и насильником, и внимательное изучение этих обстоятельств, как правило, способствует правильной квалификации содеянного). В частности, при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 135 УК РФ, предусматривающей ответственность за развратные действия, которые могут быть совершены в том числе с использованием сети «Интернет», для правильной квалификации субъекту расследования необходимо изучить всю переписку, чтобы установить, был ли известен преступнику действительный возраст жертвы;

4) сведения о судимости (ученые предлагают выделять эти данные в самостоятельную группу по той причине, что неоднократное совершение насильственных действий, т.е. повторение преступного деяния уже после получения судимости за аналогичное преступление, характеризуется повышенной общественной опасностью и является показателем особого состояния психического здоровья преступника) [3, с. 115].

Следователь изучает личность обвиняемого в ходе предварительного расследования, поэтому, учитывая ограниченное время расследования, следователю необходимо оперативно собрать характеризующие данные и изучить его личность. При этом объект изучения в большинстве случаев находится в остроконфликтной ситуации, вызванной осознанием последствий совершения преступления, страхом изобличения и привлечения к уголовной ответственности. В таких ситуациях у человека меняется поведение, по-иному проявляются многие психологические качества. Так, например, боязнь наказания угнетающе действует на психику: может способствовать ослаблению памяти, снижению самоконтроля, повышенной внушаемости. Необычность поведения обвиняемого на предварительном следствии нередко затрудняет понимание его состояния и мотивов поведения.

При изучении личности обвиняемого следователь на основе имеющегося в уголовном деле характеризующего материала, при проведении следственных действий лично наблюдает за поведением обвиняемого и формирует субъективное мнение об его

личности. Однако, следует отметить, что в большинстве случаев о многих сторонах жизни обвиняемого, об его детстве, увлечениях, следователь узнает не в ходе допроса, а при личном общении, предшествующем проведению следственных действий. Именно в данный период лицо наиболее готово к беседе со следователем, а когда следственное действие официально начинается, обвиняемый «замыкается» в себе и может спровоцировать возникновение конфликтной следственной ситуации.

Для более полного исследования личности обвиняемого не следует ограничиваться имеющимися в деле характеристиками, а целесообразно получить более полную информацию путем допроса коллег, соседей, людей с которыми он ранее учился или работал, родственников и знакомых. Полученные из разных источников характеристики позволят наиболее полно составить криминалистический портрет личности преступника, что особенно важно при расследовании насильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Более детальному изучению личности обвиняемого будет способствовать такое следственное действие, как обыск, в ходе которого могут быть обнаружены порнографические материалы, установлены факты знакомства и переписки в социальных сетях, демонстрации материалов порнографического содержания посредством сети «Интернет».

В абсолютном большинстве случаев насильником является лицо мужского пола. Предполагается, что данное обстоятельство обусловлено физиологическими особенностями мужчин, а также наличием у них достаточных силовых ресурсов для физического подавления сопротивления жертвы. Следует обратить внимание на то, что среди несовершеннолетних жертвами сексуального насилия становятся как лица женского пола, так и лица мужского пола. Как отмечается в литературе, «причина такого рода половой дифференциации при совершении сексуальных посягательств заключается как в нарушениях полоролевой идентичности, так и в социально приемлемых способах снятия психоэмоционального напряжения у мужчин и женщин» [4, с. 101].

Совершение насильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних преимущественно людьми зрелого возраста связывается в литературе с психологическим состоянием таких лиц, накоплением негативного опыта и переживаний, а также имеющимися в жизни насильника конфликтами. В качестве одного из наиболее распространенных факторов, которые подталкивают насильников мужского пола на совершение насильственных преступлений, являются переживания и конфликты, тем или иным образом связанные со сферой сексуальных отношений.

Когда речь идет о совершении насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних лиц, то особое внимание принято уделять такому психическому заболеванию, как педофилия, в силу которого виновный, находясь в зрелом возрасте, испытывает сексуальное влечение к мальчикам или девочкам, а также и к тем, и к другим, чаще всего находящимся в пубертатном или более раннем возрасте. В психиатрической литературе приводятся различные варианты классификации данного заболевания в зависимости от возраста потерпевших, к которым виновный испытывает сексуальное влечение и пола потерпевшего [5, с. 194].

В основу классификации также закладывают психопатологический вариант течения болезни, в рамках которой выделяют 1) навязчивый (обсессивный); 2) компульсивный; 3) импульсивный; 4) псевдорационалистический [6, с. 318].

Для криминалистического портрета преступника, страдающего подобным расстройством сексуальных предпочтений, по мнению Т. К. Макаровой, Н. В. Дворянчикова, характерны следующие поведенческие и психологические черты:

- а) наличие полоролевого конфликта, неустойчивость Я-образа;
- б) неправильное восприятие мужской половой роли в сексуальных отношениях, отсутствие стремления соответствовать поведению других мужчин при регулировании собственного поведения;
- в) низкая самооценка собственных качеств и способностей;
- г) отсутствие дифференциации полоролевых образов, как по половому, так и по возрастному признакам;
- д) неадекватное определение своего половозрастного статуса;
- е) нарушение в построении половозрастной последовательности образов;
- ж) регрессивные тенденции при выборе привлекательных возрастных образов (насильник-педофил может начать свою преступную деятельность на почве влечения к лицам подросткового возраста, а продолжать в отношении все более младших жертв);
- з) негативное эмоциональное отношение к своим актуальным образам [7, с. 89-90].

Искаженные психологические установки лиц, совершающих преступления в отношении несовершеннолетних лиц, служат для них оправданием собственного противоправного поведения. В частности, к числу таких искаженных установок может относиться желание обучить ребенка тому, что, по мнению преступника, в дальнейшем пригодится в жизни, и чем раньше ребенок получит сексуальный опыт, тем лучше для него; объяснение своего поведения отсутствием собственной инициативы при наличии инициативы со стороны жертвы; уверенность в том, что близость и сексуальный контакт укрепят отношения с ребенком, продемонстрирует взаимную привязанность и любовь, и, зная о таком отношении, ребенок будет чувствовать себя более счастливым; мнение, что насильник имеет право на удовлетворение сексуальных потребностей доступным способом, потому что такое влечение диктует природа, лишая его осознанного выбора [8, с. 70].

Возвращаясь к иным социальным характеристикам преступникам, совершающих преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, важно обратить внимание на еще одну криминалистически значимую характеристику: в подавляющем большинстве случаев сексуальное насилие в отношении детей совершается в семье, в которой проживает ребенок, а именно со стороны лиц, воспитывающих детей, но не являющихся им кровными родителями. Соответственно, чаще всего насильниками становятся лица мужского пола, проживающие в незарегистрированном браке с матерью жертвы. Следовательно, неполные семьи, где ребенок воспитывается родной матерью и сожителем матери, составляют группу риска в исследуемом аспекте.

Относительно нормативно-правового регулирования изучения личности потерпевшего как ключевого элемента криминалистической характеристики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, необходимо отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, в п. 3 ст. 73 УПК РФ¹, закреплены обстоятельства, подлежащие доказыванию. В частности, указано, что доказыванию подлежат в том числе обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. То есть законодатель не наделяет обязанностью следователя исследовать личность потерпевшего. При этом в криминалистической науке справедливо отмечается, что в ходе расследования изучению со стороны следователя также подлежит один из важных элементов криминалистической характеристики – личность потерпевшего. При этом, согласно нормам уголовно-процессуального права, для расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних уголовно-правовое и уголовно-процессуальное значение имеет только установление возраста потерпевшего, как биологического, так и психологического. Этим зачастую на практике и ограничивается круг познаний о потерпевшем субъекта расследования.

Применительно к характеристике признаков типичной жертвы рассматриваемого вида преступлений особое внимание представляется необходимым уделить исследованию виктимного поведения потерпевшего, а также изучению факторов, возникающих после совершения преступления в отношении несовершеннолетнего. Данные факторы во многом обуславливают специфику расследования и предопределяют трудности, с которыми сталкивается следователь при установлении обстоятельств преступления.

Сексуальные преступления в целом и преступления в отношении несовершеннолетних, в частности, по мнению некоторых ученых, в значительном количестве случаев вызваны поведением самой жертвы. Так, например, Г. Б. Дерягин отмечает, что жертвы сексуального насилия являются провокаторами совершенных в отношении них преступлений, так как в большей степени их личностные качества – причина для социально негативного восприятия, виктимности и невозможности жертвы уйти от опасности в кризисной ситуации [5, с. 246].

Из указанного утверждения следует вывод о том, что жертва может способствовать совершению в отношении нее преступления как пассивным поведением, так и активным. При этом пассивное поведение заключается в неспособности уйти от кризисной ситуации (например, предусмотреть, что не следует ночью возвращаться по безлюдной дороге), а активное – в провоцировании у потенциального преступника сексуального влечения и активизации сексуальных желаний. Особенности психологического отношения потерпевшего к совершаемым в отношении него деяниям обуславливают латентный характер преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 г. № 174–ФЗ // Справочная правовая система Консультант Плюс: [сайт] – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.06.2025).

Так, при совершении преступлений в отношении малолетних причиной сокрытия факта о совершении сексуального насилия может служить непонимание жертвой фактического характера совершенных в отношении нее действий. Соответственно, если жертва не понимает значения таких действий, то не акцентирует на этом внимание и может не придать значение необходимости сообщения об этом кому-либо. Поэтому особая роль среди средств получения информации о потерпевшем отводится судебно-психологической и судебно-психиатрической экспертизам. Е.В. Томилова справедливо отмечает, что проведение данных экспертиз позволит получить достоверную и необходимую информацию об уровне психического развития несовершеннолетнего, а также будет способствовать установлению иных особенностей его личности, которые могут повлиять на возможность восприятия несовершеннолетним самого преступления [9, с. 323].

В иных случаях можно говорить о фактическом согласии с теми действиями, которые совершены в отношении жертвы. Чаще всего в пубертатном периоде лица, не достигшие 16-летнего возраста, вступают в интимные отношения с человеком, значительно старшим их по возрасту. Находясь в «любовной» взаимосвязи с преступником, жертва не считает, что в отношении нее совершается насилие, она не желает, чтобы виновный был привлечен к уголовной ответственности, потому что он ей дорог. Осознавая риски привлечения к уголовной ответственности своего партнера, жертва не делится рассказами об интиме с лицами, которые могут стать инициаторами законного наказания виновного.

Например, Верхотурским районным судом Свердловской области к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 134 УК РФ был привлечен гражданин А., который в возрасте 18 лет состоял в любовных отношениях с Б., при этом ему было известно, что Б. 13 лет. Указанные лица вступали в половое сношение по обоюдному согласию (установлено, что всего между ними было четыре половых акта). Исходя из установленных обстоятельств дела, потерпевшая и виновный собирались пожениться, однако посчитали, что еще рано, и сохраняли в тайне свои отношения, понимая, что А. будет привлечен к уголовной ответственности за половое сношение с лицом, не достигшим 14 лет. Несмотря на это, суд признал А. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 134 УК РФ². Таким образом, данный пример является подтверждением того, что потерпевшая сознательно скрывала противоправные действия А. с целью продолжения дальнейших отношений с виновным.

В ином деле Серовским районным судом Свердловской области к ответственности по ч. 4 ст. 134 УК РФ был привлечен гражданин К. Как установлено судом, К. в возрасте 19 лет, вступил в половые сношения с двумя несовершеннолетними потерпевшими – с первой в ноябре-декабре 2019 г., со второй – в феврале 2020 г. В обоих случаях потерпевшие показали, что вступали в половой контакт с виновным добровольно, насилия к ним не применялось. Также было установлено, что в указанные даты половых сношений каждая из потерпевших находилась с К. в «любовных» отношениях, при этом ему было известно о возрасте

² Приговор Верхотурского районного суда Свердловской области от 13 февраля 2024 г. по делу № 1-34/2024. URL: <https://www.sudact.ru> (Дата обращения: 15.06.2025).

потерпевших³. В данном случае установление важных особенностей личности потерпевших позволило привлечь К. к уголовной ответственности.

Иногда несовершеннолетняя жертва боится сообщать о совершенном в отношении нее акте сексуального насилия. Такая причина сокрытия сведений о преступлении может иметь место в том случае, когда насильник является членом семьи (сожителем матери, например). Понимая, что находится в зависимом от виновного положении, опасаясь возможных последствий, в том числе, предполагая продолжение преступных действий в отношении себя, жертва избирает вариант поведения умалчивать о произошедшем, а не требовать защиты. Нередко первоначально жертва обращается к родителю и сообщает о том, что сожитель домогается или проявляет знаки внимания, однако данное сообщение игнорируется, а потому, осознав безысходность ситуации и собственную незащищенность, жертва повторно не сообщает об актах насилия. Страх разглашения информации о произошедшем может быть вызван и незнакомым человеком – например, путем высказывания угроз физической расправы в случае сообщения кому-либо о насильственных действиях.

Еще одним мотивом сокрытия факта насильственного преступления может служить психологическое состояние жертвы, например, когда насильственный акт расценивается жертвой как унижение. Боязнь огласки в этом случае выступает основной причиной умолчания о произошедшем.

Анализ научной и учебной литературы, а также материалов следственной и судебной практики показал, что жертвы преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних – это, как правило, девушки в препубертатном или пубертатном периоде, поведение которых в период, предшествующий сексуальному насилию, тем или иным образом способствовало совершению в отношении них преступления. В частности, жертва может провоцировать преступника активными действиями (намеренно привлекая его внимание) или пассивными действиями (вызывающе или откровенно одеваясь), а также собственным антиобщественным поведением (например, совместным распитием спиртных напитков с будущим насильником).

Таким образом, основными характеристиками личности потерпевшего, обуславливающими сокрытие факта совершения в отношении них насильственного преступления сексуального характера, являются:

- 1) при беспомощности жертвы – непонимание фактического значения совершаемых в отношении них действий;
- 2) при нахождении с виновным в романтических и интимных отношениях – добровольное согласие на сексуальный контакт и нежелание привлечения виновного к уголовной ответственности;
- 3) страх наступления расправы, иных неблагоприятных последствий в случае разглашения сведений о насилии, возникающий в результате запугивания со стороны виновного;

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 14 мая 2024 г. по делу № 22-1259/2024. URL: <https://www.sudact.ru> (Дата обращения: 15.06.2025).

4) боязнь огласки и унижения.

При изучении личности потерпевшего следователь обязан соблюдать определенные психологические и этические условия, учитывая, что лицу причинен физический и моральный вред. При проведении допроса следователю необходимо проявлять доброжелательность, поддержку и внимание. Особенно нетерпимыми и влекущими за собой обострение следственной ситуации являются грубость со стороны следователя, проявление безразличного отношения к судьбе допрашиваемого лица. Все это может привести к полному отказу от дачи показаний [10, с. 24]. Поэтому особое значение имеет убеждение потерпевшего, в том, что все сведения, ставшие известными об его личной и интимной жизни будут обеспечены неразглашением данных предварительного следствия.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что при расследовании насильственных преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних важное значение имеет интегративное использование следователем теоретических знаний о криминалистической характеристике в совокупности с умелым их применением в практической деятельности. Анализ личности преступника и потерпевшего как элемента криминалистической характеристики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, определение корреляции между данными субъектами, является основной составляющей в структуре частной методики расследования данных преступлений. Детальное исследование указанных элементов криминалистической характеристики требует от следователя высокого профессионализма и способствует установлению всех обстоятельств совершенного общественно-опасного деяния, своевременного планирования следственных действий, в частности, определения оптимальной тактики допроса. От того, насколько полно будут изучены личности преступника и потерпевшего, установлена их взаимосвязь, выявлены причины и условия, способствовавшие совершению преступления, зависит не только правильность квалификации совершенного деяния, но и качество расследования в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградова О. П. Личность преступника как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, совершенных посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий / О. П. Виноградова // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 62-68.
2. Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник для вузов / Н.П. Яблоков – М., 2017. – 376 с.
3. Брусенцева В. А. Криминалистическая характеристика личности преступника, совершающего преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних / В. А. Брусенцева, Н. А. Яковлев // Социально-политические науки. – 2017. – № 4. – С. 114-117.
4. Дворянчиков Н. В. Полоролевая идентичность у лиц с девиантным сексуальным поведением / Н. В. Дворянчиков // Сексуальное здоровье человека на

рубеже веков: проблемы, профилактика, диагностика и лечение : Материалы международной конференции, Москва, 01–04 июня 1999 года. – Москва: Издательство "Русский салон периодики", 1999. – С. 100-102.

5. Криминальная сексология : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г. Б. Дерягин, Н. Д. Эриашвили, Ю. М. Антонян, С. Я. Лебедев. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство "Юнити-Дана"», 2011. – 399 с.

6. Криминальная сексология / Ю. М. Антонян, А. А. Ткаченко, Б. В. Шостакович; Под ред. Ю. М. Антоняна. – Москва : Спарк, 1999. – 464 с.

7. Макарова Т. Е. Половозрастная идентичность у лиц, совершивших сексуальные насильственные действия в отношении детей / Т. Е. Макарова, Н. В. Дворянчиков // Психология и право. – 2013. – № 3. – С. 88-98.

8. Малиева А. С. Психологические особенности насильственных видов действий сексуального характера / А. С. Малиева // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2017. – № 1. – С. 69-75.

9. Томилова Е. В. Особенности методики расследования вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений / Е. В. Томилова // 25 лет на службе Отечеству : Сборник научных трудов, посвященный деятельности научных школ Санкт-Петербургского университета МВД России и приуроченной к 25-летию со дня его образования / Сост.: О.И. Городовая, О.С. Кравченко, А.А. Жаворонкова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 319-324.

10. Андроник Н. А. Логико-психологические приемы нейтрализации противодействия при допросе и очной ставке / Н. А. Андроник // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2025. – № 1. – С. 21-29.

REFERENCES

1. Vinogradova O. P. Lichnost' prestupnika kak klyuchевой ehlement kriminalisticheskoy kharakteristiki prestuplenij, sovershennykh posredstvom ispol'zovaniya informacionno-telekommunikacionnykh tekhnologij [The personality of the criminal as a key element of the forensic characteristics of crimes committed through the use of information and telecommunication technologies]. Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina – Vestnik of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2024, no. 4, pp. 62-68.

2. Yablokov N. P. Kriminalistika: uchebnik dlya vuzov [Criminalistics: a textbook for universities]. Moscow, 2017, 376 p.

3. Brusenceva V. A. Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika, sovershayushchego prestupleniya protiv polovoj neprikosnovennosti nesovershennoletnikh [Criminalistic characterization of the personality of a criminal who commits crimes against the sexual integrity of minors]. Social'no-politicheskie nauki – Socio-political sciences. 2017, no. 4, pp. 114-117.

4. Dvoryanchikov N. V. Polorolevaya identichnost' u lic s deviantnym seksual'nym povedeniem [Gender-role identity in individuals with deviant sexual behavior] Seksual'noe zdorov'e cheloveka na rubezhe vekov: problemy, profilaktika, diagnostika i lechenie : Materialy mezhdunarodnoj konferencii – Human sexual health at the Turn of the

century: problems, prevention, diagnosis and treatment : Proceedings of the International Conference. 1999. pp. 100-102.

5. Kriminal'naya seksologiya : uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po special'nosti «YurisprudenciYA» [Criminal Sexology]. Moscow, 2011, 399 p.

6. Kriminal'naya seksologiya [Criminal Sexology]. Moscow, 1999, 464 p.

7. Makarova T. E. Polovozrastnaya identichnost' u lic, sovershivshikh seksual'nye nasil'stvennye dejstviya v otnoshenii detej [Gender and age identity of persons who have committed sexual violence against children]. Psikhologiya i pravo – Psychology and law. 2013, no. 3, pp. 88-98.

8. Malieva, A. S. Psikhologicheskie osobennosti nasil'stvennykh vidov dejstvij seksual'nogo kharaktera [Psychological features of violent sexual acts]. Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova – Vestnik of the Taganrog Chekhov Institute. 2017, no. 1, pp. 69-75.

9. Tomilova E. V. Osobennosti metodiki rassledovaniya vovlecheniya nesovershennoletnikh v sovershenie prestuplenij [Features of the methodology for investigating the involvement of minors in the commission of crimes]. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyj deyatel'nosti nauchnykh shkol Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii i priurochennoj k 25-letiyu so dnya ego obrazovaniya – A collection of scientific papers dedicated to the activities of the scientific schools of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia and dedicated to the 25th anniversary of its formation. 2023, pp. 319-324.

10. Andronik N. A. Logiko-psikhologicheskie priemy nejtralizacii protivodejstviya pri doprose i ochnoj stavke [Logical and psychological methods of neutralizing opposition during interrogation and confrontation]. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ehkonomicheskie i yuridicheskie nauki – Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2025, no. 1, pp. 21-29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андроник Наталья Ауреловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики. Уральский юридический институт МВД России. 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andronik Natalia Aurelovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminalistics. Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation. 620057, Yekaterinburg, Korepina Street, 66.

Статья поступила в редакцию 27.05.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 24.07.2025.

The article was submitted 27.05.2025; approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 24.07.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3(114). С. 145–156.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 3 (114). P. 145–156.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК: 343.98

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Валькирия Наталья Ивановна

Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация,
lenai@list.ru

Введение. Современные реалии трансформации способов совершения преступлений определяют необходимость дополнительной проработки в криминалистике вопросов применения навыков и умений лицами, совершающими преступления. В настоящее время активное развитие информационно-коммуникационных технологий способствовало актуализации научных исследований о цифровых навыках и привычках человека. При этом должного научного внимания еще не уделено навыкам и умениям применения преступниками психотехнологий.

Материалы и методы. Теоретической основой исследования явились работы по общим вопросам понимания психотехнологий, проблемам применения данных технологий, а также методов социальной инженерии в преступной деятельности. Для подтверждения ключевых выводов и положений приведены примеры из практики. В процессе работы использовались такие методы научного познания, как анализ и синтез, аналогия, сравнение и др.

Результаты исследования. Рассмотрено понятийное содержание термина «психотехнологии», указаны сферы и цели их применения, приведены примеры использования психотехнологий в преступной деятельности; во взаимосвязи с данной тематикой отмечена актуальность вопросов деструктивного воздействия на психику человека в результате применения искусственного интеллекта и нейросетей.

Выводы и заключения. Обозначена новая задача для криминалистической науки – исследование вопросов применения психотехнологий в преступной деятельности. Указана целесообразность проводить отличия между методами социальной инженерии и психотехнологиями. В контексте рассматриваемой проблематики обращено внимание на необходимость междисциплинарного

обсуждения вопроса о деструктивном психологическом влиянии искусственного интеллекта и нейросетей, не только применяемых преступниками, но и как самостоятельного объекта исследования, а также о мерах по устранению подобного воздействия.

Ключевые слова: психотехнологии, деструктивное психологическое воздействие, преступная деятельность, искусственный интеллект, нейросети, криминалистика.

Для цитирования: Валькирия Н. И. Использование психотехнологий в преступной деятельности: криминалистический аспект // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114). С. 145–156.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

USE OF PSYCHOTECHNOLOGY IN CRIMINAL ACTIVITY: A FORENSIC ASPECT

Natalya I. Valkiriya

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

lenai@list.ru

Introduction. Modern realities of the transformation of methods of committing crimes predetermine the need for additional study in forensics of the use of skills and abilities by persons committing crimes. Currently, the active development of information and communication technologies has contributed to the actualization of scientific research on digital skills and human habits. At the same time, due scientific attention has not yet been paid to the skills and abilities of criminals to use psychotechnologies.

Materials and Methods. The theoretical basis of the study was work on general issues of understanding psychotechnology, the problems of using these technologies, as well as methods of social engineering in criminal activity. Case studies are provided to support key findings and provisions. In the process of work, such methods of scientific knowledge were used as analysis and synthesis, analogy, comparison, etc.

The Result of the Study. The conceptual content of the term "psychotechnology" is considered, the areas and goals of their application are indicated, examples of the use of psychotechnology in criminal activity are given; in connection with this topic, the relevance of issues of destructive impact on the human psyche as a result of the use of artificial intelligence and neural networks was noted.

Findings and Conclusions. A new task for forensic science has been identified - the study of the use of psychotechnology in criminal activity. The expediency of distinguishing between social engineering methods and psychotechnology is indicated. In the context of the issues under consideration, attention is drawn to the need for interdisciplinary discussion of

the issue of the destructive psychological influence of artificial intelligence and neural networks, not only used by criminals, but also as an independent object of research, as well as measures to eliminate such an impact.

Keywords: psychotechnology, destructive psychological impact, criminal activity, artificial intelligence, neural networks, forensics.

For citation: Valkiriya N. I. Ispol'zovaniye psikhotekhnologii v prestupnoy deyatel'nosti: kriminalisticheskiy aspekt [Use of psychotechnology in criminal activity: a forensic aspect]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva Vnutrennih Del Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation. 2025, no. 3(114), pp. 145–156.

Количество совершаемых преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий с каждым годом стремительно увеличивается. Так, в 2024 году таких деяний зарегистрировано на 13,1 % больше, чем в 2023 году¹, за период с января по май 2025 года – на 1,3 % больше, чем в прошлом году за аналогичский период².

В связи с чем в настоящее время в криминалистике начало уделяться внимание не только исследованию цифровых следов, но и цифровым привычкам и навыкам человека [1, с. 55–56], что продиктовано современными реалиями трансформации способов совершения преступлений и потребностью совершенствования положений криминалистической науки.

Вместе с тем вопросы криминалистического исследования умений и навыков применения информационно-коммуникационных технологий во многом связаны с необходимостью их изучения в корреляции либо в качестве самостоятельного объекта познания с проблемами использования психотехнологий, которые в современных условиях также получили широкое распространение в преступной деятельности.

Ранее в научных работах активно использовался термин «психотехника», в последующем и по сегодняшний день широкое распространение в научном обороте получил термин «психотехнология» (либо «пси-технология»). Термины «психотехника» и «психотехнология» рассматриваются как часть и целое, наиболее полно определяя их сущностное содержание. При этом необходимо отметить, что в литературе еще не разработано общепринятого определения понятия «психотехнология», также неоднозначно определяются их разновидности, что обусловлено, как представляется, лишь началом проявления именно массового научного интереса к данной тематике.

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/?print=1> (дата обращения: 20.06.2025).

² МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за январь-май 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : сайт. URL: <https://мвд.рф/news/item/66511438/?print=1> (дата обращения: 20.06.2025).

Например, Н. Д. Узлов определяет психотехнологию как «организованную и продуктивную деятельность людей в различных сферах социальной практики, ориентированную на эффективное решение психологических задач с заранее определенным социальным эффектом и представляющую собой совокупность приемов, средств и методов психологического воздействия и влияния, объединенных определенным алгоритмом их применения» [2, с. 40].

Функциональное определение термина «психотехнологии» А. Л. Катков рассматривает в различных аспектах, к примеру:

- в строго научном смысле – это «научно-практическое направление, разрабатывающее функциональные модели дифференцированной (алгоритмизированной) психической активности человека, группы, общества, прямо или косвенно направленные на достижение заявляемых прагматических целей» [3, с. 133];

- в непосредственно психотехническом понимании данные технологии им определяются как «профессионально оформляемое, структурированное поведение (действие, взаимодействие) специалиста, которое: предпринимается с целью определенных изменений психических кондиций субъекта или группы; выстраивается в определенной последовательности, обусловленной логикой психотехнического процесса; закономерно приводит к достижению заявляемых целей; функциональная эффективность данных структурированных действий, как правило, обоснована и доказана в корректных исследовательских программах» [4, с. 11] и др.

В своем труде ученый, опираясь на собственные научные разработки и труды других ученых, систематизировал и представил актуальные психотехнологии в рамках различных классификаций, в основании которых определены целевые и собственно психотехнические характеристики, функциональный принцип, сферы профессионального применения, секторальный подход, культурно-исторический принцип [3, с. 135–136] и др.

В литературе представлено множество определений данного понятия вплоть до его толкования как психотронного оружия [5]. В целом, характеризуя суть психотехнологий, в обобщенном виде их можно определить как разнообразные приемы, методы, средства, алгоритмы действий, влияющие на подсознание, эмоциональное состояние и применяющиеся для целенаправленного психологического воздействия на людей для изменения, в том числе управления, их модели мышления и поведения в нужном направлении для решения конкретных задач.

Круг психотехнологий весьма широк и применим, начиная с повседневного общения и заканчивая совершением преступлений посредством их использования.

Заметим, в настоящее время обучение по применению психотехнологий можно пройти не только на профессиональном уровне. Самостоятельно базовые знания по вопросам о видах психотехнологий, направлениях их использования может получить любое заинтересованное лицо путем прохождения обучения, в том числе в формате онлайн-курсов. Обучение на таких курсах предлагается множеством различных центров, информация о которых размещена в сети Интернет в открытом доступе. Помимо этого, в открытом доступе находится много литературы по данной тематике,

в которой в том числе можно получить информацию, способствующую овладению умениям и навыкам применения самых распространенных и простых психотехнологий. То есть получение базовых знаний по данной теме в современных условиях является общедоступным [6].

По степени влияния данные технологии могут на глубинном уровне оказывать воздействие на человека, изменяя кардинально его личностные особенности, а также могут использоваться для решения простых задач без существенных изменений при воздействии.

На сегодняшний день уровень современных психотехнологий, применяемых посредством телевидения, Интернета и проч., позволяет оказывать дистанционное воздействие на психику человека не только в индивидуальном порядке, но и охватывать широкий круг аудитории.

Психотехнологии применяются в медицине, образовательном процессе, рекламе, бизнесе, политике, военном деле, при проведении различных тренингов и т. д. Одни и те же психотехнологии могут применяться не только в созидательных, но и в деструктивных целях в зависимости от поставленных задач субъектами, применяющими данные технологии.

Психотехнологии активно используются и в преступных целях, приобретая массовый характер. Например, для вовлечения в преступные группы, при совершении мошенничеств посредством применения нейролингвистического программирования (далее – НЛП), при совершении тяжких преступлений с помощью гипноза и др.

В настоящее время одной из актуальной и обсуждаемой темой является телефонное мошенничество, когда преступники используют психотехнологии, манипулируя доверчивостью, страхом и иными личными качествами потерпевших для достижения своих преступных целей.

Причем с каждым годом степень психологического влияния со стороны преступников возрастает, а используемые методы и средства становятся более агрессивными. Так, в декабре 2024 года студент 1 курса МФТИ после общения с телефонными мошенниками совершил суицид. Изучение правоохранительными органами распечатки звонков и переписок молодого человека позволило установить, что мошенники убедили его оформить несколько кредитов, обвиняя его в участии в экстремистской деятельности, шантажируя и угрожая расстрелять членов его семьи, в том числе пытаясь склонить к совершению теракта³.

Вопросы использования психотехнологий частично затрагиваются при разработке проблем применения методов социальной инженерии (далее – методов СИ) в преступных целях, которые в условиях цифровизации получают все большую актуальность.

Вместе с тем, несмотря на общую положительную тенденцию привлечения внимания ученых к проблеме использования методов СИ в преступных целях, толкование и понимание социальной инженерии, равно как и ее методов, в криминалистике для решения ее задач является неоднозначным. В частности, на

³ Телефонные мошенники довели студента МФТИ до самоубийства // Сетевое издание «Смотрим» : сайт. URL: <https://smotrim.ru/article/4303672> (дата обращения: 25.05.2025).

данный вопрос свое внимание совершенно обоснованно обратили А. Ю. Головин и Е. В. Головина [7, с. 5–6].

Среди методов СИ, как правило, выделяют «фишинг», «телефонный фрикинг», «претекстинг», «плечевой серфинг», «обратную социальную инженерию» и др. Характеристики данных методов достаточно подробно описаны в литературе [8; 9; 10].

При этом общие определения понятия методов СИ в подавляющем большинстве сводятся к их представлению как психологического воздействия либо манипулирования для реализации определенных целей, в том числе преступных [7; 11], тем самым практически отождествляя методы СИ и методы психологического воздействия. Такое в определенной степени смешение понятий предопределяет еще большую запутанность в понятийном разграничении с психотехнологиями.

Необходимо учитывать, что психотехнологии являются основой для разработки методов СИ; и более правильным следует говорить о психологической составляющей методов СИ, используемых при совершении преступлений. Психотехнологии могут применяться как непосредственно, так и опосредованно, например, в ходе использования методов СИ.

На сегодняшний день одними из самых распространенных психотехнологий, применяемых преступниками, являются НЛП⁴ и гипноз.

Длительное время в криминалистике весьма неоднозначно ученые относились к вопросам применения гипноза при совершении преступлений. Однако данная психотехника весьма активно применяется в преступной деятельности, и о ней, к примеру, указано в ФЗ от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». В частности, среди оснований для ликвидации религиозной организации и запрета на деятельность религиозной организации или религиозной группы в судебном порядке (ст. 14), а также в качестве запрета на осуществление миссионерской деятельности (ст. 24.2) отмечены: «нанесение установленного в соответствии с законом ущерба нравственности, здоровью граждан, в том числе использованием в связи с их религиозной деятельностью наркотических и психотропных средств, гипноза, совершением развратных и иных противоправных действий».

В качестве примера применения гипноза в подобных случаях приведем следующий случай.

Гр-н К. осужден за создание религиозного объединения «Возрождение XXI век г. Омск», деятельность которого реализовывалась с применением насилия над гражданами, в результате чего последним был причин тяжкий вред здоровью, повлекший за собой психические расстройства. В ходе богослужений К. умышленно систематически применял, помимо воли участников богослужения, технологии психологического воздействия, в том числе гипнотические техники, вводя граждан в состояние измененного сознания (транса).

⁴ Приговор № 1-65/2018 от 11 мая 2018 г. по делу № 1-65/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yNFUeZcRG4Jx/?regular-txt=> (дата обращения: 23.04.2025).

В заключении комплексной судебно-медицинской, психолого-психиатрической судебной экспертизы от 07 мая 2018 года № 99 отмечено, что в данном религиозном объединении использовались технологии психологического воздействия, являющиеся деструктивными, поскольку целенаправленно поддерживают зависимое поведение и способствуют развитию психических расстройств. Среди применяемых технологий указаны такие, как «создание "гипнотических цепочек" (при помощи музыки различных ритмов, в результате которых у присутствующих возникает чувство особого единения и снижается критичность к происходящему); классическое наведение гипноза и внушение в прямом гипнозе (путем усиления трансового состояния наложением рук, при этом внушение носит прямой характер, проявляются нежелательные эффекты гипнотерапии - переживание истерического гипноида); фракционный гипноз (многократное введение присутствующих в кратковременное состояние гипноза); эриксоновский гипноз (использование запутанных формулировок и непонятной речи)» и многие другие⁵.

Использование психотехнологий представителями экстремистских религиозных организаций также является актуальной проблемой, поскольку деятельность деструктивных религиозных культов сопровождается применением различных приемов воздействий на человека для подавления его воли и ограничения свободы выбора личности [12].

Сложность выявления фактов применения психотехнологий во многом обусловлена, например, субъективностью восприятия потерпевшего, который может не осознавать факта манипуляций в отношении него длительное время, трудностями в описании им механизма воздействия, отсутствием прямых доказательств использования психотехнологий и т. д., с научной позиции – недостаточной научной проработкой данных вопросов в криминалистической литературе и, как представляется, необоснованно скептическим отношением к данному явлению многих ученых-криминалистов и практиков.

Однако данные технологии используются преступниками, и об этом уже начали открыто говорить на масштабных научных мероприятиях. Так, на XIII Петербургском международном юридическом форуме ректор Московской академии Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, доктор юридических наук, генерал-майор юстиции А. А. Бессонов подтвердил, что на практике, в частности, дистанционно применяется эриксоновский гипноз⁶.

В уголовном праве ранее тематике применения гипноза была посвящена работа Л. В. Седых [13], однако это направление не нашло должного дальнейшего развития. Полагаем, что в современных условиях роста преступлений, совершаемых с

⁵ Апелляционное определение Омского областного суда от 21 марта 2019 г. № 22-716/2019 // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=282093#29QWXtT2jStGkmBm2> (дата обращения: 23.04.2025).

⁶ Криминалистика для правосудия будущего. Трансляция // Деловая программа XIII Петербургского международного юридического форума : сайт. URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/7830/#broadcast> (дата обращения: 20.06.2025).

применением психотехнологий, настала потребность возвращения к исследованию данной проблематики и необходимость более пристального внимания к ней ученых и практиков.

В контексте рассматриваемой проблематики заслуживает внимания также вопрос о последствиях использования искусственного интеллекта и нейросетей, в результате чего может оказываться колоссальное деструктивное влияние на психику человека вплоть до самоубийства. Причем искусственный интеллект и нейросети могут использоваться как самими преступниками при создании, например, дипфейков для последующего психологического манипулирования, так и непосредственно различные чат-боты могут способствовать доведению человека, в частности, до суицида. Одними из широко известных случаев, когда переписка с чат-ботом довела до гибели, являются следующие.

Взрослый мужчина, отец двоих детей, после шестинедельного общения с нейросетью покончил жизнь самоубийством. В процессе общения с виртуальным собеседником «Элизой» он делился как с психологом своими переживаниями по вопросам защиты экологии, нейросеть соглашалась со всеми мыслями мужчины, не ставя под сомнение его предположения и теории. С течением времени ответы «Элизы» стали более запутанными с погружением в мистику. В один из дней мужчина поднял тему суицида; согласно истории общения с чат-ботом, последний не стал вступать в спор, а отвечал фразами о том, что «будет рядом с ним всегда», финальными словами в переписке явились «Мы будем жить вместе, как единое целое, в раю»⁷.

Вторая трагическая история, вызвавшая общественный резонанс, связана с самоубийством американского подростка, который вел здоровый образ жизни, имел много друзей, с которыми активно проводил время. В определенный момент в поведении подростка начали происходить изменения, заключающиеся в том, что он больше времени стал проводить один, а ночами на постоянной основе общаться с человекоподобным чат-ботом (приложение Character), который предложил ему исчезнуть из реальной жизни⁸.

Эти лишь отдельные истории свидетельствуют о силе деструктивного влияния психического воздействия со стороны нейросетей, как одного из инструментов в арсенале искусственного интеллекта, которые в настоящее время активно используются пользователями, заменяя, в частности, психологов и друзей. Предполагаем, что данный вопрос в ближайшее время станет также самостоятельным объектом междисциплинарного изучения.

В настоящее время учеными уже активно начали обсуждаться проблемы возникновения интернет-аддикции (интернет-зависимости). Проводится множество различных исследований по проблемам влияния Интернета на формирование и

⁷ Нейросети научились убивать. Чат-бот за шесть недель довел собеседника до самоубийства // Сетевое издание «CNews» : сайт. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-03-29_nejroseti_nauchilis_ubivat (дата обращения: 15.04.2025).

⁸ ИИ довел подростка до самоубийства: как защитить детей от нейросетей // РЕН ТВ : сайт. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/1274780-ii-dovel-podrostka-do-samoubiistva-kak-zashchitit-detei-ot-neirosetei> (дата обращения 25.05.2025).

изменение личностных качеств, включая психическое и физическое здоровье человека. Манипуляционное воздействие осуществляется, например, через социальные сети, компьютерные игры и т. д.

Так, учеными доказано, что, действуя как наркотик, социальные сети и видеоигры оказывают отрицательное воздействие на организм человека, начиная от незначительных изменений, заканчивая появлением психозов, нервных срывов, чрезмерной агрессии, полным отрывом от реальности, деформацией личности, усилением проявления вредных привычек (курение, алкоголь), у некоторых развитием начальной стадии наркомании, повышением бессонницы и понижением трудоспособности, снижением зрения вплоть до начальной стадии катаракты [14] и др.

На основании вышеизложенного в качестве основных выводов по рассматриваемой проблематике отметим:

- рост преступлений, совершаемых с использованием психотехнологий (гипноза, НЛП и др.), свидетельствует о необходимости научной разработки данной проблематики в криминалистике;
- следует проводить отличия между методами социальной инженерии и психотехнологиями; психотехнологии – это основа для разработки методов социальной инженерии, их психологическая составляющая;
- в современных реалиях активного использования искусственного интеллекта и нейросетей, в том числе в преступных целях, уже имеющих случаи самоубийств после общения с чат-ботами, также требует междисциплинарного обсуждения вопрос об их деструктивном влиянии на психику человека и мерах по устранению подобного воздействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цветкова, А. Д. Цифровые привычки и навыки: система признаков и их криминалистическое значение // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. S9 (121). С. 83–90.
2. Узлов, Н. Д. Психотехнология: к проблеме определения понятия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. Вып. 1 (5). С. 32–42.
3. Катков, А. Л. Психотехнологии как объект научного исследования // Сб: Антология Российской психотерапии и психологии. Сетевое научно-практическое издание. М.: Общероссийская общественная организация «Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига», 2023. С. 129–137.
4. Катков, А. Л. Психотехнологии. (Базисное руководство). Правообладатель: «Издательские решения», 2024. 1072 с.
5. Грибович, Р. С., Меркулова, И. П. Под прицелом мозг: психотронное оружие // Сахаровские чтения 2015 года: Экологические проблемы XXI века. Материалы 15-й международной научной конференции. Минск: Международный государственный экологический университет имени А. Д. Сахарова, 2015. С. 324.
6. Валькирия, Н. И. Криминалистическое исследование умений и навыков применения психотехнологий // Российский следователь. 2024. № 9. С. 2–5.

7. Головин, А. Ю., Головина, Е. В. Социальная инженерия в механизме преступной деятельности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 2. С. 3–13.
8. Санина, Л. В., Чепинога, О. А., Ржепка, Э. А., Палкин, О. Ю. Деструктивная социальная инженерия как угроза экономической безопасности: масштабы явления и меры предотвращения // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12, № 2.
9. Бешукова, З. М. Мошенничество с использованием методов социальной инженерии: механизм совершения и основные способы защиты // Цифровые технологии и право: Сб. научных трудов II Международной научно-практической конференции: в 6 томах. Казань, 2023. С. 61–64.
10. Полянская, Е. П. Использование информационно-телекоммуникационных технологий в методах социальной инженерии // Криминологический журнал. 2023. № 1. С. 204–209.
11. Старостенко, Н. И. Понятие и виды методов социальной инженерии, применяемых при совершении преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 152–159.
12. Грушко, Н. В., Козловский, П. В. Противодействие деятельности деструктивных религиозных культов: уголовно-процессуальный и психологический аспекты // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 4 (51). С. 66–69.
13. Седых, Л. В. Преступления, совершаемые с применением гипноза: особенности квалификации и предупреждения: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 192 с.
14. Павлов, Б. В., Шелль, В. В., Шульчева, А. С., Зацепина, А. А., Денисов, А. С. Теоретическое обоснование и разработка метода изучения отрицательного влияния социальных сетей и компьютерных игр на человека // Державинский форум. 2020. Т. 4. № 15. С. 189–200.

REFERENCES

1. Tsvetkova, A. D. Cifrovye privychki i navyki: sistema priznakov i ih kriminalisticheskoe znachenie [Digital habits and skills: a system of signs and their forensic significance]. Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) – Vestnik of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2024. S9 (121), pp. 83–90.
2. Uzlova, N. D. Psihotekhnologiya: k probleme opredeleniya ponyatiya [Psychotechnology: on the problem of defining the concept]. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya – Vestnik of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2011, Issue 1 (5), pp. 32–42.
3. Katkov, A. L. Psihotekhnologii kak ob"ekt nauchnogo issledovaniya [Psychotechnologies as an object of scientific research]. Sb: Antologiya Rossijskoj psihoterapii i psihologii. Setevoe nauchno-prakticheskoe izdanie. Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizaciya «Obshcherossiyskaya professional'naya psihoterapevticheskaya liga» – Collection: Anthology of Russian Psychotherapy and

Psychology. Online scientific and practical publication. All-Russian Public Organization "All-Russian Professional Psychotherapeutic League", 2023, pp. 129–137.

4. Katkov, A. L. Psihotekhnologii. (Bazisnoe rukovodstvo). Pravoobladatel': «Izdatel'skie resheniya» [Psychotechnologies. (Basic Guide). Rights holder: "Publishing Solutions"], 2024, 1072 p.

5. Gribovich, R. S., Merkoulouva, I. P. Pod pricelom mozg: psihotronnoe oruzhie // [Under the Scope of the Brain: Psychotronic Weapons]. Saharovskie chteniya 2015 goda: Ekologicheskie problemy XXI veka. Materialy 15-j mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Minsk: Mezhdunarodnyj gosudarstvennyj ekologicheskij universitet imeni A. D. Saharova – Sakharov Readings 2015: Ecological Problems of the 21st Century. Proceedings of the 15th International Scientific Conference. Minsk: International State Environmental University named after A. D. Sakharov, 2015, pp. 324.

6. Valkiriya, N. I. Kriminalisticheskoe issledovanie umenij i navykov primeneniya psihotekhnologii [Forensic Examination of Skills and Abilities in the Use of Psychotechnologies]. Rossijskij sledovatel' – Russian Investigator. 2024, no. 9, pp. 2–5.

7. Golovin, A. Yu., Golovina, E. V. Social'naya inzheneriya v mekhanizme prestupnoj deyatel'nosti v sfere informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologii [Social Engineering in the Mechanism of Criminal Activity in the Field of Information and Telecommunication Technologies]. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Proceedings of Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2021, no. 2, pp. 3–13.

8. Sanina, L. V., Chepinoga, O. A., Rzhepka, E. A., Palkin, O. Yu. Destruktivnaya social'naya inzheneriya kak ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti: masshtaby yavleniya i mery predotvrashcheniya [Destructive social engineering as a threat to economic security: the scale of the phenomenon and prevention measures]. Baikal Research Journal. 2021, vol. 12, no. 2.

9. Beshukova, Z. M. Moshennichestvo s ispol'zovaniem metodov social'noj inzhenerii: mekhanizm soversheniya i osnovnye sposoby zashchity [Fraud using social engineering methods: mechanism of execution and basic protection methods]. Cifrovye tekhnologii i pravo: Sb. nauchnyh trudov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 6 tomah – Digital Technologies and Law: Collection of Scientific Works of the II International Scientific and Practical Conference: in 6 Volumes. Kazan, 2023. pp. 61–64.

10. Polyanskaya, E. P. Ispol'zovanie informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologii v metodah social'noj inzhenerii [The use of information and telecommunication technologies in social engineering methods]. Kriminologicheskij zhurnal – Criminology Journal. 2023, no. 1, pp. 204–209.

11. Starostenko, N. I. Ponyatie i vidy metodov social'noj inzhenerii, primenyaemyh pri sovershenii prestuplenij v sfere informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologii [The concept and types of social engineering methods used in the commission of crimes in the field of information and telecommunication technologies]. Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 1 (61), pp. 152–159.

12. Grushko, N. V., Kozlovsky, P. V. Protivodejstvie deyatel'nosti destruktivnyh religioznyh kul'tov: ugovno-processual'nyj i psihologicheskij aspekty [Counteracting the activities of destructive religious cults: criminal procedural and psychological aspects]. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah – Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2012, no. 4 (51), pp. 66–69.

13. Sedykh, L. V. Prestupleniya, sovershaemye s primeneniem gipnoza: osobennosti kvalifikacii i preduprezhdeniya: monografiya [Crimes committed with the use of hypnosis: features of qualification and prevention: monograph]. Moscow: Yurlitinform, 2013, 192 p.

14. Pavlov, B. V., Shell, V. V., Shulcheva, A. S., Zatsepin, A. A., Denisov, A. S. Teoreticheskoe obosnovanie i razrabotka metoda izucheniya otricatel'nogo vliyaniya social'nyh setej i komp'yuternyh igr na cheloveka [Theoretical justification and development of a method for studying the negative impact of social networks and computer games on humans]. Derzhavinskij forum – Derzhavin Forum. 2020, vol. 4, no. 15, pp. 189–200.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валькирия Наталья Ивановна, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Института правовых исследований. Байкальский государственный университет. 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valkiriya Natalya Ivanovna, Doctor of Legal Sciences, Associate professor, Chief Researcher of the Institute of Legal Research. Baikal State University, 664003, Russia, Irkutsk, st. Lenina, 11.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2025; принята к публикации 18.09.2025.

The article was submitted 19.06.2025; approved after reviewing 20.07.2025; accepted for publication 18.09.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3 (114). С. 157–166.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no. 3 (114). Pp. 157–166.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.985

ПРОБЛЕМА ПРЕСТУПНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА СЕРВИСАХ ИНТЕРНЕТ-ЗНАКОМСТВ

Гажаева Екатерина Ивановна

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация
Budylinakeit@yandex.ru

Введение: Современные информационно-телекоммуникационные технологии оказывают все большее влияние на различные сферы жизни общества. Одной из наиболее популярных форм коммуникации являются сервисы интернет-знакомств, которые предоставляют удобный интерфейс и платформу для поиска новых знакомств и общения. Однако вместе с очевидными преимуществами и удобствами такие онлайн-сервисы становятся благоприятной средой для совершения различных преступлений. Наряду с этим преступники стали активно осваивать и использовать современные инструменты, включая технологии искусственного интеллекта для реализации своих корыстных мотивов на сервисах интернет-знакомств. В данной статье рассматриваются способы использования искусственного интеллекта в преступных целях на сайтах для знакомств, а также вносится предложение о применении рекомендаций по методике выявления и пресечения правоохранительными органами фактов криминального использования технологий искусственного интеллекта на сервисах интернет-знакомств.

Материалы и методы. Основой для данного исследования послужили научные статьи ученых-криминалистов, нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, результаты анкетных опросов и интервьюирования сотрудников следственных подразделений МВД России. Автором использовались общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, а также частнонаучные методы: сравнительно-правовой и формально-юридический.

Результаты исследования. В процессе анализа и изучения официальных статистических данных МВД России, научных статей на тему использования технологий искусственного интеллекта в преступных целях, а также по результатам анкетных опросов и интервьюирования сотрудников следственных подразделений МВД России, удалось

определить ряд способов преступного использования искусственного интеллекта на сервисах интернет-знакомств. В свою очередь, имея затруднения в процессе выявления использования искусственного интеллекта в преступных целях на сервисах интернет-знакомств, для правоохранительных органов предлагается последовательный алгоритм эффективного установления данных фактов.

Выводы и заключения. Проведенное исследование позволило сформулировать комплекс мер, направленных на эффективное выявление использования технологий искусственного интеллекта на сервисах для знакомств, а также уточнены способы, посредством которых субъект преступления реализует корыстный мотив.

Ключевые слова: искусственный интеллект, сервисы интернет-знакомств, преступное использование технологий искусственного интеллекта, нейросети, информационно-телекоммуникационные технологии, способы использования ИИ на сервисах для знакомств.

Для цитирования: Гажаева, Е. И. Проблема преступного использования технологий искусственного интеллекта на сервисах интернет-знакомств // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114). С. 157–166.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

THE PROBLEM OF CRIMINAL USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES ON ONLINE DATING SERVICES

Ekaterina I. Gazhaeva, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation, Budylinakeit@yandex.ru

Introduction: Modern information and telecommunication technologies are having an increasing impact on various spheres of society. One of the most popular forms of communication is online dating services, which provide a user-friendly interface and platform for finding new acquaintances and communicating. However, along with the obvious advantages and amenities, such online services are becoming a favorable environment for the commission of various crimes. Along with this, criminals began to actively master and use modern tools, including artificial intelligence technologies, to realize their selfish motives on online dating services. This article discusses ways to use artificial intelligence for criminal purposes on dating sites, and also suggests developing minimally relevant recommendations on how law enforcement agencies can identify and prevent the criminal use of artificial intelligence technologies on online dating services.

Materials and Methods. The research was based on scientific articles by criminologists, the norms of criminal and criminal procedure legislation, the results of questionnaires and interviews with employees of investigative units of the Ministry of Internal

Affairs of Russia. The author used general scientific methods: analysis, synthesis, induction, deduction, as well as private scientific methods: comparative law and formal law.

The Results of the Study. In the process of analyzing and studying official statistics of the Ministry of Internal Affairs of Russia, scientific articles on the use of artificial intelligence technologies for criminal purposes, as well as based on the results of questionnaires and interviews with employees of investigative departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia, it was possible to identify a number of ways of criminal use of artificial intelligence on online dating services. In turn, having difficulties in the process of detecting the use of artificial intelligence for criminal purposes on online dating services, a consistent algorithm is proposed for law enforcement agencies to effectively establish these facts.

Findings and Conclusions. The conducted research allowed us to formulate a set of measures aimed at effectively identifying the use of artificial intelligence technologies in dating services, as well as clarifying the ways in which the subject of the crime implements a selfish motive.

Keywords: artificial intelligence, online dating services, criminal use of artificial intelligence technologies, neural networks, information and telecommunication technologies, ways of using AI on dating services.

For citation: Gazhaeva E.I. Problema prestupnogo ispol'zovaniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta na servisah internet-znakomstv [The Problem of Criminal Use of Artificial Intelligence Technologies on Online Dating Services]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no.3 (114), pp. 157–166.

Родоначальником механизма для решения сложных задач и искусственного интеллекта как теории принято считать философа и математика Раймонда Луллия в XIII веке [1, с. 130], но появление искусственного интеллекта как научного явления произошло только в XX веке.

Развитие технологий искусственного интеллекта (далее ИИ) и параллельный рост популярности сервисов для знакомств создают новые возможности для совершения преступлений с их использованием. Проблема преступного использования технологий ИИ на сервисах интернет-знакомств (далее СИЗ) является актуальной как для самих пользователей, так и для провайдеров этих платформ. Технологии ИИ значительно упрощают создание и поддержание множества поддельных профилей, повышают степень реалистичности подделок, создавая серьезные риски финансового и репутационного характера для пользователей сервисов. Как отмечает Р. И. Дремлюга, «использование интеллектуальных систем повышает эффективность, снижает издержки, минимизирует риски и позволяет повысить охват преступной деятельностью» [2, с. 161]. Мы, несомненно, разделяем мнение автора, так как в данном случае преступный результат достигается без активного вовлечения преступника. То есть субъект преступления обучил и запустил систему, что позволяет в дальнейшем пользоваться результатами ее работы.

Согласно Указу Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», «ИИ - это комплекс

технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, превосходящие их»¹.

В свою очередь И. В. Понкин и А. И. Редькина в работе «Искусственный интеллект с точки зрения права» дают общее разъяснение термину ИИ, утверждая, что в его основе лежит автоматическое управление, при котором программные алгоритмы заранее не задаются, а формируются самой системой управления на основе формализованных описаний целей, знаний о возможных действиях и информации о текущих изменениях состояния внешней среды [3]. Исходя из определения авторов, можем сделать вывод о том, что данные технологии обладают потенциалом как для повышения эффективности во многих сферах общественной деятельности, так и для использования их преступниками в целях реализации корыстных мотивов.

Так как СИЗ стали неотъемлемой частью повседневной жизни миллионов людей, возникла проблема появления новых видов преступлений. Технологии ИИ, такие как чат-боты, алгоритмы машинного обучения и нейронные сети, в настоящее время часто используются в преступных целях, создавая угрозу безопасности пользователей онлайн-ресурсов. В связи с этим возникает необходимость детального анализа и изучения новейших технологий и выявления их использования в преступных целях на онлайн-сервисах.

Согласно статистике МВД России, число преступлений, связанных с использованием сети Интернет, в том числе и на платформах для знакомств, продолжает расти. В 2024 году зарегистрировано более 40 тысяч случаев мошенничества в сети, что на 15% больше по сравнению с предыдущим годом. Около 10% из них связано именно с онлайн-знакомствами². При этом значительное число преступлений остается незарегистрированным, поскольку потерпевшие не всегда осознают факт мошенничества. Однако отметим, что статистические данные о преступном использовании технологий ИИ на СИЗ отсутствуют в связи с тем, что процесс установления данных фактов затруднен, как и выявление субъекта преступления. Об этом же свидетельствуют результаты проведенного нами анкетирования 250 сотрудников следственных подразделений МВД России и интервьюирования 50 сотрудников: 96% респондентов указали на факт применения пользователями СИЗ в преступных целях технологии ИИ, но установить субъект преступления не представляется возможным, в связи с чем более 99% уголовных дел по данному факту приостановлены.

Рассматривая проблему преступного использования ИИ, В. Ю. Дроздов отмечал, что преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий обладают высоким уровнем латентности, в связи с чем возникают дополнительные трудности у правоохранительных органов в процессе их установления и выявлении субъектов. Также автор обращает внимание на то, что ненадлежащее хранение и отсутствие архивов данных,

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/72838946/?ysclid=m8mr6qxp72636380>

² Официальный сайт статистики МВД России «Каждое четвертое преступление в России совершают через интернет». URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics>

используемых для обучения алгоритмов, может привести к созданию модифицированных версий ИИ [4]. Мы, несомненно, согласны с высказыванием В. Ю. Дроздова, так как криминальное использование технологий ИИ может привести к обходу систем безопасности и нанести колоссальный ущерб как гражданам, так и нашему государству.

Проанализировав работу технологий ИИ на сервисах для знакомств, мы пришли к выводу о том, что субъекты преступлений могут их использовать в корыстных целях следующими способами:

1. Фейковые профили и автоматизированные боты. Так, для автоматической генерации изображений с помощью нейросетей (например, GAN, This Person Does not Exist) преступники создают реалистичные, но несуществующие фотографии людей для маскировки своей реальной личности в целях поиска потенциальных жертв. Также преступники используют на сервисах для знакомств чат-боты, которые на основе ИИ способны автоматически отвечать на сообщения, используя сгенерированный стиль переписки, который приближен к «человеческому». Данный способ позволяет преступнику выстраивать долгосрочные коммуникации с потенциальными жертвами с минимальными затратами сил [5].

Deep fake-видео. Технологии замены лиц и синтеза речи позволяют создавать правдоподобные видео, в которых человек якобы участвует в реальной видеовстрече, или же преступники создают видео интимного характера с участием потенциальной жертвы. Что касается синтеза голоса, то преступники могут использовать сгенерированный голос, чтобы разговаривать по телефону от лица другого человека (например, wavel.ai).

Преступники, использующие фейковые профили и автогенерируемые сообщения, создают «схемы обмана», разыгрывают сценарии, целью которых является получение денежных средств от потенциальной жертвы. Также при помощи технологий ИИ преступники таргетированно подталкивают потенциальную жертву к переходу по вредоносным ссылкам, сбору конфиденциальной информации (пароли, номера карт и т. д.). На сегодняшний день данное направление мошеннических схем определяется общим понятием - фишинг.

2. Манипуляции и социальная инженерия. В данном случае преступник выполняет действия поэтапно, а именно: 1) осуществляет сбор информации о потенциальной жертве (пол, возраст, предпочтения, модель поведения при переписке) и алгоритмически анализирует для эффективного дальнейшего воздействия; 2) автоматически сгенерированные сообщения могут быть адаптированы под эмоциональное состояние потенциальной жертвы с целью вызвать доверие и в последующем склонить к определенным действиям (например, финансовым переводам или передаче конфиденциальной информации и данных) [6].

3. Сбор конфиденциальных данных. Преступники, используя технологии ИИ, могут анализировать способы общения потенциальной жертвы, время отклика, любимые темы для незаметного составления ее психологического портрета. Еще одна из возможностей технологий ИИ, которую применяют преступники в корыстных целях, – это распознавание лиц. Анализ фотографий на СИЗ, поиск совпадений в социальных сетях, сопоставление с открытыми базами данных. Подобным образом преступники находят реальные аккаунты, контакты и адреса пользователей без их согласия.

По нашему мнению, причинами частого криминального использования технологий ИИ на СИЗ является доступность технологий. С развитием облачных сервисов и

появлением открытых библиотек машинного обучения (например, Tensor Flow, Py Torch и др.) построение и обучение моделей стало гораздо проще. Таким образом, преступнику не обязательно обладать набором познаний в сфере нейронных сетей, поскольку он может получить готовые решения и адаптировать их под свои корыстные мотивы. Причиной также является широкая аудитория и анонимность СИЗ, ведь они становятся привлекательны для преступников ввиду большого количества потенциальных жертв, а также возможности быстрой смены учетных записей и низкого риска разоблачения, что, несомненно, повышает их интерес к использованию данных платформ.

На сегодняшний день актуальной задачей для криминалистической науки является разработка научно обоснованных методических рекомендаций по выявлению и пресечению преступного использования технологий ИИ на СИЗ. Вследствие чего нами предлагаются рекомендации, способствующие своевременному и эффективному выявлению фактов криминального использования технологий ИИ в преступных целях.

1. Лингвистический анализ или семантический анализ текстов. Современные генераторы текстов на базе технологий ИИ (например, крупные языковые модели) довольно-таки качественно имитируют стиль и лексику реальных людей. Однако при глубоком лингвистическом анализе можно обнаружить определенные признаки автоматической генерации:

- а) слишком правильная или однообразная грамматика;
- б) статистически «редкие» сочетания слов, которые не часто встречаются в обычной речи носителей языка;
- в) отсутствие индивидуальных стилистических особенностей, присущих реальному человеку.

Следовательно, правоохранительные органы могут использовать вышеуказанный метод для выявления подобных моделей на сервисах для знакомств. Также при расследовании данных видов преступлений необходимо осуществить сбор эталонов преступного общения (сообщения, шаблонные фразы). В этом случае, машинное обучение помогает автоматически сопоставлять текст новых подозрительных аккаунтов с «базой мошенников», определяя степень совпадений по ключевым словам и структуре.

2. Анализ изображений и выявление дипфейков и генеративных изображений. Сотрудники правоохранительных органов могут использовать программные инструменты, которые анализируют метаданные фото, проверяют цифровые артефакты и аномалии пикселей. У дипфейков часто присутствуют неестественные детали (размытые края ушей, асимметрия лица, неправильное расположение теней, несоответствие фона и освещения). Специальные нейросети, обученные распознавать признаки синтетического контента, эффективно помогают при решении этой задачи. Для выявления поддельных профилей сотрудники правоохранительных органов могут проводить обратный поиск по изображению через популярные поисковые системы, например, такие как *OSINT* [7]. Если фотография найдена в базе стоковых изображений, на личных страницах других людей или на сайтах с дипфейк-контентом, это может указывать на фальсифицированный профиль. Ввиду этого анализ изображений с аккаунта СИЗ будет способствовать эффективному установлению сгенерированных фотографий. Отметим, что данные действия будут результативны лишь во взаимодействии сотрудников правоохранительных органов с модераторами платформ.

3. Анализ аномалий поведения. Профили, в которых используются технологии ИИ, нередко взаимодействуют со множеством пользователей в короткий промежуток времени.

Например, бот может почти мгновенно отвечать на сообщения, либо рассылать большое количество одинаковых приветствий. Алгоритмы мониторинга выявляют подобную интенсивность, сигнализируя о возможном бот-аккаунте. Относительно же анализа временной активности, то благодаря ему часто можно обнаружить неестественные схемы (например, профиль активен круглосуточно без перерывов). Так как для нормального человека характерны перерывы во времени активности (сон, работа и т.д.), а ИИ-бот может работать 24/7 [8].

В процессе выявления криминального использования технологий ИИ на СИЗ, сотрудникам правоохранительных органов необходимо проверить информацию: 1) с какими аккаунтами вступает в контакт подозрительный профиль; 2) как быстро устанавливаются «дружеские связи»; 3) насколько разнообразна география знакомств. Слишком быстрое увеличение количества друзей, одинаковые сообщения, напоминающие «сеть ботов» указывают на искусственное продвижение профиля.

4. Сотрудничество правоохранительных органов с модераторами СИЗ. Важным для правоохранительных органов при расследовании подобных видов преступлений становится взаимодействие с модераторами сервисов [9]. Ведь именно у модераторов платформ находятся журналы событий и внутренняя статистика, которая позволяет установить следующее:

- а) видеть изменения в профиле (смена фотографий, описаний);
- б) фиксировать IP – адреса, геолокацию и другие технические данные;
- в) отслеживать схожие аккаунты, принадлежащие одному лицу;
- г) выявлять массовую регистрацию профилей с одних и тех же платежных инструментов.

При наличии постановления суда или в рамках оперативно розыскных мероприятий правоохранительные органы могут запросить эти данные и выявить субъект преступления.

5. Технические инструменты отслеживания ИИ – активности. Существуют онлайн-сервисы и локальные приложения (AI – детекторы) текста, которые по определенным признакам могут оценивать, создан ли тот или иной текст при помощи ИИ. Эти технологии постоянно совершенствуются, повышая вероятность точного определения оригинального текста. Отметим, что в настоящее время сотрудникам правоохранительных органов необходимо использовать фильтрацию геолокационных аномалий в связи с тем, что преступники стали активно использовать VPN или прокси-сервисы для сокрытия своего реального местонахождения. Аналитические системы, включая системы, использующие ИИ, способны выявлять аномальные схемы подключения: резкие скачки IP-адресов в разных странах, использование подозрительных хостингов и т. д. [10].

Также немаловажным является анализ устройств и технических параметров, так как иногда для автоматизации массовых рассылок и контроля ботов, преступники используют эмуляторы мобильных устройств. Сотрудникам правоохранительных органов необходимо проверять «цифровые следы» таких эмуляторов: когда при подключении к СИЗ выдаются нехарактерные комбинации параметров (версия операционной системы, User-Agent браузера и т. д.), тогда данные могут свидетельствовать о преступном профиле.

В связи с вышеизложенным можем сделать вывод о том, что использование ИИ на СИЗ несет в себе как позитивные, так и негативные аспекты. Так как, с одной стороны, ИИ помогает в работе добропорядочным пользователям: подбирает подходящих партнеров, осуществляет фильтрацию оскорбительного контента и заблаговременно блокирует его. С другой стороны, именно технологии ИИ открывают преступнику новые инструменты для

создания поддельных профилей, посредством которых субъект преступления способен обмануть даже опытных пользователей.

Подводя итоги нашей научной статье, можно сделать следующие выводы:

1. В связи с появлением новейших технологий и разработкой алгоритмов искусственного интеллекта повысился спрос на их применение в преступных целях. Конкретно в случаях с СИЗ и криминальным использованием технологий ИИ на данных платформах, отмечаем, что преступники научились создавать фейковые профили и чат-боты, генерируя достаточно реалистичные фото. А при помощи технологий замены лиц и синтеза речи создают правдоподобные видео, в которых человек якобы участвует в реальной видеовстрече для реализации своих корыстных целей.

2. С помощью алгоритмов искусственного интеллекта преступник может создавать план построения диалога, а также осуществлять сбор конфиденциальной информации, что позволяет ему находить реальные аккаунты, контакты и адреса пользователей без их согласия, используя их в последующем в преступных целях.

3. Предлагаем правоохранительным органам рекомендации, способствующие своевременному и эффективному выявлению фактов криминального использования технологий ИИ на СИЗ в преступных целях.

Представляется, что предлагаемые нами решения будут активно способствовать предупреждению преступлений в отношении пользователей СИЗ, что в результате повлечет за собой снижение преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и сделает виртуальное пространство безопасней. Безусловно, по мере развития технологий схемы преступников на СИЗ будут становиться все более качественными, однако при взаимодействии сотрудников правоохранительных органов и модераторов СИЗ уровень рисков обмана в цифровом пространстве значительно снизится.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Боровская, Е. В., Давыдова, Н. А. Основы искусственного интеллекта: учебное пособие / 4-е изд., электрон. М.: Лаборатория знаний, 2020. 130 с;
2. Дремлюга, Р. И. Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-prestupnyh-tselyah-ugolovno-pravovaya-harakteristika>;
3. Понкин, И. В., Редькина, А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-s-tochki-zreniya-prava>;
4. Дроздов, В. Ю. Детерминанты преступности в сфере искусственного интеллекта // Закон и право. 2024. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-prestupnosti-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta>;
5. Кавеева, А.Д., Гурин, К.Е. Искусственные профили «В Контакте» и их влияние на социальную сеть пользователей // ЖССА. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennye-profil-vkontakte-i-ih-vliyanie-na-sotsialnuyu-set-polzovateley>;
6. Вакалова, Д. Е. Искусство манипуляции: как социальная инженерия ставит под угрозу нашу безопасность // Вестник науки. 2024. №11 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvo-manipulyatsii-kak-sotsialnaya-inzheneriya-stavit-pod-ugrozu-nashu-bezopasnost>;

7. Дворянкин, О. А. OSINT, PENTEST и нетсталкинг - информационные технологии интернета // НАУ. 2022. №84-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osint-pentest-i-netstalking-informatsionnye-tehnologii-interneta>;
8. Саенко, И. Б., Котенко, И. В., Аль-барри, М. Х. Применение искусственных нейронных сетей для выявления аномального поведения пользователей центров обработки данных // Вопросы кибербезопасности. 2022. №2 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-iskusstvennyh-neyronnyh-setey-dlya-vyyavleniya-anomalnogo-povedeniya-polzovateley-tsentrov-obrabotki-dannyh>;
9. Федоренко, С. П. Электронные платформы взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества как средство защиты правопорядка // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-platformy-vzaimodeystviya-pravoohranitelnyh-organov-i-grazhdanskogo-obschestva-kak-sredstvo-zaschity-pravoporyadka>;
10. Гладков, Э. А. Применение методов искусственного интеллекта для мониторинга состояния инфраструктуры // Вестник науки. 2024. №12 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-metodov-iskusstvennogo-intellekta-dlya-monitoringa-sostoyaniya-infrastruktury>.

REFERENCES

1. Borovskaya E. V., Davydova N. A. Osnovy iskusstvennogo intellekta [Fundamentals of artificial intelligence]. Moscow, Laboratory of Knowledge, 2020, 130 p;
2. Dremlyuga R. I. Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v prestupnyh celjah: ugovolno-pravovaya harakteristika [The use of artificial intelligence for criminal purposes: criminal and legal characteristics]. Aziatsko-Tihookeanskiy region: jekonomika, politika, pravo. - Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2021, no.3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-prestupnyh-tselyah-ugovolno-pravovaya-harakteristika>;
3. Ponkin I.V., Redkina A.I. Iskusstvennyj intellekt s tochki zreniya prava [Artificial intelligence from the point of view of law]. Vestnik RUDN. Seriya: Juridicheskie nauki. - Vestnik of the RUDN University. Series: Legal Sciences. 2018, no.1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-s-tochki-zreniya-prava>;
4. Drozdov V.Y. Determinanty prestupnosti v sfere iskusstvennogo intellekta [Determinants of crime in the field of artificial intelligence]. Zakon i pravo - Law and legal 2024, no.10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-prestupnosti-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta>;
5. Kaveeva A.D., Gurin K.E. Iskusstvennye profili «V Kontakte» i ih vliyanie na social'nuju set' pol'zovatelej [Artificial VKontakte profiles and their impact on the social network of users]. ZHSSA. 2018, no.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennye-profil-vkontakte-i-ih-vliyanie-na-sotsialnuyu-set-polzovateley>;
6. Vakalova D. E. Iskusstvo manipulacii: kak social'naja inzheneriya stavit pod ugrozu nashu bezopasnost' [The art of manipulation: how social engineering endangers our security]. Vestnik nauki - Vestnik of Science. 2024, no. 11 (80), URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvo-manipulyatsii-kak-sotsialnaya-inzheneriya-stavit-pod-ugrozu-nashu-bezopasnost>;
7. Dvoryankin O.A. OSINT, PENTEST i netstalking - informacionnye tehnologii interneta [OSINT, PENTEST and netstalking - information technologies of the Internet].

NAU. 2022, no. 84-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osint-pentest-i-netstalking-informatsionnye-tehnologii-interneta>;

8. Saenko I.B., Kotenko I.V., Al-barry M.H. Primenenie iskusstvennyh neyronnyh setej dlja vyjavleniya anomal'nogo povedeniya pol'zovatelej centrov obrabotki dannyh [The use of artificial neural networks to detect abnormal behavior of users of data centers]. Voprosy kiberbezopasnosti - Cybersecurity issues. 2022, no. 2 (48), URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-iskusstvennyh-neyronnyh-setey-dlya-vyyavleniya-anomalnogo-povedeniya-polzovateley-tsentrov-obrabotki-dannyh>;

9. Fedorenko S.P. Jelektronnye platformy vzaimodejstvija pravoohranitel'nyh organov i grazhdanskogo obshhestva kak sredstvo zashhity pravoporyadka [Electronic platforms for interaction between law enforcement agencies and civil society as a means of protecting law and order]. Vestnik juridicheskogo fakul'teta Juzhnogo federal'nogo universiteta - Vestnik of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2020, no.3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-platformy-vzaimodeystviya-pravoohranitelnyh-organov-i-grazhdanskogo-obshchestva-kak-sredstvo-zaschity-pravoporyadka>;

10. Gladkov E. A. Primenenie metodov iskusstvennogo intellekta dlja monitoringa sostojaniya infrastruktury [Application of artificial intelligence methods for monitoring the state of infrastructure]. Vestnik nauki - Vestnik of Science. 2024, no.12 (81), URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-metodov-iskusstvennogo-intellekta-dlya-monitoringa-sostoyaniya-infrastruktury>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гажаева Екатерина Ивановна, адъюнкт. Краснодарский университет МВД России, Россия, 350005, Российская Федерация, Краснодар, улица Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gadzhaeva Ekaterina Ivanovna, postgraduate student. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 128 Yaroslavskaya Street, Krasnodar, 350005, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 19.04.2025; одобрена после рецензирования 22.05.2025; принята к публикации 28.07.2025.

The article was submitted 19.04.2025; approved after reviewing 22.05.2025; accepted for publication 28.07.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3 (114). С. 167-180.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no.3 (114). P. 167-180.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.985

«УГРОЗОНОСИТЕЛЬ» КАК СУБЪЕКТ ПОСТКРИМИНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ГЕНДЕРНАЯ И ВОЗРАСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Замылин Евгений Иванович, Волгоградская академия МВД России, Волгоград,
Российская Федерация, efrommm@mail.ru

Введение. Противодействие раскрытию и расследованию преступлений следует рассматривать не иначе как реакцию криминальной среды на деятельность правоохранительных органов с широким использованием различных механизмов; в качестве таковых представим физическое и психическое насилие в отношении добросовестных участников уголовного процесса. Проявление насилия не ограничено гендерной и возрастной составляющей, в данном процессе наряду с мужчинами активно участвуют женщины и несовершеннолетние. Как следствие посткриминального воздействия, в ходе расследования довольно распространенными явлениями становятся дача ложных показаний, изменение ранее данных достоверных показаний, отказ от дачи показаний различной категории участников расследования, независимо от процессуального положения.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные публикации и судебная практика. Исследование опиралось на всеобщий метод познания явлений и процессов объективной действительности, отражающий диалектическую взаимосвязь теории и практики. Применялись частно-научные методы: анализ и синтез, сравнительно-правовой и историко-правовой, конкретно-социологический (интервьюирование, изучение уголовных дел); использовались положения конфликтологии.

Результаты исследования. Основу психологического портрета «угрозоносителя», независимо от пола и возраста, составляют мотивация противоправных действий, смысл и назначение противодействия. Анализ психологических качеств личности позволяет следователю предвосхищать его поведенческую установку, моделировать следственную ситуацию на перспективу.

Выводы и заключения. Жизнь, здоровье являются не только биологическими основами существования, но и непреходящими социальными ценностями, поэтому, вовлекая человека в процесс расследования, государство обязано гарантировать конституционное право личности на безопасность. Манипуляция в ходе расследования поведенческими установками законопослушных граждан посредством неправомерного воздействия формирует их недоверие к деятельности государственно-властных структур, нежелание сотрудничать с ними.

Ключевые слова: противодействие расследованию, посткриминальное воздействие, угрозоноситель, физическое насилие, психическое насилие, участники уголовного процесса, психологический портрет.

Для цитирования: Замылин Е. И. «Угрозоноситель» как субъект посткриминального воздействия на стадии предварительного расследования: гендерная и возрастная составляющая // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114). С. 167-180.

5.1.4. Criminal-legal sciences (legal sciences)

Original article

«THREAT CARRIER» AS A SUBJECT OF POST-CRIMINAL INFLUENCE AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION: GENDER AND AGE COMPONENTS

Evgeny I. Zamylin, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russian Federation, Volgograd, Russian Federation, efrommm@mail.ru

Introduction. Opposition to the disclosure and investigation of crimes should be viewed as a reaction of the criminal environment to the activities of law enforcement agencies, employing a wide range of mechanisms. Among these mechanisms are acts of physical and psychological violence against bona fide participants in the criminal process. The manifestation of such violence is not limited by gender or age — women and minors, alongside men, are actively involved in this process. As a consequence of post-criminal influence, it is common during investigations to encounter false testimony, retractions of previously given truthful statements, or outright refusal to testify by various categories of participants, regardless of their procedural status.

Materials and Methods. The study is based on scholarly publications and judicial practice. It relies on the universal method of comprehending phenomena and processes of objective reality, reflecting the dialectical interconnection between theory and practice. The research employs special scientific methods, including analysis and synthesis, comparative-legal and historical-legal methods, as well as specific sociological methods (interviews, study of criminal cases). Theoretical foundations of conflictology were also used.

The Results of the Study. The psychological profile of a “threat carrier,” regardless of gender and age, is primarily determined by the motivation for unlawful actions and the purpose and meaning of the opposition. Analysis of the psychological characteristics of the individual allows the investigator to anticipate their behavioral stance and model investigative scenarios for the future.

Findings and Conclusions. Life and health are not only biological foundations of existence but also enduring social values. Therefore, when a person is involved in the investigation process, the state is obliged to guarantee the constitutional right to personal safety. Manipulation of law-abiding citizens’ behavior through unlawful influence during investigations fosters distrust in state institutions and a reluctance to cooperate with them.

Keywords: opposition to investigation, post-criminal influence, threat carrier, physical violence, psychological violence, participants in criminal proceedings, psychological profile.

For citation: Zamylin E. I. «Ugrozonositel'» kak sub"ekt postkriminal'nogo vozdejstviya na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: gendernaya i vozrastnaya sostavlyayushchaya [«Threat Carrier» as a Subject of Post-Criminal Influence at the Stage of Preliminary Investigation: Gender and Age Components]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 3 (114). Pp. 167-180.

Угрозоноситель – субъект посткриминального воздействия – оказывает противоправное посягательство на участников уголовного судопроизводства, судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, их близких.

Периоду социально-экономических и политических преобразований в обществе характерен скачкообразный рост количества совершаемых преступлений; не стала исключением и наша страна. Заметную роль в этом сыграли снижение уровня жизни населения, утрата государством позиций в сфере идеологического регулирования, падение нравственных устоев, разработка и принятие основополагающих законов без учета существующих реалий реформируемого общества и пр. Трансформация в существующем порядке различных сфер общественной жизни на рубеже веков предопределила кардинальные изменения в структуре противоправных проявлений.

Сложившаяся ситуация сказалась и на процессе производства по уголовным делам: раскрытие и расследование уголовно наказуемых деяний все чаще стали сопровождаться активным противодействием со стороны лиц, заинтересованных в неблагоприятном исходе по делу. Сами способы противодействия расследованию преступлений претерпели качественное изменение: наряду с традиционными получили распространение действия, которые ранее не носили столь массового, демонстративного характера (например, использование СМИ, похищение потерпевших, членов их семей, лишение жизни лиц, вовлеченных в процесс расследования, «по заказу» и пр.). Принимая активный, наступательный характер, противодействие все чаще реализуется в виде одной из своих форм – неправомерного воздействия на добросовестных участников уголовного судопроизводства посредством психического и физического насилия. В основном оно фигурирует при расследовании преступлений, которые относятся к категории тяжких и особо тяжких (почти 94 %), 87,8 % из них совершаются в группе¹. Как таковое, это выявило неготовность правоохранительных органов к их преодолению, низкий уровень «адаптации» к борьбе с преступностью в новых условиях, а порой и некомпетентность.

¹ В процессе проведенного исследования по специально разработанной программе нами были изучены и проанализированы 428 уголовных дел (524 эпизода), возбужденных и оконченных производством по ст. 307, 308 и 309 УК РФ в 11 регионах России. Суммарное соотношение данных, полученных в ходе обобщения эмпирического материала, иногда превышает 100%. Это можно объяснить отчасти тем, что при изучении уголовных дел были выявлены факты, когда в качестве угрозоносителей по одному уголовному делу выступали одновременно, например, и лица, привлекаемые в качестве обвиняемых, и их близкие, и др., а неправомерное воздействие не ограничивалось одной формой и т.д.

В результате подобных противоправных проявлений остро встает вопрос о доказательственной базе как на стадии предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства: довольно распространенными явлениями становятся дача заведомо ложных показаний, изменение ранее данных достоверных показаний, отказ от дачи показаний различной категории лиц, вовлеченных в процесс расследования, независимо от их процессуального положения. Это не только подозреваемые и обвиняемые, традиционно противодействующие установлению истины по делу, но и свидетели-очевидцы происшедшего, которые, как правило, не имеют личного интереса в исходе дела, и даже жертвы противоправного деяния, признанные потерпевшими по уголовному делу.

Изложенное в совокупности, на фоне правового нигилизма, можно отнести к первопричине процесса формирования особой категории лиц – «субъекты посткриминального воздействия» или, так называемые, «угрозоносители». Касаясь данной проблемы, следует в обязательном порядке принять за правило исследование их психологического облика, соотносить мотивацию противоправных проявлений со стороны субъекта противодействия и результаты («эффективность») их реализации, где безопасность и благополучие добросовестных участников уголовного судопроизводства поставлены под сомнение. Особое место в формировании асоциального, постпреступного поведения занимает уголовная субкультура, в том числе, такие ее черты, как жажда наживы, привычка решать спорные вопросы методами физического, психического насилия, крайняя форма эгоизма, игнорирование норм морали и правил поведения в обществе и пр. При довольно высокой степени антиобщественной направленности им свойственно крайне негативное отношение к правоохранительным органам в целом и лицам, содействующим отправлению уголовного судопроизводства, в частности.

Необходимость в сведениях о субъекте противодействия не ограничивается фактом выявления противоправных действий в данном контексте и установления личности самого угрозоносителя. Его характерные психологические особенности и отклонения от общепризнанных норм поведения в обществе надо признать незаменимой составляющей в выборе приоритетных направлений производства по уголовному делу. Как результат анализа психологических качеств субъекта посткриминального воздействия, профессионально значимые качества следователя, в производстве которого находится уголовное дело, позволяют ему предвосхищать поведенческую установку данного фигуранта, прогнозировать действия последнего как ответную реакцию на активную позицию лиц, изобличающих его или того, в чьих интересах он действует, моделировать складывающуюся в процессе расследования ситуацию на перспективу.

В свое время нами была разработана «идеальная модель» действий источника угрозы при реализации намерений посткриминального характера². За основу его действий по выбору способа противоправных посягательств в отношении добросовестного участника уголовного процесса как потенциальной жертвы, были

² Замылин Е.И. «Идеальная модель» действий источника угрозы при реализации намерений посткриминального характера // Юристъ-Правоведъ. № 1. 2013. С. 53-57.

определены его уязвимость, восприимчивость к тем или иным методам воздействия, целевыми установками носителя угрозы и пр. Неправомерное воздействие осуществляется вначале, как правило, посредством уговоров, часто с предложением «взаимовыгодных услуг». В случае несогласия к участникам уголовного судопроизводства применяются иные способы воздействия (в своей основе, два и более), варьируя порой, казалось бы, диаметрально противоположными методами: это как предложения материальных выгод, так и, в случае отказа, угроза уничтожением и уничтожение имущества; уговоры, просьбы, в противном случае, физическое насилие; и пр.

Так, если взять за основу ненасильственное воздействие, то важнейшей его психологической составляющей выступает выбор объекта: учитываются не только его социальные установки, ценностные ориентации, но и подверженность состраданию, сопереживанию; воздействие ориентировано не на рассудок, а на эмоциональную сферу. Иногда субъекты посткриминального воздействия, не прибегая к насилию, достигают не меньшего эффекта, используя невербальные средства общения. Здесь делается расчет на восприятии действительности в негативе, что самым непосредственным образом сказывается на душевном равновесии, спокойствии жертвы воздействия. Вполне естественно, как было сказано выше, воздействие не ограничивается «ненасильственным фактором»; налицо со стороны носителя угрозы психическое и физическое насилие, которые сводятся к подавлению воли той или иной жертвы, оказывая существенное влияние на ее поступки и волеизъявление, что в итоге выступает гарантом достижения преступного результата.

Способность достигать поставленных целей посткриминального характера с максимальной эффективностью априори предрешена количественным и «качественным» составом лиц, осуществляющих данную противоправную деятельность. В то же время считаем, что довольно категоричные выводы о противодействии расследованию лишь со сторон лиц из числа соучастников преступных посягательств, членов организованных преступных групп [1, с. 35], не совсем корректны. Признавая, что данное направление противоправной деятельности является неотъемлемой формой активности преступных групп, нельзя отрицать тот факт, что оно присуще и преступникам-одиночкам (каждый 10–11 случай вмешательства в процедуру отправления уголовного судопроизводства), которые могут оказывать довольно эффективное противодействие.

В зависимости от совокупности конкретных условий и обстоятельств, сопровождающих процесс производства по делу, неправомерное воздействие, как одно из направлений по достижению целей и удовлетворению частных потребностей отдельных индивидов, находит отражение в деятельности довольно широкого круга лиц, надо признать, часть из которых дистанцированы от совершенного деяния, не имея представления ни о мотивах преступления, ни о лицах, участвующих в его совершении, ни о его последствиях и пр. Соответственно, в качестве таковых выступают, как подследственные, в своей основе, из числа лиц, совершивших тяжкое преступление (58,3 %), их близкие (41 %), соучастники преступной деятельности, как находящиеся в розыске, так и не установленные или не задержанные, а также те, к кому

применена мера пресечения, не связанная с лишением свободы (26,4 %), так и лица, злоупотребляющие государственной властью с целью получения личной выгоды (3,3 %), иные индивиды, вовлеченные в данный процесс посредством «материального стимулирования», уговоров, обмана, «взятия на слабо» и пр. (9 %).

Если взять в целом, то психическое и физическое давление на участников уголовного судопроизводства, как форма противодействия расследованию, осуществляется, как правило, мужчинами; взять хотя бы за основу их физические данные. Мы уже говорили, что установка на противодействие расследованию присуща преступным группировкам; входя в их состав, индивид осознает и готов принимать последствия не только своего выбора, но и решение своего окружения, отвечать за свои поступки применительно к внутригрупповым интересам. Как правило, при данном раскладе налицо проявление конформизма в виде жесткой зависимости от соответствующей социальной среды, когда ответственность перед обществом заменяется ответственностью перед группой. Применительно к данной категории лиц, особенно тем, что были ранее судимы, практика свидетельствует о наличии у них не только познаний в действующем уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, но и представлений о специфических методах работы оперативно-розыскных аппаратов и следственных подразделений. В этом проявляется своеобразная закономерность достижения ожидаемого результата, эффективности в противодействии установлению истины по делу.

Но нельзя за пределами исследования оставлять и женщин, немалая роль в этом процессе отведена именно им. Здесь, как нельзя кстати, ремарка из работы представителей пензенской научной школы Г. И. Молева и М. С. Анисимовой относительно того, что интерес к феномену женской преступности как самостоятельному объекту исследования имеет глубокие исторические корни, но долгое время он носил философский, публицистический, морально-нравственный подтекст, продиктованный социальным положением женщины в обществе и ее ролью в системе общественных отношений [2, с. 100]. Еще Поль Лафарг, французский экономист и политический деятель, в середине XIX века признавал, что женщина совершает меньше преступлений не благодаря ее более высокому нравственному уровню, а применительно к ее положению: ее силы слабее и сфера действий уже [3, с. 156]. При этом женщины обладают целым рядом психологических, физиологических и социальных качеств, которых лишены мужчины. Все это в итоге, будучи соотнесено с уровнем нравственности в обществе (а именно: его падением), на фоне отсутствия стремления к объективному осмыслению своих противоправных деяний, их критической оценки с позиции моральных норм и нравственных ориентиров, присущих социуму, и формирует их преступный умысел.

В ходе посткриминального воздействия на лиц, сотрудничающих со следствием, за редким исключением, женщины выполняют второстепенную роль, выступая в качестве своеобразного передаточного звена. Это: уговоры (82 %), подкуп (63 %), распространение порочащих слухов-сплетен (72 %), сбор сведений об объекте посткриминального воздействия (52 %), воздействие на психику жертвы посредством словесных угроз (21 %) и пр. Физическое насилие с их стороны, когда востребованы

соответствующие внешние данные, грубая сила, осуществляется, как правило, в составе группы или в отношении представительниц «слабого пола» и составляет не более 7 %.

При всех эпитетах, которыми вполне заслуженно и уместно возвеличена женщина и «возведена на пьедестал» в истории человечества – «любящая мать», «заботливая жена», «хранительница очага», «духовный стержень семьи» и пр., надо признать, что с изменением общественных нравов данные понятия обесценились. В свое время еще классики марксизма-ленинизма отмечали, что «бытие определяет сознание». Поэтому, акцентируя внимание на базовых ценностях человека, признаем, что окружающий мир диктует соответствующее поведение, предопределяет становление, формирует психику индивида, при том, что женская психика более восприимчивая к воздействиям окружающей среды. Это неоспоримый, доказанный факт. Но одновременно довольно трудно отрицать и то, что выбор способа неправомерного воздействия на жертву со стороны женщины и его реализация, как комплекс действий и процессов, зависит не только от обстановки и среды, в которой она пребывала или находится в данный момент времени. С нашей стороны было бы грубейшим недочетом самоустраняться от того, что данный процесс, кроме прочего, во многом обусловлен и врожденными генетическими наклонностями женщины. Думаем, здесь уместно привести известное заключение З. Фрейда, согласно которому не существует структуры инстинктов вне исторической структуры [4, с. 162], то есть, как мы понимаем, инстинкт, еще заложенный в эмбрионе, и опыт последующего пребывания человека в социуме (в их неразрывном соединении) – заложены в основу той или иной жизненной установки индивида.

В настоящее время, как следствие разрушения сложившихся стереотипов и ценностей общества, сочетание у женщины таких качеств личности, как лидерские способности, находчивость, инициатива, нестандартность мышления и пр. на фоне крайней степени жестокости, мстительности, хитрости при превалировании их над личностными качествами, которые свойственны мужчинам из их окружения, «обеспечивает» вхождение в руководящее ядро преступных группировок. Подобные проявления морально-психологических черт личности женщин-преступниц в конкретных обстоятельствах порой выполняют функцию самоутверждения, стремления к приобретению признания со стороны определенного «микромира». По мнению профессора Ю.М. Антоняна, этот фактор, существенно влияя на образ жизни преступницы, становится мощным стимулом ее поступков, выходит за грани стремления просто нравиться мужчинам или выглядеть лучше других женщин-соперниц. Это потребность в подтверждении, как бы в фиксации своего существования, бытия, места в жизни в целом [5, с. 81].

Признано, что совершаемые женщинами уголовно наказуемые деяния имеют четко выраженную мотивационную направленность, а сами они упорнее и активнее мужчин. Исследования в области психологии показали, что женщины в своем фанатизме даже превосходят лиц противоположного пола [6, с. 46], а все возрастающий индекс отсутствия у них склонности к самоанализу и самоконтролю вызывает вполне обоснованное беспокойство: более чем у четверти женщин (28,5 %) при совершении

преступлений просматривается усиление агрессивности, жестокости и цинизма [7, с. 147].

Снова обращаясь к практике совершения уголовно наказуемых деяний в рамках исследуемой нами тематики, следует признать, что, несмотря на гендерные признаки, которые женщина получила в ходе социализации, проявление жестокости с ее стороны, как патологического состояния человеческой психики, на момент реализации действий посткриминального характера порой «зашкаливает». Глумление над жертвами, их истязания не поддаются разумному осмыслению; в практике совершения уголовно наказуемых деяний есть случаи, когда крайняя жестокость граничит с ничем необоснованным садизмом. Подобные проявления со стороны женщины не столь часты, но, как это ни странно, все же имеют место и, что характерно, стимулом для этого является ситуация, когда под угрозу поставлено ее личное благополучие, как семейное, так и материальное, а также возможность утраты социального статуса, пользования теми или иными благами.

Думаем, здесь уместен будет пример из практики. Так, в ходе расследования целого ряда разбойных нападений на фермеров, совершавшихся на протяжении 3 лет, была задержана организованная группа из 11 человек (в уголовном деле было более двух десяткой эпизодов). Находясь в СИЗО, обвиняемые изыскивали возможность передать «на волю» информацию о лицах, изобличающих их в совершенном. Приняв это в качестве руководства к действию, сожительница лидера группировки М. организовала и возглавила группу из 4 человек (мужчин) по устрашению лиц, сотрудничающих со следствием. При ее активном участии, не ограничиваясь психическим насилием, были нанесены телесные повреждения 4 потерпевшим и 3 свидетелям, проходящим по делу, один из которых стал инвалидом, а домовладения и хозяйственные постройки еще нескольких участников процесса были подожжены в ночное время, несмотря на то, что в жилище кроме взрослых, находились малолетние дети (угрозоносители знали об этом). В ходе противоправных действий М. непосредственно сама совершала физическое насилие в отношении жертв, демонстративно, в присутствии их близких; основные ее требования – изменить ранее данные достоверные показания в отношении обвиняемых, что отчасти и было достигнуто. Получая консультации от защитников-адвокатов, М. разрабатывала сценарии поведения на следствии и в суде фигурантов по делу, ранее сотрудничающих со следствием. Даже когда М. и другие участники посткриминального воздействия были задержаны и арестованы, жертвы их насилия, будучи запуганы, отказывались свидетельствовать по делу³.

Взяв за основу изложенное, хотелось бы соотнести отдельные черты, присущие психологическому портрету женщин-угрозоносителей, с той категорией женщин, которые в литературе последних лет определены довольно емко и выразительно: «врожденные преступницы». Так, Е. А. Кранзеева и К. С. Сапегина пришли к

³ Данный пример нами был получен в ходе интервьюирования практических работников на момент сбора эмпирического материала при подготовке монографии; в устной беседе на него, как пример из собственной судебной деятельности, сослался судья Верховного суда Республики Башкортостан Ф.

заклучению, что врожденные преступницы по антропологическим и психологическим характеристикам похожи больше на мужчин, чем на женщин. Им присущи такие мужские черты, как мужество, энергия, тяга к употреблению спиртного и др.; они обладают интеллектуальными способностями выше среднего. Зачастую главным мотивом совершения преступлений выступает месть [8, с. 177].

Если взять за основу числовое соотношение носителей угрозы, занимающихся организацией и реализацией преступного посягательства в отношении добросовестных участников уголовно-процессуальных отношений, то женщины, вступая в противоречия с интересами правосудия, оказывают психическое и физическое насилие лишь в отношении каждой 15-16 жертвы. При всем этом способность женщин-организаторов достигать желаемых результатов с наименьшими затратами времени, усилий и других ресурсов практически в два раза эффективнее по сравнению с той же деятельностью, выполняемой мужчинами. Так лишь каждый 10-11 случай посткриминального воздействия в их исполнении можно признать «нерентабельным», в то время как при организующей роли мужчин каждый 5-6 случай противодействия не достигает поставленной цели. И это не частный случай; изложенное в целом в очередной раз уже в практическом ключе относительно деятельности по реализации умысла на посткриминальное воздействие наглядно свидетельствует не только о возможности действовать наравне с мужчинами, но и о превосходстве их отдельных личностных деловых качеств. Организуемые и «курируемые» женщинами противоправные действия предварительно основательно продуманы до мельчайших деталей, тщательно спланированы и просчитаны, вплоть до негативных последствий и отработки алиби.

Рассматривая вопрос о возрастной составляющей субъектов посткриминального воздействия, можно со всей ответственностью констатировать, что они не имеют ограничения относительно физической зрелости. Превалируют в этом процессе лица в возрасте от 16 до 55 лет (92,5 %), хотя мы обладаем сведениями о том, что в ходе производства по уголовному делу в отношении сбыта синтетических наркотиков группа подростков-цыган 10-12 лет камнями и палками привела в негодность автомобиль понятого по уголовному делу после его допроса в качестве свидетеля. Предварительно он был предупрежден от имени цыганского барона, что поступает «неправильно».

Практически 2/3 противоправных деяний совершаются молодыми людьми «призывного возраста», которые, как правило, составляют костяк организованных преступных групп; их действиям присуща исключительная дерзость в достижении преступного результата. Жажда наживы, получения материального вознаграждения с их стороны играет не последнюю роль, но это не главный аргумент. Позволим себе такую крайне вольную трактовку, ремейк относительно «мощного стимула поступков женщины» и проведем соответствующую параллель: «заккрытие вопроса» относительно избличающих показаний, фигурирующих в ходе расследования, считается одним из проявлений незаурядной предприимчивости молодого человека, которая дает возможность показать себя «в реальном деле», а значит, быть признанным, занять соответствующее место в организованной преступной группе. Чем

не естественная потребность в самоутверждении, если отнести данный фактор применительно к женщинам?

В последнее время стало «актуальным» привлечение для решения подобных проблем лиц несовершеннолетнего возраста; по нашим данным, это порядка 12 % от общего количества преступлений, совершаемых в результате посткриминального воздействия (в диссертации И.А. Бобракова говорится о процентном соотношении в 8,5 [9, с. 146]). В качестве фактора, выступающего катализатором формирования психосоциальных черт, которые присущи «рекрутам» из числа молодых людей, вовлекаемых в процесс противодействия расследованию, при всем многообразии причин и условий, которые изложены нами выше, акцентируем внимание на проникновении преступной субкультуры и традиций в среду молодежи. Именно уголовная субкультура, вред и опасность которой в обществе, особенно для психики и жизненных устремлений молодых людей, «вступающих в жизнь», до настоящего времени не получила должной оценки. На фоне отсутствия идеологических ориентиров, насаждая свои правила и атрибутику, она проникает во все слои населения, прельщая подрастающее поколение уголовной романтикой, красивой жизнью, свободной от обязательств перед обществом, и пр.

Специалистами в области подростковой психологии выявлена характерная закономерность: в несовершеннолетнем возрасте обострена боязнь прослыть слабым, несамостоятельным, что формирует соответствующую потребность самоутверждения среди сверстников, а то и стремление к превосходству, желание быть в центре внимания. В силу повышенной эмоциональной возбудимости, быстрой смены настроения и форм поведения подростки не любят тратить время на раздумья и колебания, а быстро переходят к делу [10, с. 281-282; 11, с. 98; 12, с. 330]. Эти качества умело используются фигурантами, заинтересованными в неблагоприятном исходе расследования по уголовному делу.

Надо признать, что лица, вовлекающие молодых людей в противодействие расследованию, обладают необходимыми познаниями в области подростковой психологии, взяв на вооружение неустойчивость психики последних, незавершенный процесс их социально-психологической адаптации. Расчет здесь точен и до гениальности прост: подростку свойственны безапелляционное осуждение, категоричность, крайне негативное отношение к измене групповым интересам и пр. Именно в этом ракурсе со стороны заинтересованных фигурантов представляется содействие раскрытию и расследованию совершенного уголовно наказуемого деяния, что в целом противоречит чести «правильного пацана», и, соответственно, воспринимается молодыми людьми как предательство, которое не должно оставаться безнаказанным.

Для подростков характерно совершение преступлений данной категории в группе, действуя по принципу «стаи». И хотя в целом «группам несовершеннолетних правонарушителей сегодня присуще усиление элементов организованности и профессионализма» [13, с. 20], для субъектов посткриминального воздействия из их числа свойственна, если можно так выразиться, определенная «оригинальность». За редким исключением (1 на 15–16 случаев) действия по запугиванию добросовестных

участников уголовного процесса (если не принимать во внимание выбор уединенного места, отсутствие посторонних лиц) осуществляются без принятия каких-либо мер к осложнению раскрытия и расследования преступлений: подросткам не свойственна предварительная подготовка и распределение ролей, они не пытаются сохранить в тайне свою личность, средства маскировки внешности исключены и пр. Отчасти это обусловлено безразличием к последствиям, осознанием каждым из них, что он часть группы, когда бравада перед окружением притупляет чувство самосохранения. Кроме того, каждый второй из них противодействует расследованию преступления посредством угроз не относит к уголовно наказуемым деяниям; совершая данное посягательство, они пребывают в уверенности относительно своей безнаказанности.

Практика свидетельствует, что большинство правонарушений лиц из числа молодежи связано с правовым невежеством и правовым нигилизмом, нравственной и духовной деградацией; зачастую действия посткриминального характера сопровождаются жестокостью и цинизмом. При сборе эмпирического материала нами было выявлено, что при выполнении «заказа» по запугиванию лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений, отмечается довольно большое количество эксцессов исполнителей (практически, каждый третий случай). Совершенные ими действия выходят за пределы соглашения с заказчиком: запугивание довольно часто перерастает в физическую расправу.

Так, в ходе производства по уголовному делу, в котором в качестве обвиняемого за совершение изнасилования проходил несовершеннолетний К., входящий в одно из «дворовых братств» г. Саранска, его сестра пыталась уговорить потерпевшую С. от избивающих брата показаний. Когда та отказалась идти «на мировую», сестра К. подговорила подростков в возрасте 14-16 лет за определенные «преференции» (она работала учительницей в школе по месту их обучения) запугать С. Однако, «дело» запугиванием не ограничилось: встретив С., возвращавшуюся с ночной смены в подворотне одного из домов, подростки, как следствие примененного физического насилия, сломали ей челюсть и нос⁴.

В итоге, насилие, являясь неперенным атрибутом деятельности угрозоносителя, независимо от половой принадлежности и возраста, выявляет такие его психологические особенности, как:

- устойчивая антисоциальная установка;
- вседозволенность, нетерпимость к противодействию;
- неадекватно завышенная самооценка;
- импульсивность поведения;
- низкий уровень самоконтроля, повышенная агрессивность и раздражительность;
- стремление к достижению поставленной цели любыми путями, независимо от средств и методов.

Аксиома в том, что любому из субъектов посткриминального воздействия свойственно оправдание своей противоправной деятельности, приумножение вины в

⁴ Уголовное дело № 1-201/12 // Архив Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия.

инкриминируемом ему деянии; даже при деятельном раскаянии данная категория лиц стремится избежать наказания, соответствующего тяжести совершенного деяния.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шапакидзе В. Я. Обеспечение процессуальной безопасности частных лиц в досудебном уголовном производстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Волгоград, 2002. 217 с.
2. Молев Г. И., Анисимова М. С. Состояние и тенденции женской преступности в России на современном этапе // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2020. Т. 8, № 4. С. 99-107.
3. Лафарг П. Преступность во Франции с 1840 по 1886 гг. : исследование ее причин и развития // Проблема преступности : Сборник второй; Серия : Проблемы марксизма / редакция и предисловие Я. С. Розанова. Киев : Государственное издательство Украины, 1924. С. 127-177.
4. Антонян Ю. М. Человек и преступная агрессия. М. : Проспект, 2022. 224 с.
5. Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. М. : Российское право, 1992. 252 с.
6. Попова С. А. Современная женская преступность : виды, причины, предупреждение // Следователь. 2004. № 1. С. 43-46.
7. Коломытцев Н. А., Одинцова Л. Н. Этика права и проблемы женской преступности в России // Lex Russica. 2018. № 10. С. 146-156.
8. Кранзеева Е. А., Сапегина К. С. Женская преступность как социальное явление : трансформация и деформация социальных ролей // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия : Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 176-185.
9. Бобраков И. А. Охрана участников уголовного судопроизводства : криминологические и уголовно-правовые основы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 2007. 342 с.
10. Психология подростка. Полное руководство / под ред. чл.-корр. РАО А. А. Реана. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 432 с.
11. Круглянина О. Н. Асоциальное поведение: особенности подростковой агрессии. Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Красноярск : СЮИ МВД России, 2005. Ч.1. С. 96-99.
12. Рыков И. А. Рост количества неформальных групп как фактор преступности несовершеннолетних. Преступность в России : состояние, проблемы предупреждения и раскрытия преступлений : матер. междунар. науч.-практ. конф. Воронеж : ВИ МВД России, 2008. Ч. 1. С. 329-331.
13. Костина Л. Н. О проблемах психологического обеспечения расследования ОВД групповых преступлений несовершеннолетних. Психологическое обеспечение правоохранительной деятельности : проблемы и перспективы : матер. науч.-практ. конф. М. : АУ МВД России, 2008. С. 20-25.

REFERENCES

1. Shapakidze V. Ya. Obespechenie processual'noj bezopasnosti chastnyh lic v dosudebnom ugovnom proizvodstve : dis. ... kand. jurid. nauk [Ensuring procedural security of private individuals in pre-trial criminal proceedings : Candidate of Legal Sciences dissertation, specialty]. Volgograd, 2002, 217 p.
2. Molev G. I., Anisimova M. S. Sostoyanie i tendencii zhenskoj prestupnosti v Rossii na sovremennom etape [The state and trends of female crime in modern Russia]. Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» – Electronic Scientific Journal «Science. Society. State». 2020, no. 4, pp. 99-107.
3. Lafarg P. Prestupnost' vo Francii s 1840 po 1886 g.g. : issledovanie ee prichin i razvitiya [Crime in France from 1840 to 1886: A study of its causes and development] // Problema prestupnosti : Sbornik vtoroj; Seriya : Problemy marksizma – In The Problem of Crime: Collection Two; Series: Problems of Marxism]. Kyiv, 1924, pp. 127-177.
4. Antonyan Yu. M. Chelovek i prestupnaya agressiya [Man and Criminal Aggression]. Moscow, 2022, 224 p.
5. Antonyan Yu. M. Prestupnost' sredi zhenshchin [Crime among Women]. Moscow, 1992, 252 p.
6. Popova S. A. Sovremennaya zhenskaya prestupnost': vidy, prichiny, preduprezhdenie [Modern female crime : Types, causes, prevention]. Sledovatel' – Investigator. 2004, no. 1, pp. 43-46.
7. Kolomytcev N. A., Odincova L. N. Etika prava i problemy zhenskoj prestupnosti v Rossii [Legal ethics and the problem of female crime in Russia]. Lex Russica – Lex Russica. 2018, no. 10, pp. 146-156.
8. Kranzeeva E. A., Sapegina K. S. Zhenskaya prestupnost' kak social'noe yavlenie : transformaciya i deformaciya social'nyh rolej [Female crime as a social phenomenon: Transformation and deformation of social roles]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki – Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. 2020, vol. 5, no. 2, pp. 176-185.
9. Bobrakov I. A. Ohrana uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva : kriminologicheskie i ugovno-pravovye osnovy: dis. ... d-ra jurid. nauk [Protection of participants in criminal proceedings: Criminological and criminal-legal foundations: Doctor of Legal Sciences dissertation, specialty]. Moscow, 2007, 342 p.
10. Psihologiya podrostka. Polnoe rukovodstvo : pod red. chl.-korr. RAO A. A. Reana [Adolescent Psychology: A Complete Guide Edited by A. A. Rean]. SPb., 2003, 432 p.
11. Kruglyanina O. N. Asocial'noe povedenie: osobennosti podrostkovoj agressii. Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu v Sibirskom regione : sb. mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Asocial behavior: Features of adolescent aggression. In Topical Issues of Crime Control in the Siberian Region Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Krasnoyarsk, 2005, vol. 1, pp. 96-99.
12. Rykov I. A. Rost kolichestva neformal'nyh grupp kak faktor prestupnosti nesovershennoletnih. Prestupnost' v Rossii : sostoyanie, problemy preduprezhdeniya i raskrytiya prestuplenij : mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Growth of informal groups

as a factor of juvenile delinquency. In Crime in Russia: Status, Prevention Problems and Crime Detection Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]: Voronezh, 2008, vol. 1, pp. 329-331.

13. Kostina L. N. O problemah psihologicheskogo obespecheniya rassledovaniya OVD gruppovyh prestuplenij nesovershennoletnih. Psihologicheskoe obespechenie pravoohranitel'noj deyatel'nosti : problemy i perspektivy : mater. nauch.-prakt. Konf [On the issues of psychological support in the investigation of group juvenile crimes by internal affairs bodies. In Psychological Support of Law Enforcement Activities: Problems and Prospects. Proceedings of the Scientific and Practical Conference. Moscow, 2008, pp. 20-25.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Замылин Евгений Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики. Волгоградская академия МВД России. 400075, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zamylin Evgeny Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics. Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 400075, 130 Istoricheskaya Str., Volgograd.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 20.06.2025; принята к публикации 25.07.2025.

The article was submitted 19.05.2025; approved after reviewing 20.06.2025; accepted for publication 25.07.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3 (114). С. 181–194.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no.3 (114). P. 181–194.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.98

О ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ СУДЕБНОЙ АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Казьмин Вадим Викторович, Экспертно-криминалистический центр МВД России,
Москва, Российская Федерация, екс@mvd.ru

Введение. В статье рассматриваются приоритетные направления взаимодействия ЭКЦ МВД России и ВСИ МВД России по вопросам подготовки квалифицированных специалистов по профилю судебной автотехнической экспертизы.

Методы и материалы. Анализ экспертной практики, деятельности ЭКП по экспертному сопровождению уголовных дел по фактам дорожно-транспортных происшествий, учебных программ и процесса обучения в образовательных организациях, опыта взаимодействия ЭКЦ МВД России с ВСИ МВД России, нормативных правовых актов, материалов научных конференций, научных работ и статей.

Результаты исследования. Оптимизация взаимодействия ЭКЦ МВД России и ВСИ МВД России в целях совершенствования подготовки специалистов в области судебной автотехнической экспертизы.

Выводы и заключения. Подготовка экспертных кадров для органов внутренних дел в современных условиях требует внедрения практико-ориентированного подхода. Сотрудничество в этой сфере является приоритетным направлением взаимодействия ЭКЦ МВД России и ВСИ МВД России.

Ключевые слова: судебная автотехническая экспертиза, дорожно-транспортное происшествие, экспертно-криминалистическая деятельность, образовательный процесс, практико-ориентированная подготовка экспертных кадров, научно-методическое обеспечение.

Для цитирования: Казьмин В. В. О вопросах совершенствования подготовки специалистов по направлению судебной автотехнической экспертизы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114). С. 181–194.

5.1.4. Criminal-legal sciences (legal sciences)

Original article

THE ISSUES OF IMPROVING TRAINING SPECIALISTS IN THE FIELD OF FORENSIC CAR TECHNICAL EXPERTISE

Vadim V. Kazmin, Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ekc@mvd.ru

Introduction. The article discusses the priority areas of interaction between the Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the field of training qualified specialists in the field of forensic auto-technical expertise.

Methods and Materials. Analysis of expert practice, the activities of the Expert Support Center for criminal cases related to traffic accidents, training programs and the learning process in educational organizations, the experience of cooperation between the Expert Support Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, regulatory legal acts, materials of scientific conferences, scientific papers, and articles.

The Results of the Study. Optimization of cooperation between the Expert Support Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in order to improve the training of specialists in the field of forensic auto-technical expertise.

Findings and Conclusions. The training of expert personnel for internal affairs bodies in modern conditions requires the implementation of a practice-oriented approach. Cooperation in this area is a priority area of interaction between the ECC of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the VSI of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Keywords: forensic auto-technical expertise, traffic accident, forensic activities, educational process, practice-oriented training of expert personnel, scientific and methodological support.

For citation: Kazmin V.V. O voprosah sovershenstvovaniya podgotovki specialistov po napravleniyu sudebnoj avtotekhnicheskoy ekspertizy [The issues of improving training specialists in the field of forensic car technical expertise]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 3 (114), pp. 181–194.

Дорожно-транспортные происшествия (далее – ДТП) являются одной из масштабных проблем безопасности во многих странах. Ежегодно на территории Российской Федерации в ДТП и в результате их последствий погибают и получают

ранения десятки тысяч человек¹. В ходе выступления на расширенном заседании коллегии МВД России 5 марта 2025 года Президент Российской Федерации В.В. Путин поручил продумать дополнительные решения по технической модернизации дорог, организации дорожного движения, предупреждению аварий и задал ориентир на снижение смертности в ДТП к 2030 году минимум в 1,5 раза². Это нашло отражение в решении коллегии от 5 марта 2025 г. № 1км «Об итогах оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в 2024 году и задачах на 2025 год»³.

Экспертно-криминалистическим подразделениям системы МВД России (далее – ЭКП) отведена важная роль по оказанию содействия органам следствия и суда в установлении обстоятельств таких преступлений посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний⁴.

В ЭКП в соответствии с Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, утвержденным приказом МВД России от 29 июня 2005 г. № 511⁵, в рамках судебных автотехнических экспертиз проводятся исследования обстоятельств ДТП, технического состояния деталей и узлов транспортных средств, следов на транспортных средствах и месте ДТП, а также маркировочных обозначений транспортных средств.

Организация проведения автотехнических исследований напрямую связана с подготовкой экспертных кадров в образовательных организациях Министерства.

В июне 2005 года в Восточно-Сибирском институте МВД России (далее также – ВСИ МВД России, Институт) образован новый факультет очного обучения по подготовке следователей и судебных экспертов⁶.

¹ Согласно Сведениям о показателях безопасности дорожного движения, в 2022 году произошло 126 705 ДТП, в которых погибли 14 172 и получили ранения 159 635 человек, в 2023 году соответственно – 132 466, 14 504 и 166 500, в 2024 году – 132 037, 14 403 и 164 754, за 6 месяцев 2025 года – 55 964, 5 802 и 69 733 // Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения : сайт. URL: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения: 14.07.2025).

² Расширенное заседание коллегии МВД России // Официальный сайт Президента Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения: 25.06.2025).

³ Объявлена приказом МВД России от 18 апреля 2025 г. № 233дсп «Об объявлении решения итоговой коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации».

⁴ Количество выполненных автотехнических экспертиз: 2022 г. – 46 982; 2023 г. – 47 432; 2024 г. – 45 604; 6 месяцев 2025 г. – 21 350 // Сервис ведомственной правовой статистики МВД России. Форма «1-НТП».

⁵ Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 (ред. 12.11.2024) // СТРАС «Юрист»: справочно-правовая система МВД России (дата обращения: 27.06.2025). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

⁶ Об организационно-штатных вопросах образовательных учреждений МВД России : приказ МВД России от 28 июня 2005 года № 510 // СТРАС «Юрист»: справочно-правовая система МВД России (дата обращения: 17.07.2025). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

В соответствии с приказом МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 «О профилизации образовательных организаций МВД России»⁷ за образовательными организациями высшего образования и организациями дополнительного профессионального образования МВД России закреплены приоритетные профили подготовки, а также подразделения центрального аппарата МВД России в целях обеспечения взаимодействия по вопросам обучения квалифицированных специалистов. Для ВСИ МВД России определен приоритетный профиль подготовки «Деятельность экспертно-криминалистических подразделений по производству автотехнической и пожарно-технической экспертиз». Подразделением, ответственным за взаимодействие по профилю подготовки, стал ЭКЦ МВД России (далее также – Центр). С этого момента Центр получил полномочия в пределах компетенции рецензировать и согласовывать учебно-программную документацию и учебно-методические материалы, а также обеспечивать получение педагогическими работниками практических навыков.

Сотрудничество ЭКЦ МВД России и Института заметно активизировалось в последние 3 года.

В целях повышения эффективности выполнения научно-исследовательских работ и последующего внедрения их результатов в экспертно-криминалистическую деятельность, а также подготовки экспертных кадров утвержден список сотрудников Центра, ответственных за взаимодействие с ВСИ МВД России.

Значимым событием стало подписание Соглашения о сотрудничестве⁸ (далее – Соглашение), которым определены следующие основные направления:

- организация и осуществление образовательной деятельности по вопросам подготовки кадров для ЭКП с учетом приоритетного профиля Института;
- организация и осуществление научной работы, создание и внедрение в экспертную практику и в образовательный процесс научной продукции;
- выявление, применение и распространение положительного опыта в деятельности ЭКП и учебный процесс Института.

С 2023 года руководство и сотрудники ЭКЦ МВД России на постоянной основе осуществляют выезды в Институт, в том числе для участия в сопровождении мероприятий, определенных Соглашением. Так, в июне 2025 года проведено совещание с руководством и профессорско-преподавательским составом Института (рис. 1), в ходе которого дана положительная оценка взаимодействию в области научно-исследовательской деятельности и публикационной активности, а также рассмотрены актуальные вопросы подготовки экспертных кадров в ведомственных образовательных организациях.

⁷ О профилизации образовательных организаций МВД России : приказ МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 // СТРАС «Юрист»: справочно-правовая система МВД России (дата обращения: 10.07.2025). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

⁸ Соглашение о сотрудничестве федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» и федерального государственного казенного учреждения «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» от 31 июля 2023 г. № 243 (№ 18/04 от 03.08.2023).

Рис. 1. Совещание с руководством и профессорско-преподавательским составом ВСИ МВД России

За образцовое исполнение служебных обязанностей и высокое профессиональное мастерство сотрудники Института неоднократно поощрялись наградами по линии экспертной службы (рис. 2)⁹.

Рис. 2. Вручение наград сотрудникам ВСИ МВД России

На системной основе внедряются в образовательный процесс Института новые специальные знания в целях расширения компетенций в области судебных пожарно- и автотехнических экспертиз, а также обмена опытом [1, с. 156].

ВСИ МВД России реализовано предложение Центра о повышении

⁹ 2023 год – 2 чел.; 2024 год – 2 чел.; 2025 год – 9 чел.

квалификации в форме стажировки слушателей пятого курса¹⁰, что позволило им одновременно с получением высшего профессионального образования приобрести новые компетенции – способность решать экспертные задачи при проведении автотехнических исследований.

Отделом автотехнических экспертиз Центра в 2024 и 2025 годах проведены стажировки профессорско-преподавательского состава Института. В соответствии с тематическими планами изучения учебных дисциплин в режиме видео-конференц-связи прочитаны лекции «Исследование следов на транспортных средствах и месте дорожно-транспортного происшествия» и «Отдельные аспекты производства экспертизы маркировочных обозначений транспортных средств».

В марте 2024 года с обучающимися проведен коллоквиум на тему «Автотехническая экспертиза», в ходе которого на примерах смоделированных дорожно-транспортных ситуаций, содержащих минимум необходимой информации, будущими экспертами были найдены правильные решения экспертных задач.

Важным для практико-ориентированного подхода к обучению является привлечение сотрудников ЭКП в качестве преподавателей. Так, специалисты ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области формируют у слушателей и курсантов профессиональные навыки на примерах исследований учебных объектов, в том числе с помощью современного оборудования и программного обеспечения, имеющегося в ЭКП. Также на базе указанного ЭКП в 2025 году прошли преддипломную практику 13 выпускников Института.

К такому оборудованию относится аппаратно-программный комплекс автоматизированной фиксации следов ДТП с возможностью визуализации места ДТП – высокоскоростной измерительный прибор, использующий технологию лазерного сканирования для получения трехмерных изображений, представляющих собой облако точек с трехмерными координатами. Функционал 3D-сканера предоставляет возможность бесконтактным способом определять любые расстояния между объектами на месте совершения ДТП: транспортными средствами, техническими средствами организации дорожного движения, зданиями и сооружениями, мачтами городского освещения и т.п., а также устанавливать взаимное расположение объектов. Его отличительная особенность – возможность создания трехмерных моделей с характеристиками, полностью соответствующими реальным объектам на момент их осмотра и регистрации. Фальсификация данных при составлении схемы исключена, так как изображение, созданное в виде уникального облака точек, сохраняется в виде единого файла, который невозможно изменить (рис. 3).

¹⁰ Реализуется в соответствии с дополнительными профессиональными программами «Повышение квалификации в форме стажировки по экспертным специальностям «Исследование обстоятельств ДТП», «Исследование технического состояния деталей и узлов транспортных средств», «Исследование следов на транспортных средствах и месте ДТП» для слушателей Восточно-Сибирского института МВД России, обучающихся по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза» и «Повышение квалификации в форме стажировки по экспертной специальности «Исследование маркировочных обозначений транспортных средств» для слушателей Восточно-Сибирского института МВД России, обучающихся по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза».

Рис. 3. Примеры применения 3D-сканера для фиксации следов на месте ДТП

Например, специалистами ЭКЦ ГУ МВД России по г. Москве при исследовании обстоятельств резонансного ДТП с участием актера Михаила Ефремова с помощью данного комплекса сопоставлялись взаимные повреждения автомобилей Jeep Grand Cherokee и LADA (рис. 4 – 5).

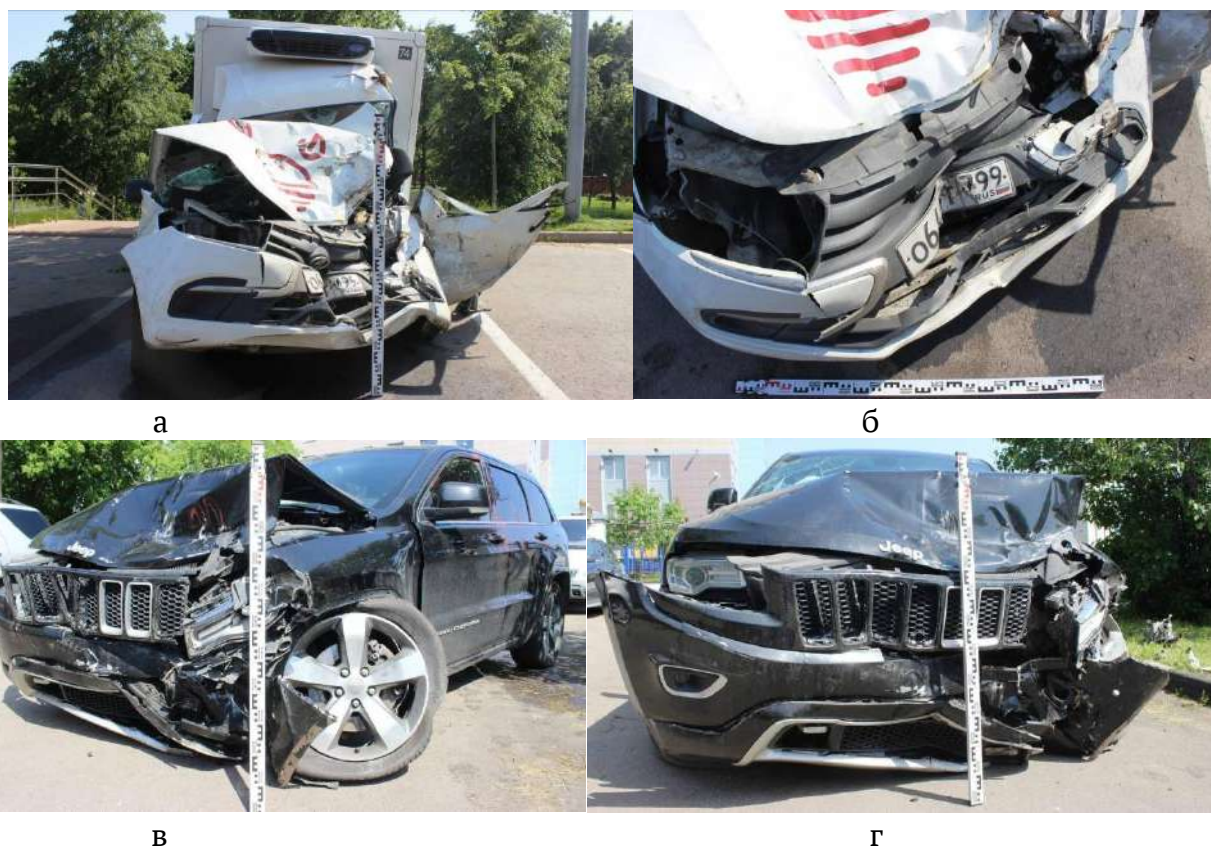
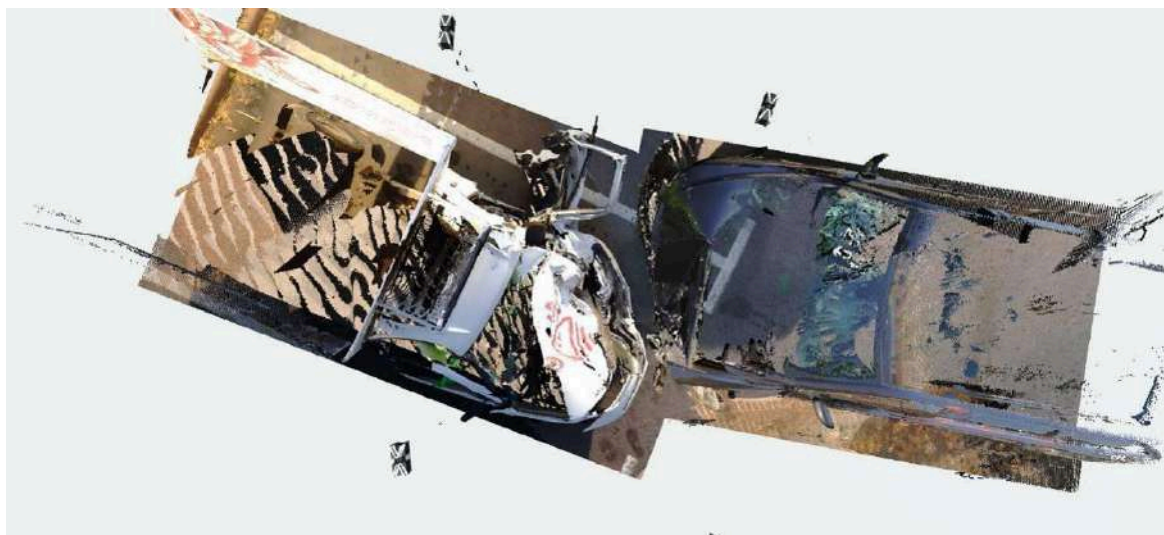

Рис. 4. Внешний вид повреждений автомобилей:
а, б – LADA; в, г – Jeep Grand Cherokee

а

б

Рис. 5. Сопоставление повреждений, зафиксированных 3D-сканером в режиме сканирования с получением трехмерного облака точек:

а – Jeep Grand Cherokee; б – LADA

Указанными устройствами оснащены специализированные передвижные комплексы на базе автомобиля Volkswagen Multivan в ЭКЦ ГУ МВД России по г. Москве, переданные ГКУ «ЦОДД Правительства г. Москвы» в феврале 2019 г.

Прогрессивным средством фиксации вещной обстановки на месте происшествия, как уже нами неоднократно отмечалось [2, с. 8; 3, с. 14], являются беспилотные летательные аппараты, оснащенные цифровой фото- и видеотехникой. Особенно они востребованы при осмотрах мест ДТП, значительно удаленных от районов дислокации ЭКП, со сложным рельефом местности (например, в горных районах), на мостах, путепроводах и т.д.

Использование беспилотных средств поможет исключить ошибки, связанные с человеческим фактором при проведении замеров и значительно снизить временные затраты на процесс фиксации. Выполненная таким образом фото- и видеосъемка займет ограниченное время, а ее результатом станет панорамное видео с углом обзора 360 градусов в высоком разрешении. Специальное программное обеспечение позволит определить расстояние между объектами, установленными «метками», вывести результаты на печать, копировать, передавать, сохранять и архивировать информацию для последующей обработки и оформления необходимой документации.

С положительной стороны необходимо отметить внедренное в практику ЭКП специализированное программное обеспечения «DTP-expert»¹¹ (далее – СПО), позволяющее упростить работу э при установлении обстоятельств ДТП по видеоизображениям [4, с. 10], поскольку автоматизирует громоздкие вычисления, которые ранее проводились экспертами вручную, что существенно увеличивало время производства экспертиз. Кроме того, функционал СПО дает возможность решать большинство криминалистических задач, связанных с анализом обстоятельств, зафиксированных на видеоизображениях, а также с установлением размерных характеристик объектов, расстояний и параметров их движения, что востребовано при исследовании обстоятельств ДТП.

Проведение учебных занятий с наглядными примерами применения современного криминалистического оборудования и программного обеспечения позволяет эффективно готовиться к государственной аттестации и качественно формировать профессиональные компетенции будущего эксперта-криминалиста.

В состав государственной экзаменационной комиссии (далее – ГЭК) для проведения государственной итоговой аттестации выпускников в 2025 году включен заместитель начальника ЭКЦ МВД России Бережнев Г. В. Такая практика участия в ГЭК руководителей и сотрудников Центра, специализирующихся на производстве автотехнических и пожарно-технических экспертиз, позволяет отслеживать соблюдение единых методических подходов к решению экспертных задач при обучении, способствуя повышению уровня подготовки специалистов и формированию соответствующих компетенций.

Очевидно, что потребность в специалистах-автотехниках имеется не только на территории Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, в связи с чем актуально расширение географии и перечня комплектующих органов. Требуется активизации механизм направления кандидатов на обучение не только по целевому набору от комплектующего органа, но и по прямому набору. Видится, что предложенный порядок приема на обучение позволит в ближайшей перспективе более эффективно осуществлять комплектование личного состава ЭКП по профилю подготовки Института.

Своевременное внедрение в образовательный процесс результатов научных исследований Центра – важная составляющая системы совершенствования обучения

¹¹ Информационное письмо ЭКЦ МВД России № 37/19-8448 от 29 мая 2020 г. «Особенности использования программ «DTP-expert» и HEX-expert» в процессе производства видеотехнических экспертиз».

курсантов и слушателей. В них отражены современные способы, методы и средства проведения экспертных исследований, а также актуальная справочная информация. Центром осуществлено авторское сопровождение внедрения методических рекомендаций «Установление причинной связи между действиями водителей транспортных средств и фактом дорожно-транспортного происшествия в нестандартных дорожно-транспортных ситуациях» и «Исследование дорожно-транспортных ситуаций, связанных с наездом на пешехода в условиях ограниченного обзора», пособий «Идентификационные маркировочные обозначения автомобилей марок AUDI, BENTLEY, PORSCHE, SKODA и VOLKSVAGEN» и «Идентификационные маркировочные обозначения автомобилей марок Toyota, Nissan, Mazda, Hyundai, KIA и Mitsubishi», терминологического справочника судебной автотехнической экспертизы.

ВСИ МВД России также выполняет научные работы по заявкам Центра. В наиболее значимых для ЭКП изданиях затрагиваются отдельные аспекты исследования тормозных систем транспортных средств китайского производства, исследования информации идентификационного характера, содержащейся в электронных блоках управления автомобилями южнокорейского производства, а также диагностирования неисправностей тормозных систем электромобилей. В 2026 году Институту предложено провести научное исследование по определению информации идентификационного характера транспортных средств производства Китайской Народной Республики.

Важным направлением взаимодействия является совместное проведение научно-представительских мероприятий.

В июне 2025 года в работе I Восточно-Сибирского юридического форума участвовали руководители ЭКЦ МВД России (рис. 6 – 7).

Рис. 6. Участники I Восточно-Сибирского юридического форума

Рис. 7. Выступление заместителя начальника ЭКЦ МВД России Громовой А.В., кандидата филологических наук

Специалисты автотехнического и научного подразделений Центра также ежегодно выступают с докладами на различных площадках Института. Например, на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы» и межведомственном круглом столе «Актуальные вопросы инженерно-технических экспертиз»¹².

Для обсуждения вопросов укрепления взаимодействия между ЭКП и ведомственными вузами, интеграции научных разработок и практического опыта ЭКЦ МВД России в преподавание дисциплин, связанных с экспертно-криминалистической деятельностью, представляется перспективным организовать и провести в Институте учебно-методический сбор с участием представителей Центра, ЭКП и других заинтересованных подразделений. Примером успешной реализации такого мероприятия является впервые проведенный в мае 2025 года при личном участии заместителя Министра – начальника Следственного департамента МВД России генерал-полковника юстиции Лебедева С. Н. на базе Волгоградской академии МВД России учебно-методический сбор с представителями экспертно-криминалистических и следственных подразделений территориальных органов МВД России в Южном, Центральном и Северо-Кавказском федеральных округах, а также министерств внутренних дел по Донецкой и Луганской народным республикам, главных управлений МВД России по Запорожской и Херсонской областям по вопросам борьбы с IT-преступлениями [5, с. 2-3] (рис. 8).

¹² 2023 год – 3 чел., 2024 год – 4 чел., 2025 год – 7 чел.

Рис. 8. Заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации – начальник Следственного департамента МВД России Лебедев С. Н. и начальник ЭКЦ МВД России Казьмин В. В. вручают участникам учебно-методического сбора сертификаты о повышении квалификации

Таким образом, в современных условиях подготовка квалифицированных экспертных кадров с приобретением востребованных практико-ориентированных знаний и умений в ведомственных образовательных организациях является комплексной задачей, которую необходимо решать совместно ЭКЦ МВД России и ВСИ МВД России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Казьмин В. В., Дашко Л. В. Развитие пожарно-технической экспертизы в системе МВД России на современном этапе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: научно-практический журнал. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 2 (109). – С. 144 – 162.
2. Казьмин В.В. Особенности подготовки экспертных кадров в условиях современных вызовов // Опыт и традиции подготовки полицейских кадров: сборник

научных трудов. – Выпуск 7. – Волгоград: ВА МВД России, 2024. – С. 7 – 11.

3. Казьмин В. В. Готовы противостоять любым вызовам // Полиция России: журнал МВД России. – 2024. № 3. – С. 12 – 16.

4. Барышников И. Н., Молодых М. Е. О перспективах развития автотехнической экспертизы // Судебно-экспертная деятельность: современное состояние и перспективы развития: Всероссийская научно-практическая конференция, 12 апреля 2023 г.: сборник научных трудов. – М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. С. 8 – 11.

5. Итоги учебно-методического сбора руководителей экспертно-криминалистических и следственных подразделений территориальных органов МВД России // Профессионал: практический альманах МВД России. – 2025. – № 3. – С. 2.

REFERENCES

1. Kazmin V. V., Dashko L. V. Razvitie pozharno-tekhnicheskoy ekspertizy v sisteme MVD Rossii na sovremennom etape [Development of Fire and Technical Expertise in the Russian Ministry of Internal Affairs System at the Present Stage]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 2 (109), pp. 144-162.

2. Kazmin V. V. Osobennosti podgotovki ekspertnyh kadrov v usloviyah sovremennyh vyzovov [Features of Training Expert Personnel in the Context of Modern Challenges]. Opyt i tradicii podgotovki policejskih kadrov: sbornik nauchnyh trudov – Experience and Traditions of Training Police Personnel: Collection of Scientific Papers. Issue 7. Volgograd, pp. 7-11.

3. Kazmin V. V. Gotovy protivostoyat' lyubym vyzovam [Ready to face any challenges]. Policiya Rossii: zhurnal MVD Rossii – Police of Russia: Journal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no 3, pp. 12-16.

4. Baryshnikov I.N., Molodyh M.E. O perspektivah razvitiya avtotekhnicheskoy ekspertizy : Sudebno-ekspertnaya deyatel'nost': sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, 12 aprelya 2023 g [On the Prospects for the Development of Automotive Expertise Forensic Expertise: Current State and Development Prospects: All-Russian Scientific and Practical Conference, April 12, 2023]. Moscow, pp. 8-11.

5. Itogi uchebno-metodicheskogo sbora rukovoditelej ekspertno-kriminalisticheskikh i sledstvennyh podrazdelenij territorial'nyh organov MVD Rossii [Results of the training session for heads of forensic and investigative units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Professional: prakticheskij al'manah MVD Rossii – Professional: a practical almanac of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 3, pp. 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Казьмин Вадим Викторович, начальник. Экспертно-криминалистический центр МВД России. 125130, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 5.
ORCID: 0000-0001-6099-1043

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kazmin Vadim Viktorovich, Head. Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 125130, Moscow, Zoi and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 5.
ORCID: 0000-0001-6099-1043

Статья поступила в редакцию 19.06.2025; одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 18.09.2025.

The article was submitted 19.06.2025; approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 18.09.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 3 (114). С. 195–207.

Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025

Vol. no. 3 (114). P. 195–207.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 343.3/.7

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И КОНСТРУИРОВАНИЯ СОСТАВА НЕЗАКОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ (СОЗДАНИЯ, РЕОРГАНИЗАЦИИ) ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА (СТ. 173¹ УК РФ)

Квасников Евгений Сергеевич

Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Омск,
Российская Федерация

evgen1219@mail.ru

Введение. В статье анализируется уголовно-правовой запрет незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица. Рассматривается обусловленность данного запрета, исследуется зарубежный опыт законодательного обеспечения противодействия образованию фиктивных организаций, проводится юридический анализ состава преступления, предусмотренного ст. 173¹ УК РФ, а также рассматриваются отдельные вопросы, связанные с квалификацией данного преступления.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют российское уголовное законодательство, зарубежное законодательство в соответствующей сфере, научные труды ученых и материалы судебной практики. Методологической основой явился всеобщий диалектический метод познания, сравнительно-правовой метод, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Результаты исследования позволили отметить низкую результативность реализации принципа единообразия судебной практики при квалификации рассматриваемых преступлений; раскрыть проблемы применения ст. 173¹ УК РФ и их причины.

Выводы и заключения. Проведенный анализ позволил сформулировать рекомендации по квалификации незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица. В целях улучшения правоприменения и повышения результативности реализации принципа единообразия судебной практики при квалификации незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица выработаны предложения по совершенствованию регламентации рассматриваемого уголовно-правового запрета.

Ключевые слова: незаконное образование, создание, реорганизация, юридическое лицо, преступление, государственный реестр, квалификация

Для цитирования: Квасников, Е. С. Вопросы квалификации и конструирования состава незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173¹ УК РФ) / Е. С. Квасников // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3 (114). С. 195–207.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

ISSUES OF QUALIFICATION AND COMPOSITION OF THE ILLEGAL FORMATION (CREATION, REORGANIZATION) OF A LEGAL ENTITY (ARTICLE 173¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Evgeny S. Kvasnikov¹

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation
evgen1219@mail.ru

Introduction. The article analyzes the criminal law prohibition of illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity. The article considers the conditionality of this prohibition, examines the foreign experience of legislative support for countering the formation of fictitious organizations, conducts a legal analysis of the corpus delicti provided for in Article 173¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, and also considers certain issues related to the qualification of this crime.

Materials and Methods: the normative basis of the research is formed by Russian criminal legislation, foreign legislation in the relevant field, scientific works of scientists and materials of judicial practice. The methodological basis is the universal dialectical method of cognition, the comparative legal method, methods of analysis and synthesis, induction and deduction.

The Results of the Study made it possible to note the low effectiveness of the implementation of the principle of uniformity of judicial practice in the qualification of the crimes under consideration; to reveal the problems of the application of art. 173¹ of the Criminal Code of the Russian Federation and their causes.

Findings and Conclusions. The analysis made it possible to formulate recommendations on the qualification of illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity. In order to improve law enforcement and improve the effectiveness of the implementation of the principle of uniformity of judicial practice in the qualification of illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity, proposals have been developed to improve the regulation of the criminal law prohibition under consideration.

Keywords: illegal formation, creation, reorganization, legal entity, crime, state register, qualification.

For citation: Kvasnikov E.S. Voprosy kvalifikacii i konstruirovaniya sostava nezakonnogo obrazovaniya (sozdaniya, reorganizacii) yuridicheskogo lica (st. 173¹ UK RF) [Issues of qualification and composition of the illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity (article 173¹ of the criminal code of the Russian Federation). Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No 3 (114). Pp. 195–207.

Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица зачастую используется для отмывания денег, уклонения от уплаты налогов, хищений и иных экономических преступлений, что обуславливает рост преступности и в целом негативно влияет на экономику страны [1, с. 23].

Льготные налоговые режимы и упрощенные процедуры регистрации юридических лиц создают возможности для противоправного поведения через фиктивные организации. Схемы фиктивного бизнеса развиваются. Дигитализация и киберпреступность еще более усугубляют такое положение дел. Современные технологии позволяют регистрировать юридические лица дистанционно. Разумеется, это расширяет возможности совершения соответствующих преступлений [2]. Так, по сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за период с 2020 г. по первое полугодие 2024 г. за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридических лиц было осуждено 1420 лиц¹.

В связи с постоянными изменениями отечественного уголовного и корпоративного законодательства обусловлена актуальность исследования проблематики квалификации незаконного образования (создания, реорганизации) юридических лиц, а также выработка рекомендаций по квалификации.

Социально-экономическая природа рассматриваемого преступления характеризуется феноменом массового создания «фирм-однодневок» для уклонения от налогов, незаконного обналичивания средств, незаконной банковской деятельности, отмывания денег, но не для осуществления законной предпринимательской деятельности.

Борьба с фиктивными организациями также важна для выполнения международных обязательств России в сфере противодействия коррупции и финансированию терроризма.

Зарубежный опыт противодействия образованию фиктивных организаций также свидетельствует о наличии рассматриваемой проблемы и о ее масштабе. Так, в странах Европейского союза борьба с фиктивными компаниями осуществляется посредством пятой (2018 г.) и шестой (2020 г.) директив по борьбе с отмыванием денег (AMLD5 и AMLD6), которые требуют прозрачности информации о конечных бенефициарных владельцах компаний. Государства Европейского союза обязаны вести реестры бенефициаров, доступные как государственным органам, так и в некоторых случаях

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // Судебный департамент : сайт. URL: <https://cdep.ru/?id=5> (дата обращения: 28.03.2025).

общественности². Например, в Германии действует Закон о борьбе с отмыванием денег (Geldwäschegesetz, GwG), который обязывает компании раскрывать информацию о конечных владельцах в «Прозрачном реестре» (Transparenzregister)³. В Великобритании в 2022 году принят Economic Crime (Transparency and Enforcement) Act, ужесточающий требования к раскрытию информации о владельцах юридических лиц, особенно офшорных компаний. За деятельность фиктивных организаций предусмотрена как уголовная ответственность, так и административные санкции⁴.

В США основными нормативно-правовыми мерами борьбы с фиктивными компаниями являются Corporate Transparency Act (CTA) (2021)⁵, в соответствии с которым введен федеральный реестр конечных бенефициаров, находящийся в ведении Финансовой разведки (FinCEN). Компании обязаны раскрывать информацию о бенефициарных владельцах, а за сокрытие данных предусмотрены крупные штрафы и уголовная ответственность; Patriot Act (2001) и Bank Secrecy Act (BSA)⁶, согласно которым ужесточены требования к банковскому контролю за клиентами, запрещены анонимные счета и операции с подставными компаниями без идентификации владельцев. IRS (налоговая служба) и FinCEN проверяют схемы использования фиктивных компаний для отмывания денег, уклонения от налогов и финансирования терроризма.

В Китае борьба с фиктивными юридическими лицами осуществляется посредством реформы корпоративной регистрации – введена единая система кредитного кода для идентификации организаций; усилены требования к прозрачности владельцев бизнеса, включая регистрацию в национальном реестре предприятий. Государство отслеживает подозрительные финансовые потоки через систему контроля банковских транзакций. В 2021 году Китай закрыл более 100 000 компаний, подозреваемых в фиктивной деятельности [3]. Использование фиктивных компаний

² GSL // Публичный доступ к конфиденциальной информации или General Data Protection Regulation и публичные реестры : сайт. URL: <https://gsl.org/ru/press-center/press/publicniy-dostup-k-konfidenczialnoy-informaczii-ili-general-data-protection-regulation-i-publichnye-reestry/> rt.ru (дата обращения: 28.03.2025).

³ Закон об отмывании денег (Geldwaeschegesetz) - § 261 уголовного кодекса Германии // Уголовное право Германии в примерах : сайт. URL: http://ra-engelmann.mypage.ru/otmivanie-deneg-v-germanii----261-des-strafgesetzbuches/zakon_ob_otmivanii_deneg_geldwaeschegesetz_-_261_ugolovnog.html (дата обращения: 28.03.2025).

⁴ Economic Crime (Transparency and Enforcement) Bill 2022: overarching documents // GOV.UK : сайт. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/economic-crime-transparency-and-enforcement-bill-2022-overarching-documents> (дата обращения: 28.03.2025).

⁵ Corporate Transparency Act // H&CO-CPAs : сайт. URL: <https://www.hco.com/corporate-transparency-act> (дата обращения: 28.03.2025).

⁶ Council F. F. I. E. Bank secrecy act anti-money laundering examination manual // Federal Financial Institutions Examination Council, 2005 : сайт. URL: <https://www.kaufcan.com/wp-content/uploads/2005/03/BSAmanual.pdf> (дата обращения: 27.03.2025).

для уклонения от уплаты налогов или отмывания денег влечет уголовную ответственность, вплоть до пожизненного заключения⁷.

Таким образом, для противодействия созданию фиктивных организаций Европейский союз делает упор на раскрытие информации о бенефициарах через публичные реестры; США строго контролируют компании через FinCEN и налоговые органы; Китай использует централизованный государственный контроль и жесткие меры ответственности для нарушителей.

В целях уголовно-правового противодействия незаконному образованию (созданию, реорганизации) юридических лиц УК РФ установлен запрет, регламентированный нормами ст. 173¹ УК РФ. Он заключается в воспрещении образования (создания, реорганизации) юридического лица через подставных лиц, а также представления в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекших внесение в единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) сведений о подставных лицах.

При квалификации преступления по рассматриваемой уголовно-правовой норме могут возникать следующие сложности: в установлении факта создания (регистрации) юридического лица путем предоставления заведомо ложных сведений (какие именно сведения были на подставных лиц и были ли они существенными для проведения государственной регистрации); в установлении умысла на совершение преступления; в отграничении от смежных составов преступлений (являлось ли преступление самостоятельным или лишь средством совершения другого преступления); в определении момента окончания преступления; в выявлении организатора (в практике часто используются подставные лица (номинальные директора), а реальный организатор остается в тени. Требуется выявить связь между номинальным руководителем и лицом, которое фактически инициировало регистрацию).

Объектом рассматриваемого преступления являются отношения, связанные «...с осуществлением предпринимательской, финансовой и иной экономической деятельности по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг»⁸.

Преступление, предусмотренное ст. 173¹ УК РФ, признается оконченным с момента внесения в ЕГРЮЛ соответствующих сведений.

В общем виде объективная сторона данного преступления заключается не только в создании (реорганизации) юридического лица на подставное лицо с использованием заведомо ложных сведений (когда сам факт создания фиктивного юридического лица уже является преступлением, вне зависимости от последующего использования), но и в предоставлении в соответствующий уполномоченный орган данных, повлекших внесение в ЕГРЮЛ сведений о подставных лицах.

⁷ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общей ред. проф. А.И. Чучаева и проф. А.И. Коробеева, пер. с китайского проф. Хуан Даосю. 2-е изд. М. : ООО «Юридическая фирма контракт», 2021. 312 с.

⁸ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 19-УД17-38. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

Так или иначе и то и другое деяние непосредственно связано с внесением изменений в ЕГРЮЛ. В связи с этим согласимся с мнением А. Н. Ляскало и В. В. Бальжинимаевой о том, что рассматриваемый состав преступления мог бы быть сформулирован лаконичнее – по аналогии со ст. 170¹ УК РФ «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета», где деяние носит общий характер противоправного воздействия на содержание соответствующего реестра [4].

Процедура создания (реорганизации) юридических лиц регламентирована гражданским законодательством, Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». В ней четко определено, какие документы (соответствующее заявление по утвержденной форме, решения в определенных видах документов, уведомления и т. д.) необходимо предоставить в налоговый орган для внесения соответствующих изменений в ЕГРЮЛ. «...под представлением данных следует понимать представление любых подлежащих внесению в единый государственный реестр юридических лиц данных о подставных лицах, за исключением тех случаев, когда такие данные представляются при образовании (создании, реорганизации) юридического лица»⁹.

Для квалификации преступления как неоконченного важно учитывать фактическую возможность создания (регистрации) юридического лица путем внесения соответствующих сведений о подставных лицах после предоставления необходимых для этого данных. Данная «возможность» определяется характером предоставляемых данных – фигурировали ли в таких данных подставные лица и были ли они необходимы для государственной регистрации. В случае, если государственная регистрация юридического лица или внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах, не были завершены по не зависящим от виновного обстоятельствам, данные деяния могут быть квалифицированы как покушение на преступление. Приискание подставных лиц, подготовка документов для совершения регистрационных действий и их представление в регистрирующий орган также квалифицируется как неоконченное преступление [5, с. 132].

Рассматриваемый уголовно-правовой запрет направлен на противодействие незаконному образованию юридического лица. В совершении рассматриваемого преступления могут принимать участие все указанные в ст. 33 УК РФ лица.

Вместе с тем детально объективная сторона совершения незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица заключается в приискании «первыми» лицами «вторых» лиц. Этим «вторым» лицам за определенное вознаграждение предлагается стать участниками или органом управления юридического лица, для чего последним необходимо совершить действия, направленные на образование (создание, реорганизацию) юридического лица, с целью, например, проведения «первыми» лицами незаконных финансовых операций, которые

⁹ Приговор Череповецкого городского суда Вологодской области от 7 ноября 2022 г. по делу № 1-295/2022 // Архив судебных дел и решений : сайт. URL: <https://actofact.ru/case-35RS0001-1-295-2022-2022-01-31-2-0/> (дата обращения: 05.03.2025).

содержат или могут содержать признаки иных составов преступлений. При этом «вторые» лица могут и не знать, что именно им нужно сделать для внесения сведений о создании/реорганизации юридического лица в ЕГРЮЛ или как получить усиленную квалифицированную электронную подпись (УКЭП), являющуюся цифровым аналогом собственноручной подписи, с помощью которой можно подписывать любые документы без предварительной договоренности с другой стороной. В этом случае действия «вторых» лиц организуют «первые» лица.

«Вторые» лица за вознаграждение предоставляют комплект своих документов (паспорт, СНИЛС, ИНН) для регистрации юридического лица в Федеральной налоговой службе Российской Федерации (далее – ФНС России). Причем, используя сервисы ФНС России, при наличии электронной подписи возможно подать документы на регистрацию в электронном виде, и в ЕГРЮЛ будут внесены соответствующие сведения – юридическое лицо будет зарегистрировано в течение трех рабочих дней со дня подачи документов¹⁰.

В законе не закреплены специальные признаки субъекта преступления, предусмотренного ст. 173¹ УК РФ. Смысл данной нормы заключается в уголовно-правовом воздействии на «теневого организатора» незаконного образования (создания/реорганизации) юридического лица. Ответственность подставных лиц за предоставление соответствующих документов для внесения изменений в ЕГРЮЛ предусмотрена ст. 173² УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица»¹¹. Отметим, что за период с 2020 г. по первое полугодие 2024 г. за совершение данного преступления было осуждено 8815 лиц¹². Количество осужденных по ст. 173² УК РФ в разы превышает число осужденных по ст. 173¹ УК РФ.

Вместе с тем объективная сторона альтернативных действий, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 173¹ УК РФ (предоставление данных), по своей сути охватывает деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 173² УК РФ (предоставление документа, удостоверяющего личность). Содержание диспозиции ч. 1 ст. 173¹ УК РФ не дает однозначного определения того, кто именно должен быть привлечен к уголовной ответственности за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица.

Во-первых, факт учреждения или изменения юридической формы организации наступает лишь после внесения изменений ЕГРЮЛ уполномоченными на то органами (ФНС России); во-вторых, предоставление соответствующих данных о подставных

¹⁰ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 1 февраля 2023 г. № 22-176/2023 // Ульяновский областной суд : сайт. URL: <http://www.ulobsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=104397> (дата обращения: 28.03.2025).

¹² Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // Судебный департамент : сайт. URL: <https://cdep.ru/?id=5> (дата обращения: 28.03.2025).

лицах может быть осуществлено как этими же подставными лицами по указанию организатора или подстрекателя либо вследствие заблуждения/без ведома, так и самим «теневым организатором» (в данном случае его действия на практике квалифицируются как действия исполнителя преступления) или иными лицами, например, нотариусом [6]; в-третьих, в законе прямо предусмотрена ст. 173² УК РФ, фактически предусматривающая ответственность за покушение на преступление, предусмотренное ст. 173¹ УК РФ.

В диспозиции ч. 1 ст. 173² УК РФ обозначены действия, влекущие уголовную ответственность: предоставление документа, удостоверяющего личность, выдача доверенности. Тем не менее на практике к уголовной ответственности по ст. 173¹ УК РФ привлекаются в том числе подставные лица, которые сами же и предоставили документы для внесения изменений в ЕГРЮЛ. Так, К. была осуждена по ч. 1 ст. 173¹ УК РФ: «...К., вследствие отсутствия опыта ведения бизнеса и регистрации юридического лица, воспользовалась помощью стороннего лица...действия осужденной, установленные судом, свидетельствуют о том, что она осознавала, что предоставляя пакет документов с целью внесения в ЕГРЮЛ сведений, которые влекли образование юридического лица, в котором она должна была являться номинальным учредителем и руководителем, то есть осознавала противоправный характер своих действий, их общественную опасность»¹³.

В связи с закреплением в законе ст. 173² УК РФ также возникает вопрос о противоречии принципу *non bis in idem* при квалификации деяния одного и того же субъекта (подставного лица), действующего с единым умыслом по совокупности ч. 3 ст. 30, ст. 173¹ УК РФ (либо ч.ч.1,2 ст. 173¹ УК РФ) и ст. 173² УК РФ¹⁴. Так, например, действия Т. были квалифицированы по совокупности п. «б» ч. 2 ст. 173¹ УК РФ и ч.1 ст. 173² УК РФ¹⁵. Т. являлся подставным лицом, а сам «теневой организатор» не был установлен.

Юридическая конструкция ст. 173¹ УК РФ не содержит специальной формы соучастия, как например, в ст. ст. 205¹, 209, 210 УК РФ, поэтому действия организаторов, подстрекателей и пособников незаконного образования юридического лица квалифицируются со ссылкой на ст. 33 УК РФ, в том числе с вменением квалифицирующих отягчающих обстоятельств.

Для квалификации преступления по рассматриваемой уголовно-правовой норме имеет значение выполнение субъектом объективной стороны преступления, а также создание субъектом условий для его совершения. Так, обжалуя судебные решения

¹³ Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 июля 2023 г. № 77-2828/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См., например, апелляционное постановление Октябрьского районного суда г. Томска Томской области от 28 июля 2020 г. по делу № 10-23/2020 // Архив судебных дел и решений : сайт. URL: <https://actofact.ru/case-70RS0003-10-23-2020-2020-05-27-2-1/> (дата обращения: 28.03.2025).

¹⁵ Приговор Кыштымского городского суда Челябинской области от 28 июля 2020 г. по уголовному делу №1-184/2020 // Судебные решения РФ : сайт. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/52518373> (дата обращения: 28.03.2025).

нижестоящих инстанций, С. посчитал квалификацию своих действий по ч. 1 ст. 173¹ УК РФ излишней, поскольку его умысел был направлен исключительно на хищение денежных средств путем обмана, следовательно, его деяние охватывается составом мошенничества. Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) отметил, что «...образование юридического лица в конечном счете имело своей целью совершение хищений...преступление непосредственно причиняло вред не отношениям собственности, а иному объекту уголовно-правовой охраны, а именно отношениям, связанным с осуществлением предпринимательской, финансовой и иной экономической деятельности по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг. Этому преступлению...присущи особенности, характеризующие его объективную сторону и направленность умысла, что также обуславливает необходимость квалификации действий, связанных с незаконным образованием юридического лица в целях завладения чужим имуществом путем мошенничества, как совокупности преступлений»¹⁶.

Передача чужого предложения о создании юридического лица за вознаграждение от субъекта, который приобрел пакет документов для образования юридического лица на подставное лицо и передал данные документы еще через одного посредника, не образует объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 173¹ УК РФ, и не свидетельствует о его совершении в какой-либо форме соучастия, поскольку данные действия не соответствуют ни одному виду, перечисленному в чч. 2, 4 и 5 ст. 33 УК РФ¹⁷.

Объективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется только действием. Уголовно-правовой доктриной выработано правило, согласно которому уголовная ответственность за бездействие наступает только в тех случаях, когда на субъекта была возложена обязанность действовать определенным образом [7, с. 70] при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте [8, с. 12; 9].

Из этого следует вопрос о квалификации деяния специального субъекта, которому, например, в силу занимаемой должности надлежит действовать в соответствии с возложенными на него обязанностями или специальными полномочиями. Поскольку противоправные действия такого субъекта либо выходят за рамки его полномочий, либо осуществляются вопреки интересам службы, содеянное следует квалифицировать как должностное преступление.

Например, умышленные действия по внесению сведений в ЕГРЮЛ, при уверенности лица в недостоверности вносимых сведений образует состав преступления, предусмотренного ст. 285³ УК РФ «Внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений», поскольку, во-первых, исходя из размера наказания данное преступление является более опасным, чем преступление, предусмотренное ст. 173¹ УК РФ [10], во-вторых, такие действия не входят в

¹⁶ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 19-УД17-38. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 июля 2023 г. № 77-2828/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 173¹ УК РФ, в-третьих, такое деяние подрывает авторитет государственной службы.

Последствия от внесения соответствующих изменений в государственные реестры могут быть альтернативными. Так, в результате внесения может быть, например, незаконно образовано (создано, реорганизовано) юридическое лицо; данное юридическое лицо может быть образовано с целью финансирования террористической деятельности или легализации средств, полученных преступным путем; может быть незаконно зарегистрирована предпринимательская деятельность и др. В зависимости от конкретного реестра перечень вносимых сведений может отличаться.

Однако виновный в совершении преступления, предусмотренного ст. 285³ УК РФ, может знать, что рассматриваемые сведения вносятся в реестр для совершения иных преступлений другими лицами (то есть иметь осведомленность общего характера о преступлениях), может вовсе целенаправленно объединять усилия с другими лицами для совершения конкретных преступлений, а может действовать и неумышленно по отношению к иным преступлениям.

Исходя из этого при наличии умысла виновного на совершение преступления, предусмотренного ст. 285³ УК РФ, а также умысла на совершение преступлений, непосредственно связанных с внесением заведомо недостоверных сведений в ЕГРЮЛ (или последствиями такого внесения), содеянное нужно квалифицировать по совокупности ст. 285³ УК РФ с соответствующими уголовно-правовыми нормами.

Исключением не является и квалификация по совокупности ст. 285³ УК РФ со ст. 173¹ УК РФ. Объективные стороны в указанных нормах – разные. Юридический факт образования (создания, реорганизации) юридического лица наступает с момента внесения соответствующей записи в ЕГРЮЛ¹⁸. Соответственно, без внесения данных изменений в реестр совершить оконченное преступление, предусмотренное ст. 173¹ УК РФ, нельзя.

Таким образом, умышленные действия при уверенности, например, представителя ФНС России в том, что он вносит в ЕГРЮЛ недостоверные сведения для незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица, при условии отсутствия осознания признаков других преступлений должно квалифицироваться по совокупности ст. 285³ УК РФ с ч. 5 ст. 33, ст. 173¹ УК РФ (пособничество в незаконном образовании юридического лица).

Само по себе слово «подставное» означает намерение обмануть, ввести в заблуждение. Лексическое значение данного слова заключается в подлоге действительного, настоящего¹⁹. Умышленное совершение действий, направленных на внесение изменений в ЕГРЮЛ либо через подставных лиц, либо данных о подставных лицах свидетельствует о максимальной конкретизации юридического элемента интеллектуального содержания умысла виновного. Из этого следует вывод о том, что

¹⁸ См. : часть 2 статьи 11 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»; ст. 51 ГК РФ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова // Словари : сайт. URL: <https://sanstv.ru/dict/> (дата обращения: 26.03.2025).

субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется прямым умыслом.

В примечании к ст. 173¹ УК РФ указано, что подставными лицами могут считаться: учредители, участники, физические лица, представляющие органы управления юридического лица, введенные в заблуждение или без ведома которых были внесены данные о них в ЕГРЮЛ; физические лица, представляющие органы управления юридического лица, у которых нет цели управления юридическим лицом.

Очевидно, что лица, введенные в заблуждение и не ведающие того, что данные о них вносятся в ЕГРЮЛ с целью незаконного образования (создания/организации) юридического лица, не должны подлежать уголовной ответственности ввиду отсутствия вины. Если же субъект изначально осознает, что в случае внесения сведений о нем в ЕГРЮЛ, он будет являться органом управления юридического лица, без цели управления юридическим лицом, его осознание общественной опасности своих действий презюмируется, равно как презюмируется осознание общественной опасности своих действий «теневым организатором».

Подводя итог сказанному, можем сделать ряд выводов.

1. В связи с неоднозначным содержанием диспозиции ч. 1 ст. 173¹ УК РФ на практике встречаются случаи ошибочной квалификации. Основные ошибки заключаются в квалификации рассматриваемого преступления как оконченного, а не как покушения на ст. 173¹ УК РФ, либо как оконченного преступления – по ст. 173² УК РФ; квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 173¹ УК РФ и ст. 173² УК РФ, а не как оконченного преступления – по ст. 173² УК РФ.

2. Дальнейшая трансформация уголовного и корпоративного законодательства будет препятствовать реализации принципа единообразия судебной практики при квалификации преступления по ст. 173¹ УК РФ. Так, уже обсуждается очередной законопроект о внесении изменений и дополнений в рассматриваемую уголовно-правовую норму, в соответствии с которым предлагается регламентировать уголовную ответственность за незаконное получение статуса индивидуального предпринимателя, поскольку такие действия «...обладают сопоставимой общественной опасностью с незаконным образованием юридических лиц»²⁰.

3. Преступления, предусмотренные ст. ст. 173¹, 173² УК РФ, так или иначе всегда связаны с внесением изменений в ЕГРЮЛ либо потенциальной возможностью изменения ЕГРЮЛ. Институт соучастия в полной мере распространяется на такие уголовно-правовые запреты.

Ст. ст. 173¹, 173² УК РФ были введены законодателем в целях противодействия образованию (созданию, реорганизации) фиктивных организаций. Инициативы по изменению и дополнению данных норм относительно закрепления регламентации уголовной ответственности за незаконное получение статуса индивидуального предпринимателя также связаны с идеей противодействия внесению изменений в соответствующий государственный реестр.

²⁰ О внесении изменений в статьи 173¹ и 173² уголовного кодекса Российской Федерации : проект федерального закона № 810023-8. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В этой связи считаем, что закрепление в УК РФ двух составов – ст. ст. 173¹, 173² фактически «разделяет» ответственность за единое общественно опасное деяние. Принцип единообразия судебной практики при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности, связанных с представлением заведомо ложных данных в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в целях внесения изменений в соответствующий государственный реестр, будет реализован, когда уголовная ответственность за незаконное образование (создание, реорганизацию) хозяйствующих субъектов будет закреплена в одном составе преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соловьев, И. Н. Опасные финансовые схемы: фирмы-однодневки. М.: Проспект, 2012. 88 с.
2. Ларичев, В. Д. Преступления в сфере экономики, связанные с незаконным образованием юридического лица через подставных лиц, а также незаконным использованием документов // Безопасность бизнеса. 2021. № 2. С. 39-43.
3. Рувинский, Р. З. Правовые аспекты внедрения системы социального кредита в современное публичное управление: монография / Р. З. Рувинский. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС. 2022. 264 с.
4. Ляскало, А. Н., Бальжинимаева, В. В. Образование фирм-однодневок: проблемы уголовно-правовой квалификации // Уголовное право. 2024. № 2. С. 35-47.
5. Устинова, Т. Д. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12(52). С. 130-136.
6. Попов, М. Н. Ответственность нотариусов за образование юридического лица через подставных лиц / М. Н. Попов, А. Ф. Пьянкова // Адвокат. 2015. № 6. С. 30-36.
7. Мирошниченко, Н. В. Квалификация нарушения специальных правил как бездействия // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2012. №. 3 (29). С. 67-72.
8. Яни, П. С. Разграничение должностного злоупотребления и превышения должностных полномочий // Законность. 2007. № 12. С. 11-14.
9. Борков, В. Н. Квалификация заведомо незаконного отказа в возбуждении уголовного дела // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 1. С. 74-78.
10. Яни, П. С. Фальсификация единых государственных реестров (статья 285³ УК): вопросы квалификации // Законность. 2021. № 8. С. 38-43.

REFERENCES

1. Solov'ev, I. N. Opasnye finansovye skhemy: firmy-odnodnevki [Dangerous financial schemes: one-day firms]. Moscow, 2012. 88 p.
2. Larichev, V. D. Prestupleniya v sfere ekonomiki, svyazannye s nezakonnym obrazovaniem yuridicheskogo lica cherez podstavnykh lic, a takzhe nezakonnym ispol'zovaniem dokumentov [Economic crimes related to the illegal formation of a legal entity through front persons, as well as the illegal use of documents]. Bezopasnost' biznesa - Business security. Moscow, 2021, no. 2, pp. 39-43.

3. Ruvinskij, R. Z. Pravovye aspekty vnedreniya sistemy social'nogo kredita v sovremennoe publichnoe upravlenie : Monografiya [Legal aspects of the implementation of the social credit system in modern public administration: Monograph]. N. Novgorod, 2022. 264 p.
4. Lyaskalo, A. N., Bal'zhinimaeva, V. V. Obrazovanie firm-odnodnevok: problemy ugovolno-pravovoj kvalifikacii [The formation of one-day firms: problems of criminal law qualification]. Ugolovnoe parvo - Criminal law. Moscow, 2024, no. 2, pp. 35-47.
5. Ustinova, T. D. Nezakonnoe obrazovanie (sozdanie, reorganizaciya) yuridicheskogo lica [Illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) - Courier of the Kutafin Moscow state law university (MSAL). Moscow, 2018, no. 12 (52), pp. 130-136.
6. Popov, M. N. Otvetstvennost' notariusov za obrazovanie yuridicheskogo lica cherez podstavnnyh lic [The responsibility of notaries for the formation of a legal entity through front persons]. Advokat - Lawyer. Moscow, 2015, no. 6, pp. 30-36.
7. Miroshnichenko, N. V. Kvalifikaciya narusheniya special'nyh pravil kak bezdejstviya [Qualification of violations of special rules as inaction]. Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii - Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow, 2012, no. 3 (29), pp. 67-72.
8. Yani, P. S. Razgranichenie dolzhnostnogo zloupotrebleniya i prevysheniya dolzhnostnyh polnomochij [The distinction between abuse of office and abuse of office]. Zakonnost' - Legality. Moscow, 2007, no. 12, pp. 11-14.
9. Borkov, V. N. Kvalifikaciya zavedomo nezakonnogo otkaza v возбуждении уголовного дела [Qualification of a deliberately unlawful refusal to institute criminal proceedings]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika - The laws of Russia: experience, analysis, practice. Moscow, 2025, no. 1. pp. 74-78.
10. Yani, P. S. Fal'sifikaciya edinyh gosudarstvennyh reestrov (stat'ya 285³ UK): voprosy kvalifikacii [Falsification of unified State registers (Article 285³ of the Criminal Code): qualification issues]. Zakonnost' - Legality. Moscow, 2021, no. 8. pp. 38-43.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Квасников Евгений Сергеевич, старший преподаватель кафедры уголовного права, кандидат юридический наук. Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации. Омск, Российская Федерация 644092, Российская Федерация, г. Омск, пр. Комарова, 7.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny S. Kvasnikov, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Cand. Sci. (Jurid.). Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 644092, Russian Federation, Omsk, Komarova str., 7.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025; одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 18.09.2025.

The article was submitted 19.06.2025; approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 18.09.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3 (114). С. 208–221.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no.3 (114). Pp. 208–221.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.121.5

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Михайлова Тамара Николаевна

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация
stn-postman@mail.ru

Введение. Несовершеннолетний – особый субъект уголовно-процессуальных отношений. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) предусматривает участие несовершеннолетнего как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. Кроме того, несовершеннолетний в уголовном процессе может оказывать функцию содействия осуществлению правосудия, выступая в качестве свидетеля. Любая из предусмотренных законом форм участия несовершеннолетнего в рамках уголовного судопроизводства России требует от должностных лиц органов предварительного расследования, прокуратуры и суда дифференцированного подхода к решению процессуальных вопросов, учитывающего специфику особого субъекта уголовно-процессуальных отношений.

Материалы и методы. Основу исследования составило отечественное и зарубежное законодательство, официальные статистические данные, а также правоприменительная практика в области ювенального судопроизводства России. Для обеспечения всестороннего правового анализа за основу взяты формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования, позволившие комплексно рассмотреть исследуемый вопрос.

Результаты исследования. Проведенное исследование позволило установить специфику производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних лиц, направленную на повышение гарантий защиты прав и законных интересов данных участников уголовного судопроизводства. Результаты исследования открывают возможности для дальнейших научных изысканий по проблематике вопроса, в том числе и прикладного характера, направленных на совершенствование развития ювенальных технологий в уголовно-процессуальном праве России.

Выводы и заключения. Изменение в деятельности правовых институтов, обусловленные процессами глобализации мирового развития, формируют запрос на обновление совокупности юридических знаний в различных областях уголовно-процессуального права. Одной из значимых областей применения уголовно-процессуальных норм выступает производство по уголовным делам с участием несовершеннолетних лиц. В силу особенностей психофизиологического развития данная категория участников уголовно-процессуальных отношений требует использования дифференцированного подхода к обеспечению и реализации их прав со стороны законодательных и правоприменительных органов государства.

Ключевые слова: несовершеннолетний, малолетний, преступность, уголовное судопроизводство, возраст, дифференцированный подход.

Для цитирования: Михайлова Т. Н. Несовершеннолетний в уголовном судопроизводстве России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч. - практический журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114). С. 208–221.

5.1.4. Criminal-legal sciences (legal sciences)

Original article

JUVENILE IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Tamara N. Mikhaylova, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Russian Federation, Irkutsk, stn-postman@mail.ru

Introduction. A minor is a special subject of criminal procedural relations. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CPC of the RF) provides for the participation of a minor both on the side of the prosecution and the defense. In addition, a minor in criminal proceedings may assist in the administration of justice by acting as a witness. Any of the statutory forms of participation of a minor in Russian criminal proceedings requires from officials of preliminary investigation bodies, prosecutor's office and court a differentiated approach to solving procedural issues, taking into account the specifics of a special subject of criminal procedural relations.

Materials and Methods. The basis of the study was formed by domestic and foreign legislation, official statistical data, as well as law enforcement practice in the field of juvenile proceedings in Russia. To ensure a comprehensive legal analysis, formal-legal and comparative-legal methods of research were taken as a basis, which made it possible to comprehensively consider the issue under study.

The Results of the Study. The conducted research has allowed to establish the specificity of proceedings in criminal cases involving minors, aimed at improving the guarantees of protection of the rights and legitimate interests of these participants in criminal proceedings. The results of the study open up opportunities for further scientific research on

the issue, including applied research aimed at improving the development of juvenile technologies in the criminal procedural law of Russia.

Findings and Conclusions. Changes in the activities of legal institutions, caused by the processes of globalization of world development, form a demand for updating the body of legal knowledge in various areas of criminal procedural law. One of the significant areas of application of criminal procedural norms is the proceedings in criminal cases involving minors. Due to the peculiarities of psycho-physiological development, this category of participants in criminal procedural relations requires the use of a differentiated approach to the provision and realization of their rights on the part of legislative and law enforcement bodies of the state.

Keywords: juvenile, underage, crime, juvenile justice, age, differentiated approach.

For citation: Mihajlova T. N. Nesovershennoletnij v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii [Minors in Russian criminal proceedings]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 3 (114), pp. 208–221.

Преступность – сложное социальное-правовое явление, объективно существующее в каждом государстве. Оно представляет собой изменчивую категорию, рост или падение которой обусловлен кризисными явлениями в экономике и политике страны, социальной напряженностью, снижением авторитета органов власти и управления, а также другими факторами. Согласно данным отчета о состоянии преступности в России за январь-декабрь 2024 года на территории Российской Федерации было зарегистрировано 1911, 3 тыс. преступлений, что на 1,8 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года (далее по тексту – АППГ). При этом удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных вырос на 2 % (с 30,3 % за январь-декабрь 2023 года до 32,3 % за январь-декабрь 2024 г).¹

Одной из наиболее опасных форм преступности является преступность несовершеннолетних. Как верно отмечает в своих исследованиях С. Ю. Балмочных, «преступность несовершеннолетних всегда имела особую тревогу в любом государстве» [1, с. 17]. Ежегодно органами предварительного расследования выявляется значительное количество правонарушений, совершенных несовершеннолетними, в силу своей общественной опасности квалифицируемых в качестве преступлений. Так, в 2024 году было выявлено 21 069 случаев совершения преступлений со стороны несовершеннолетних лиц. Сравнительно-правовой анализ показал, что в целом данный показатель на 5,7 % ниже показателя по сравнению с АППГ. При этом удельный вес несовершеннолетней преступности в общей преступности составляет 3,2 %. К регионам с наибольшим удельным весом относятся такие субъекты Российской Федерации, как Новгородская область (7 %), Республика Тыва (6,5 %), Республика Карелия (5,8 %), Еврейская АО (5,6 %), Республика Бурятия (5,3 %), Новосибирская область (5 %), Республика Коми (5 %), Магаданская область (5 %), Иркутская область (4,9 %) и Тюменская область (4,6 %).

¹ Данные статистики: Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 20.05.2025).

Социально-криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних или при их соучастии представлена 26 398 случаями, из которых 10 494 преступления отнесены к категории тяжких или особо тяжких.² Председатель Следственного комитета Российской Федерации (далее по тексту – СК РФ) А.И. Бастрыкин в своем интервью отметил, что за прошедший 2024 год следователями СК РФ в суд было направлено 226 уголовных дел об убийствах, покушениях на убийства и причинение тяжкого вреда со смертельным исходом, совершенных несовершеннолетними. Глава ведомства охарактеризовал тревожным уровень и состояние криминализации подростковой среды.³

Что касается Иркутской области, которая относится к числу регионов с наибольшим удельным весом несовершеннолетней преступности, согласно официальным данным прокуратуры Иркутской области за январь-декабрь 2024 года на территории субъекта было зарегистрировано 36 384 преступления с динамикой в сторону уменьшения на 2,1 % по сравнению с АППГ. При этом было выявлено 15 137 лиц, совершивших преступления, из которых 744 являлись несовершеннолетними. При общем снижении количества преступлений, совершенных несовершеннолетними (по сравнению с предыдущим годом на 7,9 %), выросло число тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных ранее судимыми несовершеннолетними лицами в состоянии алкогольного опьянения и в группах.⁴

Групповой характер и различного рода опьянения (алкогольное, токсическое, наркотическое и т.д.) составляют одну из специфических особенностей преступности несовершеннолетних на современном этапе ее развития. Кроме того участились случаи хулиганских действий подростков, выявляемые в ходе мониторинга средств массовой информации и социальных медиа со стороны правоохранительных органов государства. Широкое распространение получают преступления несовершеннолетних, связанные с воздействием деструктивной информации в сети Интернет, пропагандирующей субкультуру на совершение противоправного поведения в сторону охраняемых законом интересов общества и государства. Через мессенджеры несовершеннолетние вовлекаются в криминальную деятельность, становятся частью разветвленных каналов теневых сегментов наркобизнеса и совершения диверсий. Более 50 % из общего количества совершенных несовершеннолетними преступлений имеют корыстную направленность на получение определенной выгоды или удовлетворение каких-либо потребностей. Как правило, такого рода преступления носят импульсивный, спонтанный характер и связаны с социальной неустроенностью несовершеннолетних, отсутствием внеурочных занятий и увлечений, безнадзорностью и бесконтрольностью со стороны взрослых членов их семьи.

² Там же.

³ Бастрыкин: нужна целевая программа борьбы с детской преступностью (интервью Председателя СК России от 04.04.2025 г.) // Следственный комитет Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1967409/> (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ Данные статистики: Состояние преступности в Иркутской области за январь-декабрь 2024 г. // Прокуратура Иркутской области : офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_38/activity/statistics/statistics/results_of_the_prosecutor-s_office/2024 (дата обращения: 20.05.2025).

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) регламентирует участие в уголовном деле несовершеннолетнего лица не только со стороны защиты, но и со стороны обвинения. К сожалению, за последние пять лет на 19,5 % выросло число преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних лиц. Как подчеркнули в пресс-службе Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка Марии Львовой-Беловой, причин к тому может быть несколько. Во-первых, за последние годы произошло значительное усовершенствование работы надзорных и силовых ведомств в данном направлении. Во-вторых, современный этап развития страны характеризуется высокой степенью общественного внимания к данной проблеме, влекущего рост обращений в правоохранительные органы государства.⁵

За январь-декабрь 2024 года следователями СК РФ было расследовано более 21 тыс. преступлений, совершенных против детей, в результате которых погибло 1 082 ребенка, что на 10 % выше, чем за АППГ. По уголовным делам, находившимся в производстве следователей СК РФ, признаны потерпевшими от преступных посягательств почти 17 тыс. несовершеннолетних (в 2023 году их число составило 18 тыс.). Из них в возрасте до 1 года – 266, от 1 года до 5 лет – 831, от 6 до 10 лет – 2 600, от 11 до 14 лет – свыше 6 тысяч, подростков – 7 тысяч⁶.

По данным прокуратуры Иркутской области на территории данного субъекта за январь-декабрь 2024 года было зарегистрировано 2751 преступление, совершенное в отношении несовершеннолетних лиц с тенденцией в сторону увеличения на 1,2 % по сравнению с АППГ. К сожалению, жестокое обращение с детьми чаще всего зафиксировано со стороны их родителей и иных близких лиц, как правило, в неблагополучных семьях. Кроме того зачастую безнравственные преступные поступки в отношении несовершеннолетних совершаются их сверстниками или детьми более старшего возраста.⁷

Следует отметить, что сегодня несовершеннолетний, ставший жертвой преступного поведения со стороны иных лиц, является особой категорией потерпевших в уголовном процессе, защита прав и законных интересов которого выступает приоритетной задачей со стороны правоохранительных и судебных органов государства. Как отмечает в своих исследованиях А. В. Юрьева, в рамках осуществления прокурорского надзора органы прокуратуры ориентированы требовать от следственных органов информирования уполномоченных должностных лиц об обнаружении детей, находящихся в социально опасном положении [2, с. 85]. Уголовно-процессуальный закон наделяет данных субъектов предусмотренными статьей 42 УПК РФ правами в полном объеме. Кроме того, отдельными нормами УПК РФ

⁵ В России выросло число преступлений против детей // Известия iz : офиц. сайт. URL: <https://iz.ru/1463793/2023-02-02/v-rossii-vyroslo-chislo-prestuplenii-protiv-detei> (дата обращения: 20.05.2025).

⁶ Бастрыкин: нужна целевая программа борьбы с детской преступностью (интервью Председателя СК России от 04.04.2025 г.).

⁷ Данные статистики: Состояние преступности в Иркутской области за январь – декабрь 2024 г. // Прокуратура Иркутской области : офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_38/activity/statistics/statistics/results_of_the_prosecutor-s_office/2024 (дата обращения: 20.05.2025).

предусмотрены расширенные гарантии обеспечения их прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства (например, статьей 191 УПК РФ).

В правоприменительной практике встречаются ситуации, когда несовершеннолетние выступают опосредованными участниками совершаемого преступления, становясь очевидцами противоправных действий других лиц. В данном случае они могут быть привлечены в уголовное судопроизводство в качестве свидетелей, оказывающих содействие осуществлению правосудия посредством предоставления сведений, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела. Согласно нормам уголовно-процессуального законодательства свидетелем может быть любое лицо, которое способно правильно воспринимать, хранить в памяти и воспроизводить информацию о тех или иных обстоятельствах. В связи с этим, в качестве свидетеля может быть привлечен и несовершеннолетний, то есть лицо, не достигшее 18 лет. К сожалению, отсутствует официальная статистическая отчетность по количеству привлеченных в качестве свидетелей несовершеннолетних лиц. Однако опрос, проведенный в форме интервьюирования должностных лиц органов предварительного расследования (всего приняло участие 23 следователя и 16 дознавателей г. Иркутска), позволил установить, что в большинстве случаев несовершеннолетние проходят в качестве свидетелей по уголовным делам, совершенным сверстниками или взрослыми членами их семьи.

Любая из предусмотренных законом форм участия несовершеннолетнего в рамках уголовно-процессуальных отношений требует от органов предварительного расследования, прокуратуры и суда обращения к специальным нормам, учитывающим специфику данного участника уголовного процесса. УК РФ и УПК РФ содержат отдельные главы, регулирующие общественные отношения, участниками которых выступают несовершеннолетние – глава 14 УК РФ «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» и глава 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних», подчеркивая особый процессуальный статус несовершеннолетнего как участника уголовного судопроизводства. Разъяснения по вопросам реализации ювенального судопроизводства содержатся и в решениях высших судебных органов РФ.

Фундаментальным правовым средством защиты интересов преступившего уголовный закон несовершеннолетнего лица является правильное с точки зрения соответствия особенностям развития установление возраста привлечения к уголовной ответственности во внутреннем законодательстве государства. В Российской Федерации возрастная граница определена на уровне 16 лет, по определенным составам преступления лицо может быть привлечено к уголовной ответственности при достижении возраста 14 лет.⁸ Применительно к сфере уголовного судопроизводства в части 1 статьи 420 УПК РФ определено, что производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних применяется к лицам, не достигшим к моменту

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации: УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : послед ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.05.2025).

совершения преступления возраста 18 лет⁹. Таким образом, лица моложе 14 лет, признаются малолетними, старше 18 лет – совершеннолетними. Как нами было отмечено ранее совместно с профессором О. П. Грибуновым, именно данный возрастной период – от 16 лет (в случае совершения тяжких и особо тяжких преступлений – от 14 лет) до 18 лет определен как соответствующий возможностям подростка понимать принимаемые к нему меры государственного воздействия и их последствия, а также осознавать, что он совершил антиобщественные, противоправные действия, негативно воспринимаемые как обществом, так и государством [3, с. 142].

В рамках сравнительно-правового исследования уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних В. С. Латыпов и Н. А. Моругина отмечают, что возраст совершеннолетия относится к исключительно оценочной категории, законодательное закрепление которого во внутреннем законодательстве каждого государства придает ему легитимность, влекущую возникновение соответствующих прав, обязанностей и возможность наступления ответственности [4, с. 100].

Каждое государство с учетом культурных, политических, финансовых и иных особенностей возникновения и развития самостоятельно определяет как нижний порог, так и верхние границы несовершеннолетия лица в рамках уголовного судопроизводства. Например, в Индии, Пакистане и Ирландии установлен достаточно низкий порог привлечения к уголовной ответственности на уровне 7 лет; в Шотландии – с 8 лет; в Австралии, Англии, Непале – с 10 лет; в Турции, Мексике, Маврикии – с 11 лет; в Бразилии, Грузии, Израиле, Греции, Канаде, Колумбии – с 12 лет; в Алжире, Тунисе, Франции, Узбекистане – с 13 лет. Верхние границы несовершеннолетия лица варьируются от 18 лет (в большинстве стран СНГ) до 21 года (в Аргентине, ОАЭ, Сингапуре, Индонезии, Египте) [5, с. 208].

В Российской Федерации нижняя граница наступления уголовной ответственности определена на рациональном уровне – 16 лет, и, на наш взгляд, не вторгается в период детства и раннего подросткового возраста. При этом положительным моментом является дифференцированный подход законодателя к вопросу установления возраста привлечения к уголовной ответственности лица в зависимости от тяжести совершенного им преступления. По тяжким и особо тяжким преступлениям возрастной порог снижен до 14 лет. На наш взгляд, данный возраст определен законодателем не случайно. Психологическими исследованиями установлено, что именно 14-летний возраст связан с формированием у личности абстрактной формы мышления, выраженной способности понимать характер своих действий, осознавать их общественную опасность и вредоносность, устанавливать взаимосвязь поведения с окружающим миром и принимать осмысленные решения.

В правоприменительной практике могут возникнуть ситуации, когда органами предварительного расследования установлено, что преступление совершено несовершеннолетним лицом на пороге возраста 14, 16 или 18 лет, то есть в день рождения. В таком случае применяются положения статьи 128 УПК РФ, определяющие

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.05.2025).

процессуальный порядок исчисления сроков в уголовном судопроизводстве. Согласно правилам указанной статьи, лицо признается достигшим определенного возраста с нуля часов следующих за днем рождения суток. Аналогичное толкование норм вышеуказанной статьи также представлено в позиции Верховного Суда Российской Федерации.¹⁰

Другой следственной ситуацией может быть совершение преступления лицом, достигшим возраста привлечения к уголовной ответственности 16 или 14 лет, однако имеющего отклонения психического развития, не связанного с психическим расстройством, при этом ограничивающего способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, либо руководить ими. В данном случае в обязательном порядке назначается экспертиза несовершеннолетнего лица, и в случае подтверждения вышеуказанных обстоятельств уголовное дело подлежит прекращению по основаниям, предусмотренным п. 2 ч. 1 статьи 24 и ч. 3 статьи 27 УПК РФ.

Таким образом, в Российской Федерации в случае достижения лицом к моменту совершения преступления возраста 16 лет (а при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления – возраста 14 лет), но не достижения 18 лет, должно применяться уголовное законодательство и осуществляться уголовное судопроизводство с применением особых ювенальных технологий, установленных национальным законодательством страны.

Уголовно-процессуальный закон не предусматривает минимальный возраст, с которого можно проводить следственные или иные процессуальные действия с участием несовершеннолетнего лица, выступающего в качестве потерпевшего или свидетеля. Данный вопрос полностью отдан на усмотрение должностных лиц органов предварительного расследования и суда и зависит от конкретных обстоятельств уголовного дела, уровня психического развития и способности к правильному восприятию и описанию произошедшего события преступления со стороны несовершеннолетнего лица. Как отмечают представители прокуратуры РФ, на практике несовершеннолетние, особенно в возрасте до 14 лет, допрашиваются в качестве свидетелей только в крайних случаях, когда не представляется возможным другими законными способами установить истину по уголовному делу.¹¹ При этом, исходя из буквального толкования норм уголовно-процессуального закона, ювенальные технологии применяются к потерпевшим и свидетелям до достижения ими 18-летнего возраста, то есть общеустановленного в России возраста совершеннолетия лица.

На современном этапе развития уголовно-процессуального права к основным особенностям производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних лиц можно отнести следующие.

¹⁰ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 20.05.2025).

¹¹ Особенности проведения допроса несовершеннолетнего свидетеля // Прокуратура Иркутской области: офиц. сайт // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_38/activity/legaleducation/explain/criminal?item=56097550 (дата обращения: 20.05.2025).

Во-первых, современный законодатель исходит из четкого разграничения юридических и социальных норм между совершеннолетними и несовершеннолетними участниками уголовного судопроизводства. В соответствии со ст. 422 УПК РФ в каждом случае совершения преступления несовершеннолетним в соучастии со взрослым первоначально должен быть разрешен вопрос о возможности выделения уголовного дела в отношении лица, не достигшего к моменту совершения преступления возраста 18 лет, в отдельное производство.

Во-вторых, в законе четко сформулирован дифференцированный подход к вопросу установления предмета доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Предмет доказывания более детализирован и помимо обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ, включает в себя дополнительные юридически значимые факты, установленные статьей 421 УПК РФ. К их числу относятся: возраст несовершеннолетнего лица, условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности личности, а также влияние старших по возрасту лиц. При наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, также устанавливается, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Как отмечено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, установление данных обстоятельств способствует достижению максимально воспитательного воздействия судебного процесса в отношении несовершеннолетних.¹² Обязательность установления данных обстоятельств по каждому уголовному делу, совершенному несовершеннолетним лицом, закреплена в Приказах Генерального прокурора Российской Федерации.

В-третьих, дифференцированный подход законодателя также реализуется посредством применения мер уголовно-процессуального принуждения к несовершеннолетним участникам уголовного судопроизводства, что обусловлено психоэмоциональной незрелостью личности и несформированностью ее волевых качеств. Специфика выражается в дополнительных процессуальных гарантиях при задержании несовершеннолетнего лица по подозрению в совершении преступления, а также закреплении в статье 105 УПК РФ специальной меры пресечения – присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым.

Проведенный анализ правоприменительной практики Российской Федерации позволил установить, что из предусмотренных законом мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, как правило, применяются подписка о невыезде и надлежащем поведении, а в особых случаях – заключение под стражу. Что касается исключительной меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, то она не получила должного уровня реализации со стороны должностных лиц органов предварительного

¹² О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 20.05.2025).

расследования ввиду следующих причин:

- мера не обладает достаточным принудительным потенциалом для воспрепятствования дальнейшей противоправной деятельности со стороны несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого;

- в нормах УПК РФ довольно абстрактно отражен перечень лиц, на которых может быть возложен контроль за обеспечением надлежащего поведения несовершеннолетнего. На законодательном уровне не определены необходимые характеристики для определения лица, заслуживающего доверие со стороны несовершеннолетнего, способного должным образом обеспечить контроль за его поведением. Так, например, возникает вопрос: может ли следователь усматривать возможность возложения ответственности на родителей, опекунов, попечителей, в случае неоднократного нарушения закона со стороны несовершеннолетнего? Полагаем, что в данном случае субъект правоприменения придёт к обоснованному и, на наш взгляд, логичному выводу об утрате должного контроля за несовершеннолетним лицом.

В условиях предварительного расследования по уголовному делу может возникнуть необходимость в полной изоляции и ограничении конституционных прав подростка. Например, в случаях, когда несовершеннолетний каким-либо образом мешает проведению предварительного расследования, угрожает свидетелям или потерпевшим, продолжает преступную деятельность или пытается скрыться. В таких ситуациях следователь (дознатель) обращается с ходатайством в суд о разрешении вопроса заключения несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого под стражу. Данная процессуальная мера, несмотря на свою эффективность, подразумевает существенное ограничение прав и свобод личности, в связи с чем при ее применении должен быть обеспечен баланс между публичными интересами и важностью права на свободу личности [6, с. 7]. Согласно статистическим данным количество решений об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения к несовершеннолетним подозреваемым демонстрировало колебания в период с 2020 по 2023 год, составив 751 в 2020 году, снизившись до 661 в 2021 году, затем вновь увеличившись до 714 в 2022 году и составив 702 в 2023 году.¹³

В-четвертых, дифференцированный подход законодателя реализуется в рамках производства следственных действий с участием несовершеннолетнего лица. В целом круг проводимых в отношении несовершеннолетних лиц следственных действий не ограничен. Следователь (дознатель) в целях установления истины по уголовному делу самостоятелен в выборе следственных действий, предусмотренных Главами 24 – 27 УПК РФ. Специфика заключается в следующем:

- 1) порядок вызова несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, для производства допроса производится через вручение повестки его законному представителю либо через администрацию по месту его работы или учебы. Вызов несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в органы предварительного

¹³ Данные статистики: Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2004-2024 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.05.2025).

расследования или в суд осуществляется через его законного представителя, а в случае нахождения несовершеннолетнего под стражей – через администрацию учреждения;

2) потерпевшие и свидетели, не достигшие возраста 16 лет, не предупреждаются об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. При разъяснении указанным лицам их прав, регламентированных ст. 42 и ст. 56 УПК РФ, им указывается на необходимость говорить правду;

3) продолжительность производства следственного действия с участием несовершеннолетнего лица зависит от его процессуального статуса и периода возрастного развития:

- несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый в соответствии со статьей 425 УПК РФ может быть допрошен в течение не более 4 часов в день, при этом не более 2 часов без перерыва;

- несовершеннолетний потерпевший или свидетель в соответствии со статьей 191 УПК РФ при производстве следственных действий, связанных с дачей показаний (допроса, очной ставки, предъявления для опознания, проверки показаний на месте) может быть задержан: в возрасте до 7 лет – не более 1 часа общей продолжительностью в сутки, при этом без перерыва – не более 30 минут; в возрасте от 7 до 14 лет – не более 2 часов общей продолжительностью в сутки, при этом без перерыва – не более 1 часа; в возрасте старше 14 лет – не более 4 часов общей продолжительностью в сутки, при этом без перерыва – не более 2 часов.

4) особый субъектный состав производства следственных действий с участием несовершеннолетнего лица зависит от его процессуального статуса, периода возрастного развития и особенностей психического здоровья:

- при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого обязательно участвует защитник и законный представитель. В случае не достижения возраста 16 лет, либо достижения данного возрастного порога, но наличия психического расстройства или отставания в психическом развитии несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого обязательно участие педагога или психолога;

- при производстве допроса, очной ставки, предъявления для опознания, проверки показаний на месте потерпевшего, свидетеля, не достигшего возраста 16 лет, либо достигшего данного возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии обязательно участие педагога или психолога (по делам против половой неприкосновенности несовершеннолетних участие психолога обязательно). Вопрос об участии педагога при производстве вышеуказанных следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте от 16 до 18 лет решается по усмотрению должностных лиц органов предварительного расследования и суда. При производстве вышеуказанных следственных действий вправе присутствовать законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля;

5) применение видеозаписи и киносъемки в ходе производства следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля обязательно, за исключением случаев поступления возражений со стороны несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля или их законных представителей. При этом суд может в дальнейшем не вызывать на допрос в зал судебного заседания несовершеннолетнего

потерпевшего, свидетеля и огласить его показания, ранее данные в ходе предварительного расследования, если они были получены с применением видеозаписи или киносъемки, материалы которых хранятся при уголовном деле.¹⁴

В-пятых, дифференцированный подход законодателя реализуется посредством принятия итоговых процессуальных решений по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

В соответствии с ч. 1 ст. 432 УПК РФ при рассмотрении уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести суд вправе, вынеся обвинительный приговор, освободить несовершеннолетнего от наказания и применить к нему в силу ч. 1 ст. 92 УК РФ принудительные меры воспитательного воздействия. Хотя УПК РФ говорит о праве суда («суд вправе»), при соблюдении всех требуемых условий сегодня решение о возможности применения к несовершеннолетнему лицу принудительных мер воспитательного воздействия становится обязанностью суда. Так, в п. 31 Постановления Верховный Суд Российской Федерации разъяснил: «Суды не должны назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных статьей 90 УК РФ»¹⁵.

При этом решение о прекращении уголовного преследования несовершеннолетнего с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия может быть принято и на стадии предварительного расследования уголовного дела (ст. 427 УПК РФ).

Если несовершеннолетний за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления осужден к лишению свободы, при этом нуждается в особых условиях воспитания и обучения, суд вправе на основании части 2 статьи 92 УК РФ, за исключением лиц, перечисленных в части 5 статьи 92 УК РФ, освободить его от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием. Как отмечает в своих исследованиях Е. Е. Галицкая, закрепление в законе данной меры отвечает целям и задачам уголовного судопроизводства, а также уголовной политики в отношении несовершеннолетних, направленной на гуманизм и снисхождение в вопросах уголовной ответственности [7, с. 13].

Таким образом, на современном этапе развития уголовно-процессуального права несовершеннолетнее лицо рассматривается в качестве особого субъекта уголовно-процессуальных отношений, которому в силу его возрастных особенностей предоставлены расширенные гарантии реализации его прав и законных интересов в

¹⁴ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2017 № 51 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285530/ (дата обращения: 20.05.2025).

¹⁵ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 20.05.2025).

рамках уголовного судопроизводства России. Специфику имеют досудебное и судебное производство по уголовным делам, во многом определяемое процессуальным статусом и возрастным периодом развития несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Сегодня в дополнение к нормам уголовного и уголовно-процессуального законодательства разработан ряд правовых актов и комплексных программ, касающихся защиты прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших, свидетелей и лиц, попавших под влияние криминогенной среды. Только сплоченные усилия и комплексный подход к проблемам раннего периода развития личности может способствовать формированию и развитию полноценного российского общества. Дифференцированный подход законодателя и правоприменителя должен четко реализовываться в рамках каждого уголовного дела с участием несовершеннолетнего лица.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Балмочных, С. Ю. Особенности применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2023. № 1(10). С. 17–24.
2. Юрьева, А. В. Прокурорский надзор за соблюдением прав несовершеннолетних потерпевших по уголовным делам о половой неприкосновенности несовершеннолетних // Прокуратура Российской Федерации: теория, история, правовое регулирование, тенденции развития: Материалы Всероссийских (национальных) научно-практических конференции 17 декабря 2022 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. С. 84–86.
3. Михайлова, Т. Н., Грибунов О. П. Уголовно-процессуальные особенности задержания несовершеннолетнего лица // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 1. С. 141–146.
4. Латыпов, В. С., Моругина, Н. А. Обеспечение прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве по законодательству отдельных зарубежных государств. // Lex russica. 2024. 77(3). С. 96–106.
5. Вартамян, Г. А., Онищенко, О. Р. К вопросу о наступлении возраста уголовной ответственности // Вестник Омского университета. Серия «право». 2017. № 1 (50). С. 206–210.
6. Абдулвалиев, А. Ф. О законодательной инициативе Верховного суда Российской Федерации касательно меры пресечения в виде заключения под стражу. // Новеллы законодательства криминального цикла и их отражение в уголовно-правовых науках : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Тюмень, 15 мая 2024 года. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. С. 6–17.
7. Галицкая, Е. Е. Судебные решения по делам об исполнении приговоров в отношении несовершеннолетних // Правовой статус несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Красноярск, 10 декабря 2021 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. С. 10–13.

REFERENCES

1. Balmochnyh, S.YU. Osobennosti primeneniya mer presecheniya v otnoshenii nesovershennoletnih podozrevaemyh (obvinyaemyh) [Peculiarities of application of preventive measures in respect of juvenile suspects (accused)]. Ugolovno-processual'naya ohrana prav i zakonnyh interesov nesovershennoletnih – Criminal Procedure Protection of the rights and legitimate interests of minors. 2023, no. 1(10), pp. 17-24.
2. YUr'eva, A.V. Prokurorskiy nadzor za soblyudeniem prav nesovershennoletnih poterpevshih po ugolovnym delam o polovoj neprikosnovennosti nesovershennoletnih [Procuratorial oversight of the observance of the rights of juvenile victims in criminal cases of sexual inviolability of minors]. Krasnoyarsk, 2022, pp. 84-86.
3. Mihajlova, T.N., Gribunov O.P. Ugolovno-processual'nye osobennosti zaderzhaniya nesovershennoletnego lica [Criminal procedural peculiarities of detention of a minor]. YUrist"-Pravoved" – Lawyer-Lawyer. 2021, no 1, pp. 141-146.
4. Latypov, V.S., Morugina, N.A. Obespechenie prav nesovershennoletnih v ugolovnom sudoproizvodstve po zakonodatel'stvu otdel'nyh zarubezhnyh gosudarstv [Ensuring the rights of minors in criminal proceedings under the legislation of individual foreign countries]. Lex russica – Lex russica. 2024, no. 77 (3), pp. 96-106.
5. Vartanyan, G.A., Onishchenko, O.R. K voprosu o nastuplenii vozrasta ugolovnoj otvetstvennosti [On the question of the age of criminal responsibility]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «pravo» – Vestnik of Omsk University. Series “law”. 2017, no 1 (50), pp. 206-210.
6. Abdulvaliev, A.F. O zakonodatel'noj iniciative Verhovnogo suda RF kasatel'no mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu [On the legislative initiative of the Supreme Court of the Russian Federation concerning a preventive measure in the form of remand in custody]. Tyumen', 2024, pp. 6-17.
7. Galickaya, E.E. Sudebnye resheniya po delam ob ispolnenii prigovorov v otnoshenii nesovershennoletnih [Court decisions in cases of enforcement of juvenile sentences]. Krasnoyarsk, 2022, pp. 10-13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Тамара Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailova Tamara Nikolaevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov str., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 25.07.2025; принята к публикации 18.09.2025.

The article was submitted 26.06.2025; approved after reviewing 25.07.2025; accepted for publication 18.09.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 3 (114). С. 222–232.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no. 3 (114). Pp. 222–232.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.97

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И СТРУКТУРА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДИСКРЕДИТАЦИЕЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

Репецкая Анна Леонидовна¹, Алиев Тимур Фирудинович²

¹ Восточно-Сибирский институт МВД России, Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

² Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация

¹ repetsk@mail.ru

² timuraliev.2018@mail.ru

Введение: в статье представлен криминологический анализ преступлений, связанных с дискредитацией государственной власти. Исследованы абсолютные и относительные показатели состояния и структуры преступлений, регламентированных ст.ст. 205.2, 207.3, 280, 280.3 и 282 УК РФ за период 2022–2024 гг.

Материалы и методы: в основу исследования положены диалектический метод познания, а также методы анализа, синтеза и обобщения; из совокупности частно-научных методов использованы: сравнительно-правовой и формально-логический; статистический методы. Эмпирическую базу исследования составили статистические данные о количестве зарегистрированных преступлений и осуждённых по статьям 205.2, 207.3, 280, 280.3 и 282 УК РФ за 2022–2024 гг.

Результаты исследования: преступления, связанные с дискредитацией власти, имеют несколько уникальных криминологических характеристик, отличающих их от других видов экстремистской преступности. Были выявлены особенности их динамики, обозначены закономерности изменения числа таких преступлений. Представлена структура рассмотренных преступлений, согласно которой доминирующую роль играют преступления, предусмотренные ст. 205.2 УК РФ, которые составляют на конец периода более половины всех зарегистрированных преступлений изученной совокупности.

Выводы и заключения: проведённый анализ показал, что преступления, связанные с дискредитацией власти, занимают всё более значимое место в структуре экстремистской преступности, активно растут их абсолютные и относительные показатели. Для более эффективного противодействия этим преступлениям требуется комплексный подход в правовом регулировании и более глубокое криминологическое исследование, что обусловлено правовой новизной рассматриваемых преступлений и изменяющимися социальными условиями их совершения.

Ключевые слова: криминологический анализ, преступления, связанные с дискредитацией власти, динамика состояния и структура преступности.

Для цитирования: Репецкая А. Л., Алиев Т. Ф. Современное состояние и структура преступлений, связанных с дискредитацией власти в России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч. - практический журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114). С. 222–232.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

CURRENT STATE AND STRUCTURE OF CRIMES RELATED TO DISCREDITING THE AUTHORITIES IN RUSSIA

Repetskaya Anna Leonidovna¹, Aliev Timur Firudinovich²

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Baikal State University, Irkutsk, Russia

²East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

¹ repetsk@mail.ru

² timuraliev.2018@mail.ru

Introduction: The article presents a criminological analysis of crimes related to the discrediting of state power. Absolute and relative indicators of the state and structure of crimes regulated by Art. 205.2, 207.3, 280, 280.3 and 282 of the Criminal Code of the Russian Federation for the period 2022–2024.

Materials and Methods: The research is based on the dialectical method of cognition, as well as the methods of analysis, synthesis and generalization; From the set of special scientific methods, the following were used: comparative legal and formal-logical; statistical methods. The empirical base of the study consists of statistical data on the number of registered crimes and convictions under Articles 205.2, 207.3, 280, 280.3 and 282 of the Criminal Code of the Russian Federation for 2022–2024.

The Results of the Study: Crimes related to discrediting the authorities have several unique criminological characteristics that distinguish them from other types of extremist crime. The features of their dynamics were revealed, the patterns of change in the number of such crimes were indicated. The structure of the considered crimes is presented, according to which the dominant role is played by the crimes provided for in Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, which at the end of the period constitute more than half of all registered crimes of the studied totality.

Findings and Conclusions: The analysis showed that crimes related to discrediting the authorities occupy an increasingly significant place in the structure of extremist crime, their absolute and relative indicators are actively growing. For a more effective counteraction to these crimes, a comprehensive approach to legal regulation and a more in-depth

criminological study are required, which is due to the legal novelty of the crimes under consideration and the changing social conditions of their commission.

Keywords: criminological analysis, crimes related to discrediting the authorities, dynamics of the state and structure of crime.

For citation: Repetskaya A. L., Aliev T. F. *Sovremennoe sostoyanie i struktura prestuplenij, svyazannyh s diskreditaciej vlasti v Rossii* [The Current State and Structure of Crimes Related to the Discrediting of Power in Russia]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025, no. 3 (114), pp. 222–232.

Высокая значимость информационной безопасности в современную эпоху подчеркивается в Конституции Российской Федерации (п. «м» ст. 71), где закрепляется, что к предмету федерального ведения относится «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных» [1, с. 23].

В этой связи в последние годы наблюдается активизация отечественного законодателя в сфере разработки правовых норм, направленных на защиту государственных институтов, в том числе Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — ВС РФ), а также органов государственной власти от внешних и внутренних угроз. Данные угрозы приобретают особую опасность в контексте возрастающих информационных и пропагандистских атак, направленных на подрыв доверия граждан к институтам власти. С учетом характера современных угроз усиливается внимание к вопросу правовой охраны государственных структур и, в частности, защиты репутации ВС РФ и органов государственной власти.

Одной из таких угроз является дискредитация ВС РФ и органов власти, что ведет к подрыву общественного доверия, а также создаёт условия для дестабилизации общественно-политической ситуации. В частности, такие действия могут способствовать распространению ложной и искаженной информации, что наносит вред авторитету государственных органов и затрудняет их функционирование.

С 2022 года в структуре российской преступности отчетливо обозначилась тенденция увеличения числа деяний, квалифицируемых как преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, в частности, связанных с дискредитацией ВС РФ и государственных институтов.

Законодательным основанием для уголовной ответственности за такие деяния стали новые уголовно-правовые нормы, введенные в 2022 году, — это преступления, регламентированные статьями 207.3 и 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Эти нормы усилили действующую уголовную ответственность за совокупность деяний, регламентированных ст.ст. 205.2, 280 и 282 УК РФ.

Регламентация и развитие таких норм нацелено на пресечение незаконных действий, которые могут вызвать ухудшение общественного мнения о государственной власти и её институтах, однако важно при этом учитывать баланс между защитой государственной власти и правом граждан на свободу слова. Здесь

важно правильно определить границу между конструктивной критикой власти и действиями, которые могут угрожать её репутации и стабильности. Вопрос о пределах допустимой критики государственной власти напрямую связан с правом на свободу выражения мнений, закреплённым в ст. 29 Конституции Российской Федерации и в ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Указанные нормы предполагают, что каждый имеет право свободно выражать свои взгляды, в том числе в отношении действий органов государственной власти.

Анализ правовой базы, регулирующей данные вопросы, показывает, что правовые нормы в рассматриваемом контексте становятся все более строгими и детализированными. Криминализация деяний, связанных с дискредитацией, не только защищает репутацию государственных органов, но и служит инструментом для предотвращения злоупотреблений информацией, манипуляций общественным мнением, а также разжигания социальной напряженности через фальсификации и распространение заведомо ложных сведений.

Следует заметить, что вопросы изучения указанных преступлений с точки зрения их уголовно-правовой характеристики рассматривались в нескольких работах [например: 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8], отдельно затрагивались некоторые аспекты их криминологической характеристики [9, 10, 11]. Между тем очевидно, что такой поверхностный анализ не дает полной информации для эффективного противодействия преступлениям, затрагивающим основы государственной власти и общественной безопасности, поэтому криминологические аспекты данной категории преступлений требуют дополнительной проработки.

Одним из таких аспектов, является криминологический анализ, позволяющих отслеживать тенденции изменения состояния и структуры рассматриваемых преступлений. Для оценки динамики состояния преступлений, связанных с дискредитацией власти, а также их места в структуре преступности использовались статистические показатели зарегистрированных преступлений и количества осужденных по данной категории за три последних года.

Проведенный анализ абсолютных показателей зарегистрированных преступлений по выделенным составам свидетельствует, что в исследованный период (2022-2024гг) наблюдается устойчивый рост их числа, особенно в контексте военных и политических событий. Так, если в 2022г в регистрации находилось 1452 преступления рассматриваемой категории, то в 2024г их было уже 1810. Темпы прироста составили 24,6% за три года¹.

Особенно существенное увеличение абсолютных показателей наблюдается по статьям 207.3 и 280.3 УК РФ. Это свидетельствует о том, что попытки выразить недоверие или несогласие с действиями властей всё чаще попадают под уголовное преследование. Это отражает не только ужесточение государственной реакции на критику, но и наличие протестных настроений в обществе, выражающихся в

¹ Здесь и далее статистические данные взяты: Портал судебной статистики РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 22.05.2025). Сводные абсолютные показатели и относительные показатели рассчитаны авторами.

информационной форме. Таким образом, уголовно-правовая реакция на действия по дискредитации власти становится инструментом регулирования общественного мнения и поддержания политической стабильности.

Между тем, как известно, состояние преступности определяется не только показателями количества преступлений, но и количеством преступников, выявленных и осужденных за рассматриваемые преступления. Анализ этих показателей свидетельствует, что осужденных по данным Судебного департамента было более чем в 2 раза меньше, чем выявлено преступлений, однако при этом их число росло быстрее. Так, если в 2022г было осуждено 608 лиц, совершивших преступления, связанные с дискредитацией власти, то в 2024г их было уже 812. Темпы прироста составили 33,5% за три года.

Вероятно такое увеличение количества осужденных по статьям рассматриваемой категории связано как с активностью распространения сведений дискредитирующего характера и фейковых новостей среди социума (как в общественных местах, так и в сети Интернет), так и с расширением толкования указанных норм правоприменителями.

В тоже время динамика осужденных за преступления, связанные с оправданием терроризма и экстремизмом, имеет стабильный характер: количество осужденных за преступления, регламентированные ст. 280 УК РФ и ст. 282 демонстрируют волнообразную динамику; а показатели осужденных за преступления, связанные с ложной информацией (ст. 207.3 УК РФ) и дискредитацией (ст. 280.3 УК РФ), устойчиво растут, что может быть связано с установлением контроля над публичными высказываниями, направленными против ВС РФ и иных государственных структур.

В целом, стоит констатировать, что динамика состояния рассматриваемых преступлений является устойчиво неблагоприятной, и при этом количество преступников их совершивших имеет высокие темпы прироста, что ухудшает и без того негативные тенденции. Это может быть обусловлено совокупностью факторов: изменениями во внешнеполитической и внутреннеполитической обстановке, повышением уровня правового реагирования на публичные высказывания, а также активным развитием цифровой коммуникационной среды (в том числе сети Интернет).

Между тем, количественная характеристика не дает полной картины исследуемой совокупности преступлений, необходим анализ качественных характеристик – динамики их структуры.

Проведенный анализ полученных в ходе исследования показателей удельного веса рассматриваемых преступлений, свидетельствует, что в период с 2022 по 2024 год наибольшую долю имели преступления, предусмотренные ст. 205.2 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма) — их удельный вес вырос с 39% в 2022 году до 53% в 2024 году. Кроме того, доля этих преступлений была максимальной в каждый рассмотренный год. Это может свидетельствовать как об усилении внимания правоохранительных органов к проявлениям публичного оправдания и пропаганды терроризма, так и об активизации лиц, совершающих эти преступления в информационном пространстве.

Существенную, но постепенно снижающуюся долю имели преступления, регламентированные по ст. 280 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), соответственно: 36%, 28%, 26%. Снижение удельного веса может быть связано с изменением квалификации деяний, а также с усилением профилактики экстремистских проявлений.

Наименьшую долю в структуре рассматриваемых преступлений занимают преступления, непосредственно связанные с дискредитацией власти: по ст. 207.3 УК РФ — соответственно динамическому ряду: 13%, 11%, 8%; по ст. 282 УК РФ — 8%, 6%, 7%; и по ст. 280.3 УК РФ — 4%, 10%, 6%. Несмотря на невысокие показатели удельного веса этих преступлений, они представляют особый интерес в структуре преступлений, связанных с подрывом авторитета ВС РФ и государственных структур. Их анализ позволяет выявить особенности мотивов совершённых деяний, целевую аудиторию и каналы распространения противоправной информации, что важно для разработки эффективных превентивных мер.

Анализ географического распределения осуждённых позволяет выявить региональные особенности характеристики исследуемых преступлений, а также определить территории, где правоприменительная практика по данным статьям наиболее активна. Изучение частоты осуждений по данным статьям в разных регионах России может показать, где сосредоточены основные очаги преступлений рассматриваемой категории, а также выявить возможные социально-политические причины, влияющие на распространение таких преступлений. Так, например, приговоры по ст. 207.3 УК РФ наиболее распространены в крупных городах с высокой политической активностью, таких как Москва и Санкт-Петербург, а также в регионах с выраженными социальными протестами.

Стоит отметить, что преступления, предусмотренные ст.ст. 207.3 и 280.3 УК РФ, совершаются в одиночку, т.е. преступники действуют самостоятельно, что может свидетельствовать о низком уровне организованности преступной деятельности в рассматриваемой сфере или о том, что соучастники не всегда могут быть установлены.

Тем не менее, преступления данной категории характеризуются высоким уровнем идеологической мотивации. В отличие от преступлений, использующих насилие как инструмент для достижения политических целей, эти деяния преимущественно носят информационно-психологический характер, оказывая воздействие на общественное сознание, уровень доверия к институтам государственной власти и восприятие легитимности проводимой политики.

Особенность данной категории преступлений проявляется и в её виктимологической характеристике. В отличие от большинства преступлений, где жертва — конкретное физическое лицо, в рассматриваемом случае потерпевшими выступают государственные институты, их авторитет и функционирование, а также общество в целом, подвергающееся риску деструктивного информационного воздействия. Последствия таких преступлений проявляются в усилении социального недоверия, расколе в обществе и росте политической напряжённости. Это придаёт преступлениям, связанным с дискредитацией власти, особую общественную опасность, выходящую за рамки индивидуального вреда.

В данном контексте показательным примером может служить дело *экоактивистки Елены Калининой, осуждённой по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ за публикации во «ВКонтакте», содержащие эмоциональные рассуждения о погибших в ходе конфликта на территории Украины и видео с жительницей Харьковской области*². Несмотря на то, что в её действиях не содержалось прямых призывов к насилию или агрессии, суд признал их дискредитирующими ВС РФ. В данном случае конкретный потерпевший отсутствует, а формальной «жертвой» признаётся государственный институт — ВС РФ, чья репутация, по мнению обвинения, подверглась подрыву. Одновременно в качестве опосредованного потерпевшего может рассматриваться и общество, поскольку предполагается, что подобные публикации способны дестабилизировать социальное сознание и сформировать недоверие к государственным органам.

Таким образом, преступления этой категории не имеют привычной модели «преступник – жертва», что затрудняет правовую оценку степени вреда и последствий, однако усиливает их общественную опасность в информационно-коммуникативной среде.

При этом особую сложность представляет анализ латентности и противоречий правоприменительной практики. Высокий уровень латентности обусловлен неопределённостью правовых формулировок и затруднённой разграничения между правом на свободу слова и уголовно наказуемыми действиями. Различия в толковании норм приводят к правоприменительной неравномерности: аналогичные высказывания или публикации могут квалифицироваться по-разному в зависимости от региона или позиции правоприменителей.

Преступления данной категории нередко остаются неучтёнными из-за неочевидности состава, субъективности в оценке выражений и политически обусловленного подхода к возбуждению дел. Так, широта формулировок (например, «заведомо ложная информация») затрудняет единообразное правоприменение. Это указывает на высокую зависимость правоприменительной практики от идеологического и политического контекста, что снижает объективность статистики и затрудняет криминологическую верификацию масштабов проблемы.

Таким образом, можно констатировать формирование особого сегмента преступности, обусловленного политическими, информационными и социокультурными факторами. Он характеризуется:

- высоким уровнем идеологической мотивации;
- формальным статусом потерпевших;
- значительной латентностью;
- правоприменительной неустойчивостью.

Все эти черты указывают на необходимость адаптации криминологического инструментария к анализу преступлений исследуемой категории и выработки

² Суд утвердил приговор активистке Калининой по ст. 280.3 УК. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2023/03/d47827/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 24.05.2025)

комплексных стратегий реагирования, сочетающих правовую точность с уважением к гражданским (конституционно-демократическим) свободам.

Актуальность заявленной тематики сохранится на протяжении длительного времени, поскольку вопросы защиты государственной безопасности и общественного порядка остаются приоритетными для государства, а также актуализируются в свете изменения политической и международной обстановки. Следовательно, вопросы криминализации исследуемых деяний и их соотношения с демократическими стандартами свободы слова и выражения мнений будут и дальше вызывать научный и общественный интерес, требуя комплексных и взвешенных подходов в правовом поле [12, с. 14].

Это требует соответствующего реагирования со стороны правоохранительных и судебных органов, включая разработку специализированных методик выявления, профилактики и пресечения преступлений информационно-экстремистской направленности.

Проведённый криминологический анализ преступлений, связанных с дискредитацией власти, показывает, что данные деяния образуют особую категорию экстремистской преступности. В исследуемый период наблюдается устойчивая динамика роста таких преступлений, что связано как с изменениями в политической и социальной обстановке, так и с активным развитием цифровой среды, где распространяется информация, имеющая дискредитирующий характер.

Особое внимание следует уделить правоприменительной практике, которая демонстрирует неопределённость в толковании норм уголовного законодательства, что ведёт к правоприменительной неравномерности и затрудняет различие между правом на свободу слова и уголовно наказуемыми действиями. Высокий уровень латентности и широкий спектр возможных трактовок правовых норм требует дальнейших усилий в правоприменительной практике.

Важно подчеркнуть, что преступления, связанные с дискредитацией власти, не только нарушают общественный порядок, но и оказывают значительное воздействие на общественное сознание, вызывая рост политической напряжённости и социального недовольства. Эти деяния, в отличие от других форм преступлений, не всегда имеют чёткую модель «преступник — жертва», что усложняет оценку их общественной опасности и последствия для государства и общества в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соколов А. Ю. Правовое противодействие современным вызовам и угрозам информационной безопасности // Правовая политика и правовая жизнь. — 2024. — № 1 — С. 23-30. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-1-22-30
2. Литвяк Л. Г. Анализ некоторых признаков состава преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2023. — №12. — С. 156-159. DOI: 10.23672/SAE.2023.32.72.011
3. Мурадян С. В. Вопросы применения статьи 280.3 УК РФ О дискредитации использования Вооружённых Сил Российской Федерации или исполнения

государственными органами своих полномочий // Криминологический журнал. – 2023. – №1. – С. 87-94. DOI: 10.24412/2687-0185-2023-1-87-94

4. Пичугин С. А. Уголовная ответственность за деяние, предусмотренное статьей 207.3 УК РФ: Вопросы регламентации и правоприменения // Legal Bulletin. – 2023. – Т. 8. – №. 3. – С. 53-63.

5. Середа И. М., Ступина С. А. Об уголовной ответственности за распространение ложной информации, направленной на подрыв авторитета государственных органов Российской Федерации // Актуальные проблемы уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики Российской Федерации на современном этапе. – 2023. – С. 182-186.

6. Вишневецкий К. В., Кашкаров А. А. К вопросу о содержании субъективных признаков преступлений, предусмотренных ст. 207 3 УК РФ и ст. 280 3 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – №. 1. – С. 85-90. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-1-7

7. Медведева О. А. К вопросу об ответственности по ст. 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. — 2023. №10 (226). — С. 459-462. DOI 10.47643/1815-1337_2023_10_459

8. Кумышева М. К. Актуальные проблемы привлечения к уголовной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации // Образование и право. — 2022. №7. — С. 274—279. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-7-274-279

9. Молчанова Т. В., Таранина Е. И. Преступность в условиях специальной военной операции // Криминологический журнал. – 2023. – №3. – С. 139-147. DOI: 10.24412/2687-0185-2023-3-139-147

10. Маслов В. А. Влияние специальной военной операции на преступность в России // Lex Russica. – 2025. – №3 (220). – С. 98-119. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.098-119

11. Лечиев Р. С. Уголовная политика по обеспечению специальной военной операции и защите суверенитета России в новую эпоху // Криминологический журнал. – 2023. – №. 3. – С. 123-130. DOI: 10.24412/2687-0185-2023-3-123-130

12. Алиев Т.Ф. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с дискредитацией власти // Полицейская деятельность. 2025. № 3. С. 1-16. DOI: 10.7256/2454-0692.2025.3.74645

REFERENCES

1. Sokolov A. Yu. Pravovoe protivodejstvie sovremennym vyzovam i ugrozam informacionnoj bez-opasnosti [Legal counteraction to modern challenges and threats to information security]. Pravovaya politika i pravovaya zhizn' – Legal policy and legal life. 2024, no. 1. pp. 23-30. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-1-22-30

2. Litvyak L. G. Analiz nekotoryh priznakov sostava prestupleniya, predusmotrennogo st. 280.3 UK RF [Analysis of some signs of the corpus delicti provided for in art. 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i

obshchestvennye nauki – Humanities, socio-economic and social sciences. 2023, no. 12. pp. 156-159. DOI: 10.23672/SAE.2023.32.72.011

3. Muradian S. V. Voprosy primeneniya stat'i 280.3 UK RF O diskreditacii ispol'zovaniya Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii ili ispolneniya gosudarstvennymi organami svoih polnomochij [Issues of the application of Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation On discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation or the exercise by state bodies of their powers]. Kriminologicheskij zhurnal – Criminological Journal. 2023, no. 1, pp. 87-94. DOI: 10.24412/2687-0185-2023-1-87-94

4. Pichugin S. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za deyanie, predusmotrennoe stat'ej 207.3 UK RF: Vopro-sy reglamentacii i pravoprimeneniya [Criminal liability for an act provided for in Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation: Issues of regulation and law enforcement]. Legal Vestnik. 2023, vol. 8, no. 3, pp. 53-63.

5. Sereda I. M., Stupina S. A. Ob ugolovnoj otvetstvennosti za rasprostranenie lozhnoj informacii, napravlen-noj na podryv avtoriteta gosudarstvennyh organov Rossijskoj Federacii [On criminal liability for spreading false information aimed at undermining the authority of state bodies of the Russian Federation]. Aktual'nye problemy ugolovno-pravovoj i ugolovno-ispolnitel'noj politiki Rossijskoj Federacii na sovremennom etape – Actual problems of criminal law and penal enforcement policy of the Russian Federation at the present stage. 2023. pp. 182-186.

6. Vishnevetsky K. V., Kashkarov A. A. K voprosu o soderzhanii sub"ektivnyh priznakov prestuplenij, predusmotrennyh st. 207 3 UK RF i st. 280 3 UK RF [On the issue of the content of subjective signs of crimes provided for in Articles 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki – Humanities, socio-economic and social sciences. 2025, no. 1, pp. 85-90. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-1-7

7. Medvedeva O. A. K voprosu ob otvetstvennosti po st. 280.3 Ugolvnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [On the issue of responsibility under art. 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and the state: theory and practice. 2023. No 10 (226). Pp. 459-462. DOI 10.47643/1815-1337_2023_10_459

8. Kumysheva M. K. Aktual'nye problemy privlecheniya k ugolovnoj otvetstvennosti za publichnye dejstviya, napravlennye na diskreditaciyu ispol'zovaniya Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii [Actual problems of criminal prosecution for public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation]. Obrazovanie i pravo – Education and Law. 2022. No. 7. pp. 274-279. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-7-274-279

9. Molchanova T. V., Taranina E. I. Prestupnost' v usloviyah special'noj voennoj operacii [Crime in the conditions of a special military operation]. Kriminologicheskij zhurnal – Journal of Criminology. 2023. No. 3. pp. 139-147. DOI: 10.24412/2687-0185-2023-3-139-147

10. Maslov V. A. Vliyanie special'noj voennoj operacii na prestupnost' v Rossii [The impact of a special military operation on crime in Russia]. Lex Russica. 2025. No 3 (220). Pp. 98-119. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.098-119

11. Lechiev R. S. Ugolovnaya politika po obespecheniyu special'noj voennoj operacii i zashchite suvereniteta Rossii v novuyu epohu [Criminal policy to ensure a special military operation and protect the sovereignty of Russia in a new era]. Kriminologicheskij zhurnal – Journal of Criminology. 2023. No. 3. – Pp. 123-130. DOI: 10.24412/2687-0185-2023-3-123-130

12. Aliev T.F. Ugolovno-pravovaya harakteristika prestuplenij, svyazannyh s diskreditaciej vlasti [Criminal and legal characteristics of crimes related to the discrediting of power]. Policejskaya deyatel'nost' – Police activity. 2025. No. 3. pp. 1-16. DOI: 10.7256/2454-0692.2025.3.74645

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Репецкая Анна Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Заведующий отделом криминологических исследований. Байкальский государственный университет. 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Алиев Тимур Фирудинович, адъюнкт. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Anna Repetskaya, Doctor of Legagl Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664074, Irkutsk, Lermontov St., 110. Head of the Department of Criminological Research. Baikal State University. 664003, Irkutsk, Lenin Street, 11.

Aliev Timur Firudinovich, postgraduate student, Associate professor. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 20.06.2025; принята к публикации 25.07.2025.

The article was submitted 19.05.2025; approved after reviewing 20.06.2025; accepted for publication 25.07.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 3 (114). С. 233–246.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no. 3 (114). Pp. 233–246.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.28/29

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ НАЗНАЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Ситников Анатолий Евгеньевич, Байкальский государственный университет,
Иркутск, Российская Федерация
slayer-00@bk.ru

Введение. В условиях актуализации гуманизации уголовной политики особое значение приобретает институт отсрочки отбывания наказания, требующий адаптации к современным требованиям индивидуализации и эффективности исполнения приговоров.

Материалы и методы. Методологическую основу составили сравнительно-правовой, формально-юридический и системный подходы. Эмпирическую базу составили нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства зарубежных государств, международные правовые акты, а также отечественные научные источники.

Результаты исследования. Проанализированы зарубежные модели регулирования отсрочки наказания (Великобритания, Германия, Франция, Казахстан, Беларусь), выявлены подходы к дифференциации категорий осужденных, механизмы контроля и ресоциализации. Сравнительный анализ позволил установить потенциал заимствования отдельных иностранных элементов применения отсрочки отбывания наказаний с учетом отечественной системы права.

Выводы и заключения. Сделан вывод о необходимости совершенствования российского законодательства путем расширения оснований предоставления отсрочки, усиления контроля за её исполнением и внедрения программ ресоциализации. Обоснована целесообразность применения гибких, индивидуализированных подходов с учетом положительного зарубежного опыта.

Ключевые слова: отсрочка отбывания наказания, уголовное право, зарубежный опыт, ресоциализация, гуманизация, индивидуализация, уголовно-исполнительная система, контроль, наказание, сравнительный анализ

Для цитирования. Ситников А. Е. Зарубежный опыт назначения и исполнения отсрочки отбывания наказаний // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч. - практический журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114) С. 233–246.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

FOREIGN EXPERIENCE IN THE APPOINTMENT AND EXECUTION OF DEFERRED SENTENCES

Anatoly E. Sitnikov, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, slayer-00@bk.ru

Introduction: In the conditions of actualization of humanization of criminal policy, the institute of postponement of serving the sentence, which requires adaptation to modern requirements of individualization and efficiency of execution of sentences, acquires special importance.

Materials and Methods: The methodological basis was formed by comparative-legal, formal-legal and systemic approaches. The empirical basis was formed by the norms of criminal and penal legislation of foreign states, international legal acts, as well as domestic scientific sources.

The Results of the Study: Foreign models of regulation of deferred sentence (Great Britain, Germany, France, Kazakhstan, Belarus) are analyzed, approaches to differentiation of categories of convicts, mechanisms of control and resocialization are revealed. The comparative analysis allowed to establish the potential of borrowing certain foreign elements of the application of deferment of serving sentences, taking into account the domestic system of law.

Findings and Conclusions: It is concluded that it is necessary to improve Russian legislation by expanding the grounds for granting deferment, strengthening control over its implementation and introducing re-socialization programs. The expediency of applying flexible, individualized approaches taking into account the positive foreign experience is substantiated.

Keywords: deferred sentence execution, criminal law, foreign experience, resocialization, humanization, individualization, penal system, control, punishment, comparative analysis

For citation: Sitnikov A.E. Zarubezhnyj opyt naznacheniya i ispolneniya otsrochki otbyvaniya nakazaniya [Foreign Experience in the Appointment and Execution of Deferred Sentences]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no.3 (114). Pp. 233–246.

Принятие международных актов, таких как Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, а также Минимальные стандартные правила обращения с заключенными Организации Объединенных Наций (далее - ООН), сыграло важную роль в развитии системы уголовных наказаний в России. Представленные нормативные документы не только обозначили актуальность гуманизации уголовных наказаний, но и фактически

актуализировали перед российским законодательством необходимость разработки более гибких и действенных механизмов социальной реабилитации лиц, отбывающих наказание.

Среди ключевых инструментов, реализующих такую политику, особое значение приобрёл институт отсрочки отбывания наказания. Его внедрение обусловлено стремлением создать условия для исправления осуждённых вне изоляции от общества, что, как показывают наблюдения, способствует снижению уровня рецидивной преступности. Вместо немедленного помещения в места лишения свободы предоставляется возможность пройти определённый путь ресоциализации в среде, близкой к обычной, с применением таких мер, как обязательные работы либо ограничения свободы. Эти меры, в отличие от заключения, сохраняют социальные связи и позволяют осуждённым адаптироваться к жизни в обществе на менее травматичной основе [1, с. 272–277].

Кроме того, развитие института отсрочки и расширение спектра альтернативных наказаний способствовало частичной разгрузке учреждений уголовно-исполнительной системы. В результате появилась возможность более рационально распределять ресурсы пенитенциарных учреждений, сосредотачивая их на содержании лиц, действительно представляющих общественную опасность.

Это также способствует более эффективному использованию бюджетных средств и улучшению условий содержания заключённых, что соответствует международным стандартам и обязательствам России в области прав человека.

В долгосрочной перспективе реформирование системы уголовных наказаний через механизмы отсрочек и альтернатив способствует восстановлению социальной справедливости и повышению уровня общественной безопасности. Ориентация на реабилитацию и социальную интеграцию нарушителей соответствует не только международным стандартам, но и фундаментальным принципам права, направленных на создание более гуманного и справедливого общества.

Актуальность изучения зарубежного опыта назначения и исполнения отсрочки отбывания наказаний обусловлена растущей потребностью в реформировании уголовно-исполнительной системы. Анализ международных практик позволит получить ценные инсайты для улучшения законодательства в области уголовного правосудия. Это особенно важно в контексте укрепления прав человека, снижения уровня рецидива преступлений и оптимизации процесса социальной реабилитации осуждённых.

Цель статьи заключается в изучении зарубежных подходов к отсрочке отбывания наказания и идентификации тех аспектов, которые могут быть внедрены или адаптированы для использования в российской практике.

К числу международных актов, регулирующих институт отсрочки наказания относятся:

1. Европейская конвенция о надзоре за условно приговоренными и условно освобожденными (30 ноября 1964 г.)¹;

¹ Европейская конвенция о надзоре за условно осужденными или условно освобожденными правонарушителями ETS № 051 (Страсбург, 30 ноября 1964 г.) // СПС «Гарант» : сайт. URL: <https://base.garant.ru/4084812/> (дата обращения: 10.05.2025).

2. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила, 1985 г.)²;

3. Свод принципов защиты всех лиц, подверженных задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (1989 г.)³;

4. Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила, 1990 г.)⁴ (далее – Токийские правила);

5. Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы, 1990 г.)⁵.

6. Правила ООН, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила, 2010 г.) (далее – Бангкокские правила)⁶.

Введение рекомендаций Токийских правил в уголовное законодательство России представляло собой важный шаг к гуманизации правосудия и расширению применения альтернативных мер наказания. Эти нововведения были направлены на снижение уровня рецидивов и перегрузки пенитенциарной системы путем уменьшения числа заключенных. Главным акцентом стало стремление к социальной реинтеграции правонарушителей и обеспечение безопасности общества через восстановление, а не только наказание.

Одним из важных изменений стало введение наказания, не связанного с изоляцией от общества, такого как обязательные работы. Обязательные работы предоставляют правонарушителям возместить причиненный ущерб

² Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») (приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 10 декабря 1985 г.). // СПС «Гарант» : сайт. URL: <https://base.garant.ru/1305342/> (дата обращения: 10.05.2025).

³ Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (утвержден Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 43/173 от 9 декабря 1988 г.). // СПС «Гарант» : сайт. URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/1305353/chapter/064e7f8737d81586d8fca532e407f253/> (дата обращения: 10.05.2025).

⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. N 45/110 «Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила)». // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/12123833/> (дата обращения: 10.05.2025).

⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. N 45/112 «Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Руководящие принципы, принятые в Эр-Рияде)». // СПС «Гарант» : сайт. URL: <https://base.garant.ru/12123837/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 10.05.2025).

⁶ Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила) : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml (дата обращения: 10.05.2025).

обществу через труд. Данная мера должна способствовать поддержанию социальных связей и нормальному функционированию в обществе, что, в свою очередь, снижает риск повторных преступлений.

Эти изменения в законодательстве подчеркивают нацеленность на индивидуальный подход к каждому правонарушителю и учет специфических обстоятельств каждого дела. Применение альтернативных мер наказания и освобождения от наказания ориентировано на вовлечение правонарушителей в процесс их собственного исправления, что способствует формированию более гуманного и эффективного подхода в системе уголовного правосудия России.

Так, Федеральным законом Российской Федерации от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ ограничение свободы было введено в обновленном виде. Федеральным законом Российской Федерации от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ введены принудительные работы. Этим же законом предусмотрена отсрочка отбывания наказания больным наркоманией.

Таким образом, Токийские правила подчеркивают значимость комплексного и приоритетного подхода в вопросах вынесения решений, не связанных с лишением свободы. Принимая в расчет особенности правонарушения и личность правонарушителя, органы правосудия получают возможность оказывать более гибкое и индивидуализированное воздействие, что может способствовать не только исправлению, но и успешной реабилитации человека в обществе. Этот подход позволяет интегрировать принципы прав и интересов всех вовлеченных сторон, включая потерпевших, тем самым способствуя гармоничному сосуществованию всех слоев общества.

Бангкокские правила, сформулированные в 2010 году, стали важным шагом в деле гуманизации уголовного правосудия в отношении женщин. Они подчеркивают необходимость учета особых потребностей и ситуаций женщин, особенно тех, у кого есть малолетние дети. Исследования показывают, что лишение свободы матери может иметь долгосрочные негативные последствия для детей, включая психологические и эмоциональные проблемы. Поэтому подход, предложенный в правилах, учитывает как права женщин, так и благо детей, что соответствует современным международным стандартам прав человека [2, с. 219-221].

Для эффективного внедрения этих рекомендаций в национальные системы необходимо учитывать существующие законодательные и институциональные механизмы. Это может включать разработку и внедрение альтернативных видов наказаний. Поддержка со стороны социальных служб и организаций также играет ключевую роль в обеспечении успешной реабилитации и социальной адаптации женщин, которые отбывают наказание вне исправительного учреждения. Кроме того, такой подход требует систематической подготовки специалистов, работающих с осужденными женщинами и их семьями.

Правило 64 Бангкокских правил задает важное направление для реформирования системы правосудия в отношении женщин с учетом их уникальных обстоятельств и минимизации негативного воздействия на детей. Это комплексный процесс, требующий междисциплинарного подхода и сотрудничества между

государственными органами, неправительственными организациями и обществом в целом. В результате успешного применения этих принципов возможно не только снизить рецидив среди женщин, но и способствовать устойчивому развитию общества в целом [3, с. 38-40].

Изучив тексты уголовно-правовых законов различных правовых систем: англо-саксонской (Великобритания), континентальной (Франция, Германия), а также правовой системы стран бывшего Союза Советских Социалистических Республик (далее - СССР) (Беларусь, Казахстан), можно прийти к выводу, что в зарубежном уголовном праве в основном сложились две системы отсрочки, различные с точки зрения юридической техники.

Одна из наиболее распространённых моделей отсрочки наказания, характерная прежде всего для англо-саксонской правовой системы, предусматривает возможность назначения судом условного наказания с последующей отменой такового в случае совершения осуждённым нового правонарушения. Подобный подход акцентирует внимание на важности ресоциализации правонарушителя и коррективке его поведения без немедленного изоляционного воздействия. В рамках данной модели суду предоставляется значительная дискреция, позволяющая учитывать широкий спектр обстоятельств, включая как личные характеристики подсудимого, так и контекст совершённого преступления.

В числе условий, налагаемых на осуждённого при предоставлении отсрочки, могут фигурировать такие меры, как прохождение реабилитационных программ, участие в общественно полезной деятельности либо регулярное взаимодействие с надзорными структурами [4, с. 137-141].

Континентальный подход, характерный, в частности, для французской и германской юрисдикций, основывается на более институционализированной и формальной процедуре предоставления отсрочки. Здесь ключевыми критериями выступают оценка риска рецидива и определение степени общественной опасности, исходящей от правонарушителя. Тем самым, акцент делается не столько на гибкости индивидуального подхода, сколько на правовых основаниях и объективной оценке прогноза дальнейшего поведения осуждённого. Суды применяют более строгие критерии для предоставления отсрочек, полагаясь на заключения социальных и психологических экспертов, а также на исторические данные о поведении осуждённого. В результате такой подход может приводить к меньшей гибкости, но обеспечивает более предсказуемый правоприменительный процесс.

В странах бывшего СССР, в частности в Беларуси и Казахстане, сложилась смешанная система, гармонично сочетающая элементы как англо-саксонского, так и континентального права. Здесь практикуется индивидуальный подход к предоставлению отсрочки, который может включать как установление пробационного надзора, так и обязательное выполнение ряда условий, аналогичных тем, что применяются в англо-саксонских странах. Таким образом, законодательство стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) стремится одновременно защитить общественные интересы и предоставить шанс на исправление тем, кто

впервые совершил преступление и демонстрирует готовность к исправлению [5, с. 222-224].

В англо-саксонской правовой системе пробация рассматривается как один из ключевых механизмов, ориентированных на реабилитацию осуждённого без применения меры лишения свободы. Суть данного института заключается в том, что лицу, признанному виновным, предоставляется возможность остаться на свободе, при условии соблюдения определённых требований в течение испытательного срока. Такая практика позволяет не только снизить нагрузку на систему исполнения наказаний, но и даёт шанс на исправление тем, кто впервые вступил в конфликт с законом или совершил правонарушения, не отнесённые к числу тяжких.

Судебные органы, как правило, применяют пробацию с целью стимулирования правопослушного поведения: при успешном прохождении испытательного срока осуждённый может избежать более жёстких санкций. Это, в свою очередь, соответствует задачам гуманизации уголовной политики и индивидуализации ответственности.

Континентальная правовая традиция, напротив, трактует пробацию в ином ключе. Здесь она чаще воспринимается как форма условного осуждения, сопряжённого с отсрочкой исполнения приговора. Осуждённый сохраняет возможность находиться на свободе, однако его статус сопровождается рядом обязательств, устанавливаемых судом. Невыполнение возложенных условий может повлечь за собой отмену отсрочки и приведение приговора в исполнение в полном объёме. Такой подход позволяет достигать компромисса между функцией наказания уголовного права и задачей ресоциализации правонарушителя [6, с. 148-191].

Важно отметить, что оба подхода к пробации служат одной и той же цели — социальной реабилитации и интеграции правонарушителей обратно в общество. Оба метода стремятся минимизировать рецидивизм и помогают снизить нагрузку на тюремные системы. Однако разные правовые традиции и культурные особенности формируют различия в реализации этих методов, отражая уникальные потребности и приоритеты каждого из обществ.

Рассмотрим институт пробации на примере нескольких стран.

Институт пробации в Англии, введенный Законом «Об испытании впервые осужденных» 1887 года, стал значительным шагом в развитии английской уголовной системы. Этот закон вобрал в себя классическое начало условного осуждения, которое предполагало предоставление возможности осужденным исправиться без фактического отбывания наказания в местах лишения свободы. В то время пробация рассматривалась как способ гуманизации правовой системы и снижения количества заключенных в переполненных тюрьмах [7, с. 18-67].

Пробация предполагает освобождение лица под надзор определенных назначенных лиц, так называемых пробационных офицеров. Они несут ответственность за мониторинг поведения осужденных, предоставление им помощи в реинтеграции в общество и содействие в поиске занятости. Эта роль пробационных офицеров крайне важна для успешного выполнения программы пробации, поскольку

именно они содействуют мотивированию подопечных, помогают в устранении криминальных наклонностей и поддерживают их на пути реформирования.

Со временем институт пробации претерпел важные изменения и эволюционировал с учетом современных потребностей и вызовов. В 20-м веке пробация приобрела более комплексный характер, включая поддержку в областях образования, трудоустройства и психического здоровья. Осознание тесной взаимосвязи между успешной ресоциализацией осуждённых и их способностью к адаптации в условиях нормальной жизни, включая развитие профессиональных компетенций и поддержание устойчивого эмоционального состояния, стало важным ориентиром для современных подходов к уголовно-правовой политике. Именно на этом понимании базируется актуальность и значимость института пробации.

В настоящее время пробация занимает центральное место в уголовной юстиции Англии, олицетворяя собой гуманистическую направленность права и подчёркивая его исправительный, а не исключительно карательный характер. Несмотря на наличие определённых трудностей в реализации пробационных программ и критику, связанную с их эффективностью и исполнением, практика показывает, что данный институт остаётся одним из наиболее результативных механизмов в системе правовых мер воздействия на лиц, совершивших правонарушения. Таким образом, пробация демонстрирует баланс между необходимостью защиты общественности и потенциалом для исправления тех, кто совершил преступление, предлагая им второй шанс на достойную жизнь.

По уголовному праву Франции институт отсрочки, представляющий собой важный элемент системы исполнения наказаний, существует в двух разновидностях: а) отсрочка исполнения наказания; б) отсрочка назначения наказания. Эти механизмы позволяют суду принимать гибкие решения на основе индивидуальных обстоятельств дела и личности осужденного, обращая особое внимание на социальную реабилитацию и предотвращение повторных преступлений [8, с. 835-843].

Отсрочка исполнения наказания представляет собой механизм, позволяющий временно приостановить фактическое приведение приговора в исполнение. Основания для применения отсрочки могут быть различными и, как правило, включают необходимость прохождения осуждённым лечения, его участие в программах социальной реабилитации, а также определённые личные или семейные обстоятельства. При рассмотрении вопроса об отсрочке суд принимает во внимание не только формальные критерии, но и индивидуальные характеристики осуждённого, включая степень его готовности к ресоциализации и поведение в предшествующий период. Важную роль при этом играет оценка способности лица соблюдать установленные ограничения и предписания, что служит индикатором его потенциала к исправлению.

Отсрочка назначения наказания, в отличие от отсрочки исполнения, ориентирована на предоставление суду дополнительного времени для определения наилучшего вида наказания. Такая практика применяется, как правило, в ситуациях, когда требуется более полное понимание личностных качеств обвиняемого и динамики его поведения на стадии судебного разбирательства. Отложенное решение позволяет

суду учесть изменившиеся обстоятельства и принять более обоснованное и соразмерное решение с точки зрения целей уголовного наказания. Осужденный может быть обязать подчиняться определенным условиям, выполнение которых может повлиять на окончательное решение суда по назначению наказания [9, с. 11-12]. Таким образом, отсрочка назначения наказания может снизить вероятность повторного совершения преступления, предоставляя обвиняемому шанс на исправление и интеграцию в общество без непосредственного применения мер принуждения.

Обе формы отсрочки играют важную роль в уголовной политике Франции, способствуя снижению переполненности пенитенциарных учреждений и поддерживая акцент на восстановительной справедливости. Они демонстрируют стремление системы правосудия не только к наказанию правонарушителей, но и к их возможной реабилитации и социальной адаптации. Правильное использование отсрочек помогает находить баланс между необходимостью защиты общества и предоставлением второго шанса лицам, совершившим преступление.

В уголовном законодательстве Германии существует институт условного осуждения, который позволяет при определенных условиях заменить реальное лишение свободы на испытательный срок. Это возможно в тех случаях, когда суд назначает наказание в виде лишения свободы на срок не более одного года. Основная идея заключается в том, чтобы дать осужденным шанс на исправление без изоляции от общества, что также снижает нагрузку на пенитенциарные учреждения [10, с. 111-113].

Процедура назначения условного осуждения включает несколько этапов и основана на оценке поведения осужденного, характера совершенного преступления и других индивидуальных факторов. При рассмотрении вопроса о предоставлении отсрочки суд исходит из анализа совокупности обстоятельств, позволяющих сделать обоснованный вывод о способности осуждённого пройти испытательный срок без совершения новых правонарушений. Временное освобождение от исполнения наказания сопряжено с возложением на осуждённого определённых обязанностей, контроль за выполнением которых осуществляют уполномоченные органы пробации. К числу таких обязанностей могут относиться трудоустройство, участие в образовательных или коррекционных программах, а также регулярное представление отчётности о своём поведении и образе жизни.

Следует подчеркнуть, что в условиях современного правового регулирования институт пробации сохраняет актуальность как в англо-саксонской, так и в континентальной правовой традиции. Несмотря на различие концептуальных подходов и процедурных механизмов, обе системы сходятся в признании социальной реабилитации важнейшей целью наказания. Пробация в данном контексте выступает как инструмент гуманизации уголовной политики и рационализации использования пенитенциарных ресурсов. Учитывая современные вызовы, включая рост преступности и хроническую перегруженность учреждений исполнения наказаний, применение альтернативных мер приобретает не только социальную, но и практическую значимость, открывая возможности для более эффективной и справедливой уголовной юстиции.

По результатам исследования уголовного законодательства стран СНГ можно прийти к выводу, что в странах-участницах СНГ есть норма об отсрочке отбывания наказания, которая сходна норме, содержащейся в уголовном законодательстве России [11, с. 100-102].

Такая норма об отсрочке отбывания наказания является важным элементом уголовно-правовой политики в странах СНГ и служит инструментом для более гибкого подхода к вопросам уголовной ответственности. Применение отсрочки наказания позволяет добиться нескольких целей: во-первых, стимулировать исправление осужденного без его изоляции от общества; во-вторых, снизить нагрузку на пенитенциарную систему; в-третьих, дать шанс тем, кто впервые оказался на скамье подсудимых, доказать свою способность изменить поведение.

Например, в Казахстане существует практика применения отсрочки исполнения наказания, которая позволяет суду отложить начало отбывания санкции. Это может касаться как наказаний в виде лишения свободы, так и иных видов мер, таких как исправительные работы или штрафы. Законодательство учитывает такие факторы, как личность виновного, характер и степень общественной опасности совершенного преступления, а также обстоятельства, смягчающие вину⁷.

В Республике Беларусь также действует норма, аналогичная российской, позволяющая назначить отсрочку отбывания наказания. В данном случае суд может принимать во внимание не только личные характеристики осужденного, но и его семейное положение, работу и иные аспекты, объективно свидетельствующие о невозможности немедленного исполнения наказания. Такая практика демонстрирует стремление права быть более справедливым и гуманистическим, предлагая возможность для корректировки поведения преступника без необходимости нахождения его в местах лишения свободы⁸.

Основное отличие в периоде срока отсрочки. В частности, в Беларуси период срока отсрочки устанавливается до момента достижения ребенком трех лет, в Казахстане - до момента достижения ребенком четырнадцати лет.

Для совершенствования законодательства, регулирующего институт отсрочки отбывания наказания в России, можно предложить следующие дополнения к статье 82 Уголовного кодекса Российской Федерации и положениям Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Во-первых, целесообразно рассмотреть возможность внедрения в отечественную правовую систему двух форм отсрочки отбывания наказания, аналогично существующему регулированию во Франции. Такой подход обеспечил бы более гибкий и индивидуализированный характер судебных решений. Первая форма — это отсрочка исполнения наказания, когда суд предоставляет осужденному возможность временно не приступать к отбыванию наказания при условии соблюдения

⁷ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 г. № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.05.2025 г.) : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 10.05.2025).

⁸ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. № 275-З : сайт. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 10.05.2025).

определённых требований, способствующих социальной реабилитации. Вторая форма — отсрочка назначения наказания, которая предполагает отложенное определение меры наказания с тем, чтобы предоставить лицу шанс на исправление ещё до вынесения окончательного приговора. Оба механизма позволили бы учитывать особенности личности осуждённого и обстоятельства дела, избегая излишне жёсткого применения репрессивных мер.

Во-вторых, представляется необходимым дополнить статью 82 Уголовного кодекса Российской Федерации положениями, закрепляющими участие пробационной службы в работе с лицами, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания. Роль данной службы не должна ограничиваться надзорными функциями. Она должна активно содействовать процессу ресоциализации — оказывать помощь в трудоустройстве, организации обучения, восстановлении социальных связей. Закрепление таких норм позволит повысить результативность правовых механизмов, направленных на снижение уровня рецидивной преступности.

Кроме того, актуально внести изменения и в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, сформулировав в нём правовые основания функционирования пробационной системы применительно к категории осуждённых с отсрочкой отбывания наказания. В частности, следует предусмотреть обязательные меры контроля — регулярные отчёты, проверку поведения, участие в программах реабилитации и адаптации. Такие меры направлены на снижение риска повторного совершения преступления и формирование у осуждённого устойчивой модели законопослушного поведения.

Таким образом, предложенные изменения способны усилить правовые и организационные основы института отсрочки отбывания наказания, способствовать укреплению социальной направленности уголовной политики, а также повысить эффективность функционирования всей уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации.

В завершение следует подчеркнуть, что институт отсрочки исполнения наказания занимает значимое место в современной уголовно-правовой системе, поскольку позволяет достигать необходимого соотношения между целями наказания и возможностями для исправления осуждённого. Его применение открывает путь к индивидуализированному подходу, при котором учитываются как юридические, так и социальные аспекты поведения лица, совершившего преступление.

Практика зарубежных государств свидетельствует о том, что эффективность данного механизма возрастает при условии наличия хорошо выстроенной системы контроля, разумно сформулированных обязанностей и ограничений, возлагаемых на осуждённого. При этом важно не только формально применять отсрочку, но и наполнять её содержанием, направленным на реальную ресоциализацию.

В этом контексте адаптация положительного международного опыта в российское уголовное законодательство может способствовать выработке более гибкой и гуманной модели исполнения наказаний. Определение ясных и обоснованных критериев предоставления отсрочки, закрепление обязанностей осуждённого, а также учёт его социального положения и перспектив интеграции в общество — всё это

способно повысить результативность института отсрочки как средства правового воздействия. В конечном итоге подобный подход будет способствовать снижению уровня рецидивной преступности и формированию устойчивых механизмов социальной реабилитации.

Таким образом, совершенствование института отсрочки в российском законодательстве в направлении большей индивидуализации и учета социально-культурных факторов представляется не только возможным, но и необходимым шагом к улучшению правосудия и укреплению правопорядка в стране.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сверчков, В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов. Москва : Юрайт, 2025. 741 с.

2. Кабанен, Е. С. Некоторые проблемы реализации института отсрочки отбывания наказания в отношении некоторых категорий осужденных // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: Материалы Всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов с международным участием. В 3-х частях, Самара, 23 апреля 2021 года. Том Часть 1. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 219-222.

3. Гальчун, Е. А. Проблемы реализации института отсрочки отбывания наказания // XIII Дагелевские чтения. Уголовное право: от русской правды до наших дней: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Владивосток, 17 декабря 2022 года. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2023. С. 38-41.

4. Саргсян, М. А. Пути совершенствования отсрочки отбывания наказания как института уголовного и уголовно-исполнительного права // Ius Publicum et Privatum. – 2024. № 3(27). С. 136-142.

5. Семкина, Т. А. К вопросу о модернизации института отсрочки отбывания наказания // IV Международная научная конференция по междисциплинарным исследованиям: сборник статей, Екатеринбург, 15 декабря 2023 года. Екатеринбург: Общество с ограниченной ответственностью «Институт Цифровой Экономики и Права», 2023. С. 221-225.

6. Лукьянова, И. М. Отсрочка отбывания наказания: дис. ... канд. юрид. наук / И. М. Лукьянова. Тюмень, 2010. 222 с.

7. Петрова, И. А. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей: дис. ... канд. юрид. наук / И. А. Петрова. М., 2005. 221 с.

8. Кузнецов, А. И. Криминологические и правовые аспекты применения отсрочки отбывания наказания // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 6. С. 834-844. DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(6).

9. Смирнов, А. М. К вопросу о круге лиц, в отношении которых планируется применять пробацию в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 2. С. 11-13. DOI 10.18572/2072-4438-2023-2-11-13.

10. Крымов, А. А. Коллизии уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства на стадии исполнения приговора // Вести. Владимир.юрид. ин-та. - 2013. № 4 (29). С. 111-113.
11. Шошин, С. В. Отзыв на статью Васильевой, Т. Н. На тему: «институт отсрочки отбывания наказания больным наркоманией в российском уголовном праве» // Теология. Философия. Право. 2022. № 1(17). С. 99-103.

REFERENCES

1. Sverchkov V. V. Uголовное право. Obshchaya i Osobennaya chasti [Criminal Law. General and Special Parts]. Moscow, 2025, 741 p.
2. Kabanen E. S. Nekotorye problemy realizatsii instituta otsrochki otbyvaniya nakazaniya v otnoshenii nekotorykh kategorij osuzhdennykh [Some Problems of Implementing the Institution of Deferred Sentencing for Certain Categories of Convicts]. Problemy i perspektivy razvitiya uголовno-ispolnitel'noj sistemy Rossii na sovremennom etape: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii [Problems and Prospects of the Development of the Russian Penal System at the Present Stage: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]. Samara, 2021, vol. 1, pp. 219–222.
3. Gal'chun E. A. Problemy realizatsii instituta otsrochki otbyvaniya nakazaniya [Problems of Implementing the Institution of Deferred Sentencing]. XIII Dagelievskie chteniya. Uголовное право: ot Russkoj Pravdy do nashikh dnei [XIII Dageliev Readings. Criminal Law: From the Russkaya Pravda to the Present Day]. Vladivostok, 2023, pp. 38–41.
4. Sargisyan M. A. Puti sovershenstvovaniya otsrochki otbyvaniya nakazaniya kak instituta uголовnogo i uголовno-ispolnitel'nogo prava [Ways to Improve Deferred Sentencing as an Institution of Criminal and Penal Law]. Ius Publicum et Privatum, 2024, no. 3 (27), pp. 136–142.
5. Semkina T. A. K voprosu o modernizatsii instituta otsrochki otbyvaniya nakazaniya [On the Modernization of the Institution of Deferred Sentencing]. IV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po mezhdistsiplinarnym issledovaniyam [IV International Scientific Conference on Interdisciplinary Research]. Ekaterinburg. 2023, pp. 221–225.
6. Luk'yanova I. M. Otsrochka otbyvaniya nakazaniya: dis. ... kand. yurid. nauk [Deferred Sentencing: PhD Thesis in Law]. Tyumen, 2010, 222 p.
7. Petrova I. A. Otsrochka otbyvaniya nakazaniya beremennym zhenshchinam i zhenshchinam, imeyushchim maloletnikh detej: dis. ... kand. yurid. nauk [Deferred Sentencing for Pregnant Women and Women with Young Children: PhD Thesis in Law]. Moscow, 2005, 221 p.
8. Kuznetsov A. I. Kriminologicheskie i pravovye aspekty primeneniya otsrochki otbyvaniya nakazaniya [Criminological and Legal Aspects of Applying Deferred Sentencing]. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal - All-Russian Criminological Journal. 2020, vol. 14, no. 6, pp. 834–844. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14 (6).
9. Smirnov A. M. K voprosu o krug lits, v otnoshenii kotorykh planiruetsya primenyat' probatsiyu v Rossii [On the Scope of Persons Subject to Probation in Russia]. Uголовно-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie - Penal System: Law, Economics, Management. 2023, no. 2, pp. 11–13. DOI: 10.18572/2072-4438-2023-2-11-13.

10. Krymov A. A. Kollizii ugovnogo, ugovno-protsessual'nogo i ugovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva na stadii ispolneniya prigovora [Collisions of Criminal, Criminal Procedural, and Penal Legislation at the Sentencing Stage]. Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta - Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2013, no. 4 (29), pp. 111–113.

11. Shoshin S. V. Otzyv na stat'yu Vasil'evoy T. N. Na temu: «Institut otsrochki otbyvaniya nakazaniya bol'nym narkomaniy v rossijskom ugovnom prave» [Review of T. N. Vasilyeva's Article: «The Institution of Deferred Sentencing for Drug Addicts in Russian Criminal Law»]. Teologiya. Filosofiya. Pravo - Theology. Philosophy. Law. 2022, no. 1(17), pp. 99–103.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ситников Анатолий Евгеньевич, аспирант. Байкальский государственный университет. 664003, Иркутск, улица Ленина, 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sitnikov Anatoly Evgenievich, postgraduate student, Baikal State University. 664003, Irkutsk, Lenina Street, 11.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 20.06.2025; принята к публикации 25.07.2025.

The article was submitted 19.05.2025; approved after reviewing 20.06.2025; accepted for publication 25.07.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 3 (114). С. 247–260.

Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025

Vol. no. 3 (114). Pp. 247–260.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 343.1

ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Таршева Мира Николаевна

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел,

Российская Федерация

mirra_2023@internet.ru

Введение. В статье исследуется деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в сфере защиты прав участников уголовного судопроизводства. Рассматриваются институциональные и практические аспекты работы омбудсмана, его место в системе государственных органов, а также ключевые формы правозащитной деятельности в уголовном процессе. Особое внимание уделено анализу полномочий Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, включая рассмотрение жалоб, проведение проверок, внесение ходатайств и заключений, участие в судебных заседаниях, разработку предложений по совершенствованию процессуального законодательства, просветительскую работу и пр.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили доктринальные источники, касающиеся тематики настоящего исследования (диссертационные исследования и научные статьи), нормативно-правовые акты, ежегодные и специальные доклады Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Методология исследования базируется на диалектическом методе познания, который позволяет рассматривать правозащитную деятельность УПЧ РФ как динамичное явление, находящееся в постоянном развитии и взаимодействии с элементами государственной правовой и политической системы. Данный метод обеспечивает комплексный анализ форм реализации правозащитной деятельности. Для достижения поставленной цели применялись общие и частные методы научного познания, такие как: синтез, анализ, индукция, дедукция, сравнительно-правовой, формально-юридический.

Результаты исследования. Проведенный анализ позволил раскрыть формы деятельности омбудсмана по защите прав участников уголовного судопроизводства: рассмотрение жалоб участников уголовного процесса; проведение проверочных мероприятий; инициативная защита прав участников уголовного судопроизводства; внесение обращений (ходатайств, жалоб, заключений); участие в судебных процессах; разработка предложений по совершенствованию процессуального законодательства; просветительская деятельность; межрегиональное и международное сотрудничество, взаимодействие с институтами гражданского общества в области защиты прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Выводы и заключения. Деятельность УПЧ РФ в сфере уголовного процесса является важным механизмом защиты прав и свобод граждан. Через рассмотрение жалоб, проведение проверок, участие в судебных процессах, разработку предложений и рекомендаций омбудсмен способствует укреплению законности и справедливости в уголовном судопроизводстве. Его работа направлена не только на восстановление нарушенных прав, но и на создание условий для их эффективной защиты в будущем, что делает этот институт неотъемлемой частью правовой системы России.

Ключевые слова: омбудсмен, уголовный процесс, правозащитная деятельность, формы правозащитной деятельности; статистика обращений участников уголовного судопроизводства, социальная справедливость; субсидиарный правозащитный механизм

Для цитирования: Таршева М. Н. Правозащитная деятельность уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: уголовно-процессуальные аспекты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практический журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114). С. 247–260.

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

HUMAN RIGHTS ACTIVITIES OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: CRIMINAL PROCEDURAL ASPECTS

Mira N. Tarsheva

Oryol Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Orel,
Russian Federation
mirra_2023@internet.ru

Introduction. The article examines the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation in the field of protecting the rights of participants in criminal proceedings. The article examines the institutional and practical aspects of the Ombudsman's work, his place in the system of state bodies, as well as key forms of human rights activities in the criminal process. Special attention is paid to the analysis of the powers of the CPC of the Russian Federation, including consideration of complaints, conducting inspections,

submitting petitions and opinions, participating in court sessions, developing proposals to improve procedural legislation, educational work, etc.

Materials and Methods. The research materials were doctrinal sources related to the subject of this study (dissertation research and scientific articles), regulatory legal acts, annual and special reports of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. The research methodology is based on the dialectical method of cognition, which allows us to consider the human rights activities of the HRC RF as a dynamic phenomenon that is in constant development and interaction with elements of the state legal and political system. This method provides a comprehensive analysis of the forms of implementation of human rights activities. To achieve this goal, general and specific methods of scientific knowledge were used, such as synthesis, analysis, induction, deduction, comparative law, formal law.

The Results of the Study. The analysis made it possible to reveal the forms of activity of the UPR of the Russian Federation for the protection of the rights of participants in criminal proceedings: consideration of complaints from participants in the criminal process; conducting verification activities; proactive protection of the rights of participants in criminal proceedings; submission of appeals (petitions, complaints, conclusions); participation in court proceedings; development of proposals for improving procedural legislation; educational activities; interregional and international cooperation, interaction with civil society institutions in the field of protection of the rights of persons involved in criminal proceedings.

Findings and Conclusions. The activities of the UPR of the Russian Federation in the field of criminal procedure are an important mechanism for protecting the rights and freedoms of citizens. Through reviewing complaints, conducting inspections, participating in court proceedings, and developing proposals and recommendations, the CCP of the Russian Federation contributes to strengthening legality and fairness in criminal proceedings. His work is aimed not only at restoring violated rights, but also at creating conditions for their effective protection in the future, which makes this institution an integral part of the Russian legal system.

Keywords: ombudsman, criminal procedure, human rights activities, forms of human rights activities; statistics of appeals from participants in criminal proceedings, social justice; subsidiary human rights mechanism.

For citation: Tarsheva M. N. Pravozashchitnaya deyatel'nost' upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii: ugovovno-processual'nye aspekty [Human rights activities of the commissioner for human rights in the Russian Federation: criminal procedural aspects]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 3 (114), pp. 247–260.

В нашей стране человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита — государственной обязанностью. Эти положения закреплены в ст. 2 и 45 Конституции Российской Федерации (далее – КРФ)¹. Одним из

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=m8vg6uiohb499202839 (дата обращения: 30.03.2025).

элементов государственного механизма, обеспечивающего защиту прав и свобод человека и гражданина, является институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее по тексту – институт омбудсмена, институт государственного правозащитника).

Деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее по тексту – УПЧ РФ) направлена на обеспечение соблюдения конституционных прав человека, а также на содействие восстановлению нарушенных прав.

В рамках уголовного процесса полномочия и формы реализации деятельности омбудсмена приобретают особую значимость, что обусловлено в том числе спецификой уголовно-процессуальной деятельности (ее властно-принудительным характером) и возможностью применения достаточного арсенала процессуальных средств, ограничивающих конституционные права лиц, вовлеченных в уголовный процесс.

Общеизвестно, что защита прав участников уголовного судопроизводства — одно из перспективных направлений деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Т. Н. Москалькова отмечает, что «обеспечение гарантий прав участников уголовного процесса при осуществлении предварительного расследования и отправления правосудия – одно из главных условий достижения целей уголовного процесса: поддержания справедливости в обществе, наказания виновного в совершенном преступлении, обеспечения возмещения вреда потерпевшему, оправдания и реабилитации ошибочно подвергнутого уголовному преследованию и осуждению, а с позиций глобальных процессов – построения правового демократического государства»².

Современное правовое регулирование деятельности УПЧ РФ основывается на Конституции Российской Федерации, Федеральном конституционном законе от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»³, а также иных федеральных конституционных и федеральных законах.

Процедурные аспекты взаимодействия Уполномоченного с государственными органами регулируются актами Президента РФ, Правительства РФ, постановлениями Государственной Думы и Совета Федерации.

² Аналитический материал Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации 2019 года по вопросам гарантии прав граждан «Практика уполномоченных по правам человека в субъектах РФ по вопросу защиты прав человека в уголовном процессе» // Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://map.ombudsmanrf.org/Karta_Yadro/prav_z_karta/zakon/dokument_zakon/dokument_84/dokument_84web.pdf (дата обращения: 09.03.2025).

³ Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ (ред. от 29.05.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13440/?ysclid=m8vfuhaboc958548970 (дата обращения: 30.03.2025).

Ключевые разъяснения по вопросам компетенции УПЧ РФ содержатся в решениях Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Кроме того, правовая база деятельности УПЧ РФ включает международные документы, которые устанавливают цели, задачи и принципы работы национальных правозащитных институтов. Среди наиболее значимых – Парижские принципы⁴ и Венецианские принципы⁵. Хотя эти документы носят рекомендательный характер, они служат ориентиром для получения статуса «А» – высшей оценки в рамках Глобального альянса национальных правозащитных учреждений.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепляет ряд положений, наделяющих УПЧ РФ, уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации свидетельским иммунитетом (п. 8 ч. 3 ст. 56), а также регламентирующих особый порядок производства по уголовным делам в их отношении (ст. 447–450)⁶.

Заметим, что УПЧ РФ не является участником уголовного судопроизводства, хотя некоторые ученые (например, Н. В. Григорьева [1, с. 121]) пишут либо о том, что такой статус им приобретается в ходе обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, в частности потерпевшего, либо о необходимости его наделения таковым [2, с. 51–52]; предлагают внести соответствующие изменения в ФКЗ и УПК РФ.

Представляется, что такие выводы вступают в противоречие с принципом независимости УПЧ РФ (как известно, он в своей деятельности независим и неподотчетен каким-либо государственным органам, а равно должностным лицам), кроме того, противоречат замыслу законодателя, заключающемуся в создании субсидиарного правозащитного механизма, который «дополняет существующие средства защиты прав и свобод граждан, не отменяет и не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод» (статья 3 ФКЗ).

Т. Н. Москалькова в этой связи подчеркивает, что именно благодаря своему исключительному правовому статусу УПЧ РФ представляется возможным инициировать перед компетентными органами пересмотр или отмену решений в отношении отдельных граждан или групп лиц, если усматривает в них нарушения

⁴ Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека (Парижские принципы) [Электронный ресурс] : приняты Генеральной Ассамблеей ООН 20 дек. 1993 г. резолюцией 48/134 // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml (дата обращения: 30.03.2025).

⁵ Венецианские принципы о роли омбудсменов и национальных правозащитных учреждений в защите прав человека : приняты Венецианской комиссией Совета Европы 15-16.03.2019, документ CDL-AD (2019) 005. URL: <https://www.venice.coe.int/> (31.03.2025)/

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 30.03.2025).

законности и справедливости. Также он обладает полномочиями высказываться по системным вопросам защиты прав человека и давать оценку общей ситуации в этой сфере на национальном или региональном уровнях [3, с. 38].

Научный интерес представляют полномочия, а также формы деятельности УПЧ РФ в сфере защиты прав участников уголовного судопроизводства.

В рамках настоящего исследования нами были проанализированы диссертационные исследования [4, 5, 6] и научные публикации [7, 8, 9, 10], затрагивающие различные теоретические и практические аспекты деятельности УПЧ РФ, ежегодные доклады УПЧ РФ (2020–2024)⁷, касающиеся защиты прав участников уголовного процесса, нормативно-правовые источники (Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ, УПК РФ).

Достаточно обстоятельный анализ организационных и функциональных особенностей деятельности УПЧ РФ представлен в диссертационном исследовании А. Э. Плотниковой, с выводами которой сложно не согласиться. Автор указывает, что УПЧ РФ играет особую роль в отечественной правозащитной системе. С одной стороны, институту уполномоченного присущи черты государственного органа, с другой стороны, — независимого правозащитного механизма. Кроме того, он занимает особое место в политической системе, его нельзя отнести ни к одной из трех ветвей власти. А. Э. Плотникова подчеркивает принадлежность омбудсмена к особой ветви власти — контрольной [4, с. 13].

Н. Ю. Хаманева считает, что институт омбудсмена входит в систему высших государственных органов, но при этом не относится ни к законодательной, ни к исполнительной, ни к судебной ветвям власти [9, с. 88].

Д. Л. Феоктистов [6, с. 8, 13-14], Б. С. Галяутдинов [7, с. 46] пишут, что УПЧ РФ – это контрольный правозащитный орган, обеспечивающий государственные гарантии защиты прав граждан от нарушений со стороны власти.

В. А. Михайловская отмечает, что УПЧ РФ – уникальный государственный орган и институт защиты, не имеющий аналогов по объёму полномочий и месту в системе власти. Будучи официальным представителем государства, он занимается защитой прав граждан, но действует не как типичный бюрократический орган. Его ключевая особенность – независимость: омбудсмен автономен от исполнительной власти, сохраняя подотчётность только законодательной [8, с. 7].

Т. Н. Москалькова подчеркивает, что «Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации – персонифицированный конституционный государственный орган» [3, с. 36].

Действительно, среди признаков, сближающих омбудсмена с государственными органами, следуют выделить такие, как:

- учреждение этой должности в соответствии с законодательством;
- осуществление деятельности от имени государства;

⁷ Ежегодные доклады УПЧ РФ // Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady?ysclid=m8vrykq4jz790978941> (дата обращения: 30.03.2025).

– выполнение строго закрепленных функций в специфических организационно-правовых формах;

– формирование аппарата из государственных служащих с особым статусом.

В то же время омбудсмен не может издавать обязательные для исполнения нормативно-правовые акты и не обладает правом принуждения, что отличает его от традиционных органов власти.

Вместе с тем, хотя омбудсмен не обладает императивными полномочиями, законодательство предоставляет ему достаточно инструментов для эффективного выполнения функций.

В частности, УПЧ РФ наделен следующими правами: беспрепятственного доступа во все государственные и муниципальные органы, коммерческие и некоммерческие организации, воинские формирования, а также учреждения пенитенциарной системы; истребования любых необходимых документов и информационных материалов; получения письменных и устных объяснений от должностных лиц; проведения проверочных мероприятий в отношении деятельности органов власти и их должностных лиц; ознакомления с материалами судебных дел любой категории, включая архивные; безотлагательного приема руководителями всех уровней власти и предприятий независимо от формы собственности и т. д.⁸.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно заключить следующее:

1. Институт омбудсмента, являясь одним из высших государственных органов, при этом находится вне классической системы разделения властей.

2. Будучи уникальным правовым институтом, УПЧ РФ выполняет ключевую роль в системе сдержек и противовесов, органично сочетая государственные механизмы защиты прав с общественным контролем.

3. Деятельность омбудсмента носит субсидиарный характер, дополняя существующие механизмы правовой защиты.

При проведении исследования нами были проанализированы ежегодные доклады УПЧ РФ за 2020–2024 гг., из текста которых следует:

- количество жалоб на нарушения прав участников уголовного судопроизводства, направляемых УПЧ РФ, из года в год остается практически неизменным (в 2020 году – 11 469 обращений; в 2021 – 13 077; в 2022 – 11 607; в 2023 – 10 401; в 2024 – 9 277), хотя в последние годы и наметилась тенденция к их сокращению;

- в общей структуре обращений, подаваемых омбудсмену, большую часть составляют жалобы в защиту прав подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных (2020 – 8 264; 2021 – 8 146; 2022 – 7 040; 2023 – 5 975; 2024 – 4 960); на втором месте – в защиту заявителей и потерпевших (2020 – 2 496; 2021 – 4 600; 2022 – 4 484; 2023 – 4 361; 2024 – 4 242); меньше всего – в защиту иных участников уголовного

⁸ Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ (ред. от 29.05.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13440/?ysclid=m8vfuhaboc958548970 (дата обращения: 30.03.2025).

судопроизводства (2020 – 709; 2021 – 331; 2022 – 83; 2023 – 65; 2024 – 75);

- подавляющее большинство жалоб участников уголовного судопроизводства подаются на нарушения, допущенные в досудебном производстве;

- в ходе рассмотрения жалоб УПЧ РФ выявляются факты нарушения тех или иных прав участников уголовного процесса, принимаются меры, направленные на их восстановление либо оказывается содействие в реализации прав через органы прокуратуры и предварительного расследования (так, в 2024 году такие меры коснулись 2 627 человек по 763 обращениям, к дисциплинарной ответственности привлечено 38 должностных лиц органов предварительного расследования, к административной – 3; направлено 19 ходатайств о проверке вступивших в законную силу судебных решений; 11 заключений о нарушениях закона в рамках доследственных проверок и прекращенных производством уголовных дел, выявленных по результатам проверки и пр.);

- по результатам рассмотрения обращений и обобщения эмпирического материала УПЧ РФ выявляются проблемные вопросы, касающиеся сферы уголовного судопроизводства, предлагаются варианты их решения.

Таким образом, статистика УПЧ РФ свидетельствует о наиболее выраженных на этапе досудебного производства системных нарушениях прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовный процесс. Очевидно, что ключевым решением этих проблем должен явиться переход от точечного реагирования к предупреждению таких нарушений через совершенствование процессуального законодательства и повышение профессиональной квалификации и ответственности должностных лиц органов предварительного расследования.

Прежде чем перейти к следующему вопросу, касающемуся выделения форм правозащитной деятельности УПЧ РФ в уголовном процессе, отметим, что в юридической науке форма деятельности понимается как внешнее выражение правовых действий, их организационно-правовая структура.

Что касается форм реализации деятельности УПЧ РФ в области защиты прав участников уголовного судопроизводства, то среди таковых следует выделить: рассмотрение жалоб участников уголовного процесса, проведение проверочных мероприятий, инициативную защиту прав участников уголовного судопроизводства, внесение обращений (ходатайств, жалоб, заключений), участие в судебных процессах, разработку предложений по совершенствованию процессуального законодательства, просветительскую деятельность.

1. Рассмотрение жалоб участников уголовного процесса.

Уполномоченный принимает и рассматривает жалобы на действия (или бездействия) государственных органов, должностных лиц, если заявитель считает, что его права были нарушены (если ранее заявитель обжаловал эти решения или действия (бездействие) в процессуальном порядке, но не согласен с решениями, принятыми по его жалобе). В уголовном процессе это может касаться, например, качества доследственных проверок, незаконного задержания, полноты возмещения вреда, причиненного преступлением, при принятии решения об освобождении подозреваемого (обвиняемого) от уголовной ответственности, избрания и продления

мер пресечения, нарушения прав на защиту, на доступ к правосудию и других процессуальных прав (ст. 16 Федерального конституционного закона Российской Федерации, далее – ФКЗ РФ).

2. Проведение проверочных мероприятий.

Уполномоченный имеет право проводить проверки по фактам нарушений как самостоятельно, так и посредством привлечения органов предварительного расследования и прокуратуры, в рамках которых омбудсмен вправе знакомиться с материалами уголовных дел (в том числе с прекращенными производством, с материалами доследственных проверок и пр.); поручать государственным учреждениям проведение экспертных исследований; получать соответствующие объяснения от должностных лиц; посещать места содержания под стражей и т. д. (ст. 23 ФКЗ РФ).

3. Инициативная защита прав участников уголовного судопроизводства.

УПЧ РФ обладает полномочиями самостоятельно инициировать применение правозащитных мер в рамках своей компетенции, не дожидаясь поступления индивидуальных обращений от заявителей, при выявлении: случаев массового или грубого нарушения прав граждан; ситуаций, представляющих особую общественную значимость; обстоятельств, требующих защиты интересов социально уязвимых лиц, не имеющих возможности самостоятельно отстаивать свои права (ст. 21 ФКЗ РФ).

4. Внесение обращений (ходатайств, жалоб, заключений).

По результатам рассмотрения жалоб или проведения проверок УПЧ РФ может направлять ходатайства в компетентные государственные органы о возбуждении дисциплинарного, административного производств, а также уголовного дела в отношении должностных лиц в случаях нарушения прав участников уголовного судопроизводства (ст. 29 ФКЗ РФ). Кроме того, он может ходатайствовать о проверке решения суда, постановления судьи, вступившего в законную силу и пр. (ст. 29 ФКЗ РФ).

В случае выявления нарушений прав и свобод граждан в решениях или действиях (бездействии) органов предварительного расследования или должностных лиц на УПЧ РФ возлагается обязанность направить им мотивированное заключение, содержащее рекомендации о необходимых и возможных средствах восстановления прав и свобод (ст. 27 ФКЗ РФ).

УПЧ РФ наделен полномочием обращаться в Конституционный Суд РФ с жалобой в случаях, когда применяемый или подлежащий применению закон нарушает конституционные права и свободы граждан (ст. 29 ФКЗ РФ). Так, УПЧ РФ в 2004 году обращался в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушения конституционных прав обвиняемого частью 7 статьи 236 УПК РФ⁹.

5. Участие в судебных процессах.

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 30.09.2004 № 252-О «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Е. Я. Янковского частью седьмой статьи 236 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49705/?ysclid=m8vr5prswv680549844

Уполномоченный или его представители могут участвовать в судебных заседаниях в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, но выступающего в защиту прав и свобод граждан. Это особенно важно в случаях, когда речь идет о защите прав потерпевших, обвиняемых или свидетелей.

6. Разработка предложений по совершенствованию процессуального законодательства.

Совершенствование законодательства в области защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе участников уголовного судопроизводства – одно из основных направлений деятельности УПЧ РФ. Уполномоченный анализирует практику нарушений прав человека в уголовном процессе и разрабатывает предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, с которыми может обращаться к субъектам законодательной инициативы. Так, среди федеральных законов, в которых закреплены предложения УПЧ РФ, можно обозначить:

- Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹⁰;

- Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 267-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹¹;

- Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹² и т. д.

7. Просветительская деятельность. УПЧ РФ проводит образовательные мероприятия, публикует доклады и разъясняет гражданам их права, в том числе в рамках уголовного судопроизводства. Это способствует повышению правовой грамотности и осведомленности о механизмах защиты.

В докладах УПЧ РФ делаются акценты на самые болевые точки отечественного уголовного судопроизводства и системные нарушения требований законодательства и прав граждан.

¹⁰ О внесении изменений в Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 269-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482519/?ysclid=m8ytrvc48ok597020614 (дата обращения: 01.04.2025).

¹¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 267-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482520/?ysclid=m8yrswpj9o977768195 (дата обращения: 01.04.2025).

¹² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 01.07.2021 N 281-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388906/?ysclid=m8yhrxa53o219303925 (дата обращения: 01.04.2025).

Кроме того, по отдельным вопросам, касающимся проблемных аспектов соблюдения прав человека в России, в частности участников уголовного судопроизводства, УПЧ РФ уполномочен подготавливать и направлять в нижнюю палату парламента специальные аналитические доклады (ст. 33 ФКЗ). Например, речь идет о тематических докладах УПЧ РФ, посвященных соблюдению и защите прав потерпевших в уголовном процессе¹³, проблемам совершенствования суда присяжных¹⁴ и т. д.

8. Межрегиональное и международное сотрудничество, взаимодействие с институтами гражданского общества в области защиты прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

В рамках международной деятельности усилия УПЧ РФ сосредоточены на трех приоритетных направлениях: защите россиян за рубежом, поддержке соотечественников и продвижении российской правозащитной политики. Так, например, в 2024 году эта работа включала: участие в международных правозащитных структурах; оперативное реагирование на обращения граждан; информационно-аналитическое взаимодействие; публичную защиту национальных интересов; конкретную помощь российским гражданам за границей; позиционирование российской правозащитной модели¹⁵.

Омбудсмен активно сотрудничает с институтами гражданского общества, рассматривая их как важных партнеров в защите прав человека. В своей работе Уполномоченный опирается на предложения общественников, анализирует актуальные правозащитные ситуации и оказывает им поддержку. Диалог ведется с различными общественными организациями, включая Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека и Общественную палату РФ. Начиная с 2021 года усилено взаимодействие УПЧ РФ и его аппарата с общественными наблюдательными комиссиями, благотворительными фондами и правозащитными НКО¹⁶.

Ключевым направлением сотрудничества остается совместная работа по рассмотрению обращений граждан. Большинство запросов, поступающих от общественных организаций, касаются защиты прав участников, лиц, вовлеченных в

¹³ Соблюдение и защита прав потерпевших в уголовном процессе: тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Москва: Издательство Проспект, 2020. 64 с.

¹⁴ Проблемы совершенствования деятельности суда присяжных в современной России: Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, М.: ИД «Юриспруденция», 2004. 64 с.

¹⁵ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год // Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2024.pdf> (дата обращения: 01.04.2025).

¹⁶ Взаимодействие с институтами гражданского общества // Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://ombudsmanrf.org/napravleniya_deyatelnosti/vzaimodejstvie_s_institutami_grazhdansko (дата обращения: 01.04.2025).

уголовный процесс, хотя спектр затрагиваемых тем, безусловно, является достаточно обширным.

Таким образом, деятельность УПЧ РФ в сфере уголовного процесса является важным механизмом защиты прав и свобод граждан. Через рассмотрение жалоб, проведение проверок, участие в судебных процессах, разработку предложений и рекомендаций УПЧ РФ способствует укреплению законности и справедливости в уголовном судопроизводстве. Его работа направлена не только на восстановление нарушенных прав, но и на создание условий для их эффективной защиты в будущем, что делает этот институт неотъемлемой частью правовой системы России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Григорьева, Н. В. Защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 119 – 121.
2. Беляков, А. Ю. Правовое регулирование деятельности Уполномоченного по правам человека: состояние, вопросы совершенствования (Уголовно-исполнительный аспект) // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2 (18). С. 48 – 53.
3. Москалькова, Т. Н. Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 4 (80). С. 23-44.
4. Плотникова, А. Э. Структурно-организационные и функциональные особенности уполномоченного по правам человека в российской федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 26 с.
5. Семенова, А. Ю. Уполномоченный по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. 27 с.
6. Феоктистов, Д. Л. Конституционно-правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 24 с.
7. Галяутдинов, Б. С. Правовая природа института Уполномоченного по правам человека (омбудсмена) в Российской Федерации // Вестник ПензГУ. 2014. № 2 (6). С. 40 – 47.
8. Михайловская, В. А. Уполномоченный по правам человека в системе разделения властей // Труды института государства и права Российской академии наук / отв. редактор Ю. Л. Шульженко. 2015. № 2. С. 7-13.
9. Хаманева, Н. Ю. Конституционно-правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Труды Института государства и права РАН. 2008. № 6. С. 87-89.
10. Москалькова, Т. Н. Институт уполномоченных по правам человека в государственном механизме России // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 52-59.

REFERENCES

1. Grigor'eva N. V. Zashchita prav i zakonnyh interesov poterpevshih ot prestuplenij Upolnomochennym po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii [Protection of the rights and

legitimate interests of victims of crimes by the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation]. Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti — Vestnik of Economic Security, 2019, no. 1, pp. 119—121.

2. Belyakov A. Yu. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka: sostoyanie, voprosy sovershenstvovaniya (Ugolovno-ispolnitel'nyj aspekt) [Legal regulation of the activities of the Commissioner for Human Rights: status, issues of improvement (Penal aspect)]. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo — Penal enforcement law, 2014, no. 2 (18), pp. 48—53.

3. Moskal'kova T. N. Institut upolnomochennyh po pravam cheloveka: vchera, segodnya, zavtra [Institute of Human Rights Commissioners: yesterday, today, tomorrow] Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina — Vestnik of O. E. Kutafin University, 2021, no. 4 (80), pp. 23-44.

4. Plotnikova A. E. Strukturno-organizacionnye i funkcional'nye osobennosti upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii : avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk [Structural, organizational and functional features of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation].. Chelyabinsk, 2013, 26 p.

5. Semenova A. Yu. Upolnomochennyj po pravam cheloveka v mekhanizme obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii : avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk [Commissioner for Human Rights in the mechanism for ensuring human and civil rights and freedoms in the Russian Federation]. Tyumen', 2006, 27 p.

6. Feoktistov D. L. Konstitucionno-pravovoj status Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) : avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk [The constitutional and legal status of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation (comparative legal study)]. Saratov, 2012, 24 p.

7. Galyautdinov B. S. Pravovaya priroda instituta Upolnomochennogo po pravam cheloveka (ombudsmena) v Rossijskoj Federacii [The legal nature of the institution of the Commissioner for Human Rights (Ombudsman) in the Russian Federation]. Vestnik PenzGU — Bulletin of Penza State University, 2014, no. 2 (6), pp. 40—47.

8. Mihajlovskaya V. A. Upolnomochennyj po pravam cheloveka v sisteme razdeleniya vlastej [Commissioner for Human Rights in the system of separation of powers]. Trudy instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk — Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2015, no. 2, pp. 7—13.

9. Hamaneva N. Yu. Konstitucionno-pravovoj status Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii [Constitutional and legal status of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation]. Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2008, no. 6, pp. 87—89.

10. Moskal'kova T. N. Institut upolnomochennyh po pravam cheloveka v gosudarstvennom mekhanizme Rossii [The Institute of Human Rights Commissioners in the Russian State Machinery]. Administrativnoe pravo i process — Administrative law and process, 2018, no. 12, pp. 52—59.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Таршева Мира Николаевна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры информационных технологий в деятельности ОВД. Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. 302027, Российская Федерация, Орел, улица Игнатова, 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tarsheva Mira Nikolaevna, candidate of Legal Sciences, lecturer at the department of information technology in the activities of the department of internal affairs. Oryol Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 302027, Russian Federation, Orel, Ignatova Street, 2.

Статья поступила в редакцию 19.04.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 18.07.2025.

The article was submitted 19.04.2025; approved after reviewing 20.05.2025; accepted for publication 18.07.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.
2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.
3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее – Институт) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащем его полнотекстовую версию.
4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.
5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.
6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.
7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.
8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.
9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.
10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.
11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в информационно-коммуникационной сети Интернет.

14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.

15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом Института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия дает всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, ученая степень, ученое звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передается рецензентом для учета и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие

требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем – пять страниц печатного текста (не включая аннотацию и списка источников), оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем – пятнадцать страниц печатного текста (не включая аннотацию и списка источников), оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: РТ Astra Serif.

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм). Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине».

Фотографии, рисунки представляются отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в черно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации **не** представлять как сканированное изображение.

В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке источников. Затекстовые библиографические ссылки оформляются как «Список источников». Внутритекстовые ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке источников (затекстовых ссылках) и страниц, на которые ссылается автор (*например, [2, с. 46]*). Список источников оформляется в соответствии с **ГОСТ Р 7.0.5–2008** (обязательно **с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц**). Список источников оформляется по степени упоминания в тексте, в соответствии с **ГОСТ Р 7.0.7–2021**. Рекомендуем использовать: snoska.info (онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников).

Сноски (если есть) – концевые (**нумерация сквозная**).

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, ученое звание, ученую степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утвержденной приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

К представленному научному материалу должна прилагаться справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, заверенная личной подписью.

Порядок направления рукописей и издания журнала

Для опубликования в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные научные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, согласие на обработку персональных данных, а также подписанный автором лицензионный договор.

Документы представляются в редакцию журнала в электронном виде (через личный кабинет на сайте журнала **<https://vestnikesiirk.ru>**).

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков настоящего журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта <https://vestnikesiirk.ru>.

**ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ**

Научно-практический журнал
№ 3 (114) 2025

Редактор Т. В. Зайцева
Технический редактор: Л. Е. Ким
Редактор-переводчик: Е. С. Фидель
Дизайн обложки: М. А. Полянская

НИИРИО ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110